

БОРИС НИКОЛЬСКИЙ

[Faint handwritten signature or text]

БОРИС НИКОЛЬСКИЙ

РАССКАЗЫ

РИСУНКИ ВЛАДИМИРА ШЕВЧЕНКО

ЛЕНИНГРАД
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1983

М Абонент

Саратовская областная
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
им. А. С. Пушкина

8

СОЛДАТСКИЕ ЧАСЫ

**РОТА,
ПОДЪЕМ!**

ГЛАВНАЯ СТРЕЛКА

Никогда не забуду свой первый день, а точнее — первый вечер в армии. Случилось так, что мы — несколько человек — прибыли в свою часть на две недели позже, чем все остальные. Другие солдаты-новички уже успели к этому времени немного пообжиться, привыкнуть к армейским порядкам и на нас посматривали чуть свысока.

Днём мы помылись в бане, получили свеженькое обмундирование и познакомились со своими командирами. А вечером, когда наступила пора ложиться спать, или, как говорят военные, время отбоя, вся рота выстроилась в казарме. Нас же, новеньких, старшина поставил в сторонке, отдельно, и произнёс такую речь:

— Если я спрошу, какая стрелка в солдатских часах самая главная, что вы ответите? Часовая? Ничего подобного! Минутная? Опять ошибаетесь! Секундная — запомните это! Секундная стрелка самая главная! А почему? Да потому, что в армии каждая секунда на счету. И распорядок дня — закон для солдата. С завтрашнего дня он будет законом и для вас. А пока смотрите и запоминайте.

Тут старшина, вынул из кармана галифе большие часы, повернулся к замершей по команде «смирно» роте и протяжно, даже торжественно командовал:

— Внимание, рота! Приготовиться к отбою! Даю две минуты. Разойдись.

Строй моментально рассыпался.

Солдаты бросились к своим койкам. На бегу они расстёгивали гимнастёрки, срывали ремни, сдёргивали шапки.

Кто-то с кем-то столкнулся.

Кто-то запутался в гимнастёрке.

Кто-то не мог стянуть сапог и скакал на одной ноге.

Мелькали белые нижние рубашки. Мелькали портянки, грохали сапоги, раскачивались койки.

И над всем этим мельтешением, суетой и спешкой звучал раскатистый голос старшины:

- Осталась минута!
- Полминуты!
- Пятнадцать секунд!
- Отбой!

И сразу всё замерло.

Кто успел натянуть на себя одеяло и кто не успел — все так и застыли на койках. А несколько человек всё ещё топтались возле табуреток. И вид у них был растерянный и виноватый.

Кто-то из нашей группы хихикнул.

— Смешно? — спросил старшина. — Правильно. Смешно.

Он неторопливо оглядел ряды табуреток с как попало брошенным обмундированием, оглядел солдат, застывших на койках.

— Ро-ота! — скомандовал он. — По-одъём!

Опять замелькали рубашки. Гимнастёрки. Портянки. Галифе. Сапоги. Как будто ту же самую киноленту, которую мы только что просмотрели, теперь завертели в обратном направлении.

Построились солдаты, а старшина — снова командует:

— Ро-ота! Отбой!

И ещё через три минуты:

— Ро-ота! По-одъём!

— Отбой!

— По-одъём!

Больше никто из нас уже не смеялся. Мы поняли, что с завтрашнего дня нам предстоит то же самое. И мы не ошиблись.

Сколько было этих «подъёмов» и «отбоев»!

Сколько раз подгонял нас неумолимый голос старшины: «Осталась минута!», «Полминуты!», «Пятнадцать секунд!».

Сколько раз ругали мы в душе наших командиров: «Подумаешь, какая важность — лишние пятнадцать секунд!»

И сколько раз злились на самих себя, когда никак не давались нам эти последние пятнадцать секунд!

А сколько узнали мы маленьких, очень простых и очень важных секретов: как правильно сложить гимнастёрку, чтобы утром в спешке не запутаться в ней, как быстро натянуть сапоги, как правильно завернуть портянку, чтобы потом не натереть ногу...

Но зато как радовались мы, как гордились собой, когда по первой ночной тревоге наша рота поднялась быстрее всех и когда в ответ на похвалу командира полка мы дружно гаркнули:

— Служим Советскому Союзу!

**РОТА,
СТРОИТЬСЯ
НА ЗАРЯДКУ!**

КЛИМАТ КЛИМАТОМ...

Первый год я служил на востоке, в Сибири, в холодных краях. Помню, утром диктор по радио объявляет:

— Сейчас температура воздуха минус двадцать восемь градусов...

На улице ещё темно, холодно. Ох, как не хочется выскакивать на мороз из тёплой казармы!

А сержанты — наши начальники — командуют, торопят:

— Поживее, ещё поживее! Строиться на зарядку!

Потом перевели меня на юг, в Среднюю Азию. Утром соскакиваем с коек, диктор сообщает:

— Сейчас температура воздуха плюс двадцать девять градусов...

На улице солнце уже всю припекает. В тени бы сейчас посидеть, в прохладе...

А сержанты командуют, торопят:

— Поживее, поживее! Строиться на зарядку!

Климат климатом, а зарядка зарядкой...

И такая была та зарядка, что сон сразу как рукой снимало. Начинаясь зарядка всегда с бега. Пробежим километр, полтора, потом принимаемся за вольные упражнения.

А вот одному солдату — рядовому Мамонтову — бег никак не давался. Не умел он бегать. Не любил. Пробежит метров двести и уже отстаёт от взвода, позади плетётся.

— Сердце у меня слабое, — говорит. — Задыхаюсь. Не могу бегать. Не имеете права с моим слабым здоровьем меня на зарядку гонять. Я врачу пожалуюсь.

И правда, пошёл он вскоре к врачу — жаловаться. Вернулся довольный.

— Всё в порядке, — говорит. — Врач очень внимательный человек оказался. Осмотрел меня, выслушал, лекарство хорошее обещал прописать.

А тут как раз приносят старшине роты от врача специальную тетрадку, куда врач результаты осмотра больных записывал.

Раскрыл старшина тетрадку, а там записано:

«Рядовому Мамонтову прописываю: первую неделю каждый день бегать по километру, вторую неделю — по полтора километра, третью неделю — по два километра.

Доктор Добрецов».

Вот тебе и лекарство!

С тех пор бегал Мамонтов на зарядку вместе со всеми. Больше на своё здоровье не жаловался.

РОТА,
СТРОИТЬСЯ
НА УТРЕННИЙ
ОСМОТР!

ВТОРАЯ НАТУРА

После зарядки, только успеешь заправить койку, почистить сапоги, умыться, а дневальные уже подают команду:

— Строиться на утренний осмотр!

Утренний осмотр для молодого солдата вроде экзамена. Выдержишь или не выдержишь. Только экзамен этот не раз в год, не раз в месяц, а каждый день.

Идёт сержант, командир отделения, вдоль строя, медленно идёт и к каждому солдату присматривается.

Аккуратно ли пришит подворотничок — смотрит.

Все ли пуговицы на месте — смотрит.

Хорошо ли вычищены сапоги — тоже не забудет взглянуть.

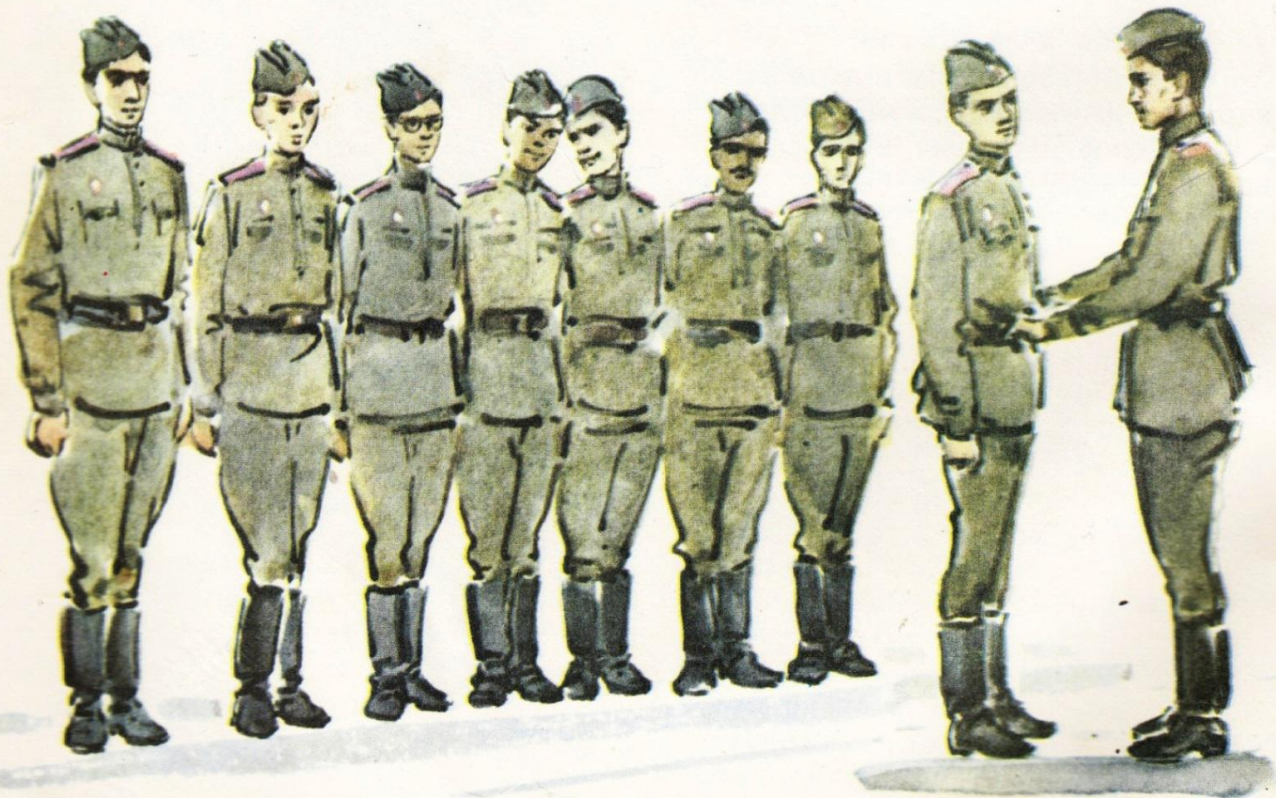
Не набиты ли чем лишним карманы, на месте ли носовой платок — всё интересует сержанта, каждая мелочь.

Знает сержант: дисциплина в армии начинается с привычки к аккуратности и порядку.

Правда, был в нашем взводе один солдат, который никак не хотел привыкать к порядку. Звали его Миша, фамилия — Соловьёв. Был он парень разболтанный, избалованный. Вот ему чаще всех и доставалось и от старшины, и от командира отделения, и от командира взвода. Короче говоря, ото всех командиров. Только, бывало, и слышишь:

— Соловьёв, опять сапоги плохо почистил?

— Соловьёв, а пуговицу кто за вас пришивать будет?

— Соловьёв, почему койка небрежно заправлена?

А самому Соловьёву, конечно, казалось, что к нему просто придираются. Но делать нечего, в армии с командирами не поспоришь: приходилось ему каждый день и сапоги чистить, и койку перезаправлять по нескольку раз, и пуговицы пришивать. Зато, когда останемся одни, он и говорит:

— Надоела мне такая жизнь. Вот увидишь: как только отслужу, домой вернусь — спать буду часов по двадцать в сутки, честное слово. Постель заправлять ни за что не стану. К сапожной щётке никогда не притронусь. Не веришь? Вот чем хочешь клянусь!

И так случилось, что уезжали из армии мы с ним вместе. Вместе пришли на вокзал, вместе сели в один поезд и поехали домой.

Утром я вижу: Соловьёв берёт сапожную щётку, идёт в тамбур и, как ни в чём не бывало, начинает надраивать сапоги.

— А как же твоя клятва? — спрашиваю.

— Тьфу ты! — говорит. — Совсем забыл.

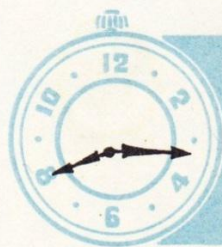
Размахнулся и тут же вышвырнул щётку за окно вагона.

На другой день остался в нечищенных сапогах. Но вижу — нет-нет да и поглядывает себе на ноги. Словно его беспокоит что. Но молчит. И на следующий день — то же. А поздно вечером — я уже на верхнюю полку забрался, засыпать начал — вдруг слышу: кто-то тихо-тихо мой чемодан приоткрывает.

Обернулся, а это Мишка Соловьёв. И в руках у него — моя сапожная щётка.

— Понимаешь, — говорит он виноватым голосом, — не могу. Привык. Такое чувство, словно бы не умывался...

Недаром, видно, есть такая пословица: «Привычка — вторая натура». Второй характер, иначе говоря.

**РОТА,
СТРОИТЬСЯ
НА ЗАВТРАК!**

СОЛДАТСКИЙ АППЕТИТ

Когда человек слабосилен, когда не может справиться с каким-нибудь делом, про него говорят: «Мало каши ел». Зато про солдат этого никак не скажешь. Потому что каша — главная солдатская пища.

Не знаю, кто как, а я кашу ещё с детства любил. И в армии ел её с удовольствием. До сих пор помню: войдёшь в столовую с мороза, усталый, а на столе бачок — дымится горячая пшённая каша! Хорошо! Сядут за стол одиннадцать человек — не успеешь оглянуться, бачок уже пуст.

Сколько служил в армии, никогда не слышал, чтобы солдаты на аппетит жаловались. Не зря говорят, что солдатское питание так хитро рассчитано, что толстые в армии худеют, а худые поправляются. Во всяком случае, я поправился, это точно могу сказать.

**РОТА,
ПРИСТУПИТЬ
К ЗАНЯТИЯМ!**

ПРО ТРЕНИРОВКУ

Честно говоря, когда ехал я в армию, военную службу представлял себе очень смутно.

Мне мерещились манёвры, парады, атаки, крики «ура», дымовые завесы, грохот взрыв-пакетов...

А увидел я...

Увидел я первым делом расписание занятий, совсем как в школе. И отметки в журнале.

Только вместо школьных звонков дневальный подаёт команды:

— Приступить к первому часу занятий!

— Окончить первый час занятий!

Только ни опоздать, ни прогулять никак нельзя. Потому что на занятия — строем, и с занятиями — строем. Дисциплина. И уроки, конечно, другие.

Физподготовка — чтобы стать сильными.

Огневая — чтобы стать меткими.

Инженерное дело — чтобы стать неуязвимыми.

Строевая — чтобы стать выносливыми.

Много разных предметов, все не перечислишь. Только успевай заниматься.

Привели нас впервые на полосу препятствий. Командир наш, сержант Остроухов, объяснил нам, что к чему, показал, как под колючей проволокой ползти, и как через забор перемахнуть, и как окоп перепрыгнуть.

— Ясно? — спрашивает.

— Ясно! Ясно! — отвечаем мы.

До того всё это легко и ловко получалось у сержанта, что и нам показалось: подумаешь, что тут сложного! И полоса вроде бы не очень длинная, и забор не очень высокий, и окоп не очень широкий.

А как стали сами преодолевать эту полосу, тут и началось! Кто шинелью за проволоку зацепился. Кто на заборе застрял. А кто до окопа добежал и выдохся: не то что перепрыгнуть — и шагу больше сделать не может.

Ещё раз попробовали — опять не выходит. В третий раз — ещё хуже. Только совсем вымотались. Вспотели, перемазались, еле дышим. И обидно: неужели мы такие неспособные?

А сержант улыбается.

— Запомните, — говорит, — даже самую простую вещь без тренировки не одолеешь.

Построил он взвод и повёл дальше.

— Сейчас, — говорит, — я покажу вам радиостанцию, которую вы будете изучать. Вот смотрите.

— Где? Где? — спрашиваем мы.

Потому что вокруг ничего нет похожего на радиостанцию. Только стоят три большие крытые автомашины.

— Да вот же! — говорит сержант Остроухов и показывает на машины. — Это она и есть.

Вот так да!

Целых три машины! Да разве такую махину одолеешь? Там одних радиоламп, наверно, штук триста! А разных переключателей, приборов, стрелок, кнопок, сигнальных лампочек — попробуй разберись!

— Ну как? — спрашивает сержант. — Нравится?

А мы молчим. Нет, видно, никогда нам на такой радиостанции не работать.

— Ничего, — говорит сержант Остроухов. — Не унывайте. И запомните: даже самую сложную штуку одолеешь тренировкой...

И знаете, прав он оказался. Потому что и полосу препятствий мы осилили, и на радиостанции работать научились, даже в больших манёврах потом участвовали, и ничего — не подкачали.

Только если бы дневальные отсчитывали с самого начала те часы, что провели мы на полосе препятствий, и те часы, что тренировались на радиостанции, то в конце концов звучали бы такие команды:

— Окончить семьсот пятьдесят шестой час занятий!

— Приступить к семьсот пятьдесят седьмому часу занятий!

Или что-нибудь в этом роде.

ОБЕД

Про обед могу сказать то же самое, что про завтрак.

**РОТА,
СТРОИТЬСЯ
НА ОБЕД!**

«КРЕСТИКИ-НОЛИКИ»

Недавно я встретил на улице своего старого товарища — Толю Капустина. Мы вместе с ним в одной роте служили. Теперь он уже солидный человек. Заочный институт закончил. Начальник цеха на большом заводе. Не Толя, а Анатолий Иванович. И никто, конечно, не догадывается на заводе, что у этого солидного человека когда-то было смешное прозвище: Крестики-Нолики.

И вот почему.

Когда мы служили в армии, больше всего не любил Толя Капустин часы самостоятельной подготовки. Никак ему было не высидеть спокойно эти два часа. Все занимаются, а он скучает. Полистает для вида книгу и шепчет соседу:

— Давай в «морской бой» сыграем?

**РОТА,
ПРИСТУПИТЬ
К САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ
ПОДГОТОВКЕ!**

Три игры у него были любимые: «морской бой», «балда» и «крестики-нолики». В эти игры он всех обыгрывал.

Сержант Остроухов заметит, подойдёт к нему:

— Опять вы, Капустин, посторонним делом занимаетесь? Получите-ка наряд вне очереди.

А наряд вне очереди — это значит пол мыть.

Вечером Капустин моет пол в казарме, его спрашивают:

— За что это тебя?

— За «морской бой»... — отвечает.

На другой день опять моет, опять спрашивают:

— А сегодня за что?

— За «крестики-нолики»...

Так вот и прозвали его Крестики-Нолики.

Только кому же понравится каждый день пол мыть?

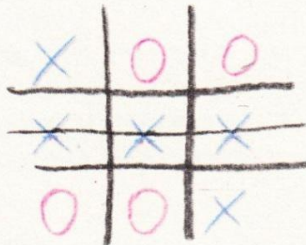
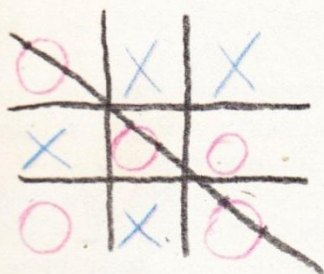
Никому не понравится.

И Капустину не нравилось. А что будешь делать? Волей-неволей пришлось заниматься. Не было другого выхода.

И вот теперь, спустя несколько лет, когда мы встретились, я не удержался, спросил:

— А «крестики-нолики» помнишь?

— Ещё бы! — засмеялся Капустин. — Ох и злился я тогда на нашего сержанта! А теперь спасибо ему говорю. Если бы не армия, я бы никогда в жизни институт не закончил. До армии меня и палкой за уроки было не засадить. Только в армии и привык самостоятельно заниматься. А всё он — сержант Остроухов. Вот тебе и «крестики-нолики»!

ЛИЧНОЕ ВРЕМЯ СОЛДАТА

5762
Есть и такое в распорядке дня. Чтобы письмо домой написать. Книжку почитать. Отдохнуть. Так оно и называется: «личное время».

Только я сначала этого времени совершенно не замечал. Будто его и не было вовсе.

Потому что времени мне постоянно не хватало. Я постоянно торопился и постоянно чего-нибудь не успевал.

В личное время я учился прыгать через «коня».

В личное время мыл противогаз.

Стирал подворотнички.

Тренировался на полосе препятствий.

Читал учебники.

А когда наконец собирался сесть за письмо или сыграть в шашки, дневальный уже командовал:

— Рота, приготовиться к построению на ужин!

И так весь первый месяц. И второй — тоже. И третий.

Но вот однажды подошёл ко мне мой друг Саня Калашников и говорит:

— Давай-ка сыграем в шахматшки.

— Какие ещё шахматшки! — говорю я. — Не видишь, что ли, мне некогда.

— Почему некогда? — говорит он. — Ты же ничего не делаешь.

И тут я обнаружил, что и правда ничего не делаю. И ужасно удивился. Неужели я наконец-то успел сделать всё в своё время, когда положено?

Вот тогда, пожалуй, я первый раз и почувствовал, что становлюсь настоящим солдатом.

**РОТА,
СТРОИТЬСЯ
НА УЖИН!**

УЖИН

Про ужин могу сказать то же самое, что и про обед.

**ВНИМАНИЕ!
СЕГОДНЯ В 20 Ч. 15 М.
СОСТОИТСЯ
ЛЕКЦИЯ.**

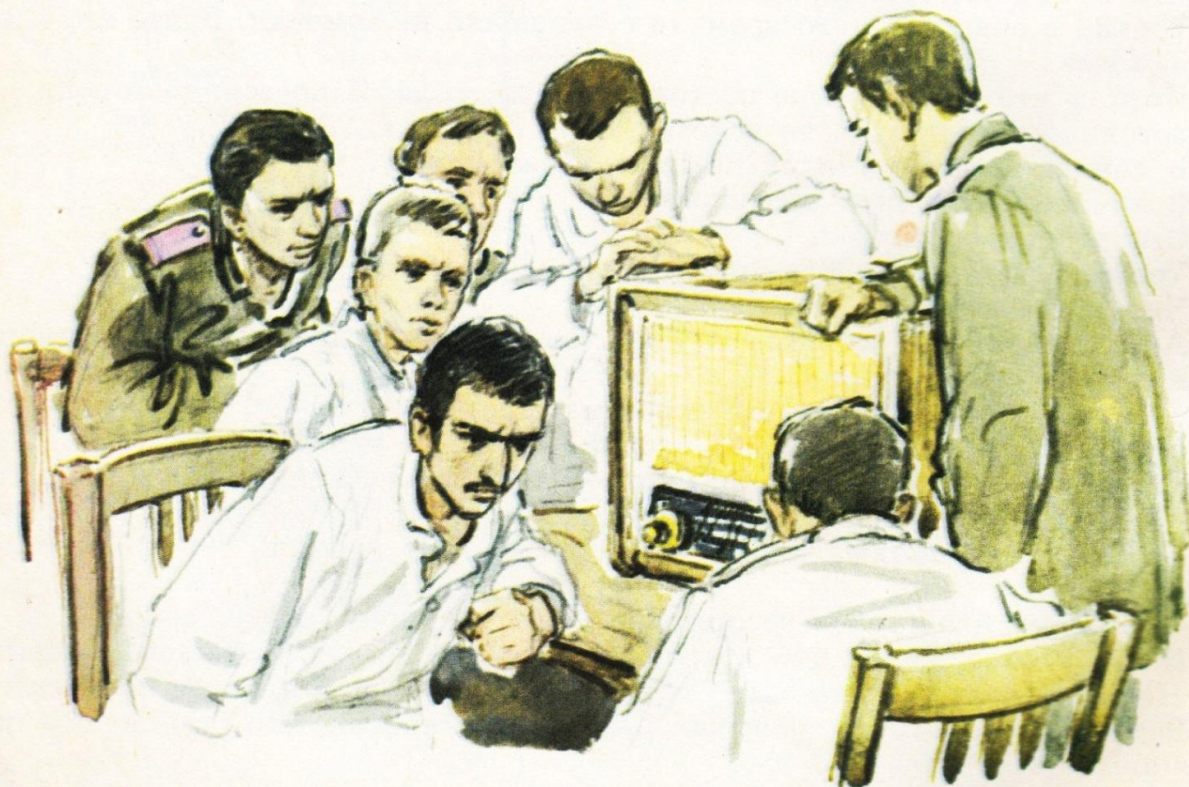
КАК МЫ НАРУШАЛИ РАСПОРЯДОК

А когда же провести комсомольское собрание? Когда послушать интересную лекцию? Когда поспорить о новой книге?

Оказывается, и для этого есть в расписании дня специальное время.

Потому что, где бы ни служил солдат — в большом городе или на далёком-далёком полуострове, — солдата всегда интересует, что делается в мире.

В то лето, когда служили мы, в мире было тревожно. Враги напали на революционную Кубу. Храбрые кубинские солдаты отважно сражались за свою свободу.

Каждый день нам не терпелось узнать последние новости.

Но мы служили далеко на востоке. Когда в Москве только рассветало, у нас уже наступал полдень. Когда в Москве начинало темнеть, у нас уже была глубокая ночь. Когда московский диктор желал своим радиослушателям спокойной ночи, у нас дневальные по казарме кричали: «По-одъём!». И последние известия, которые в Москве передают в семь часов вечера, приходились на час ночи.

Но мы не хотели ждать утра.

Мы просто не могли ждать.

Как там дела на Кубе — вот что не давало нам покоя.

И мы просили дневального потихоньку от командиров разбудить нас посреди ночи и слушали радио...

Конечно, это было нарушение распорядка дня, а точнее сказать — распорядка ночи. Но я думаю, если бы командиры узнали об этом, они бы не рассердились, они бы поняли нас.

**ВРЕМЯ УХОДА
ЗА ЛИЧНЫМ
ОРУЖИЕМ.**

ОРУЖИЕ ЛЮБИТ ЛАСКУ...

«Оружие любит ласку — чистку и смазку» — эту старую пословицу каждый солдат знает. А я бы, пожалуй, так сказал: «Оружие любит ласку — когда чистку, а когда смазку».

И вот почему.

К своим первым стрельбам мы готовились особенно долго и тщательно. На занятиях по огневой подготовке изучали автомат. Тогда у нас были автоматы ППШ. Хорошие автоматы, надёжные. С ними наши бойцы всю войну прошли.

Ещё учились мы правильно целиться. Учились плавно нажимать спусковой крючок. Учились правильно ложиться.

И конечно, с нетерпением ждали дня стрельб.

А в день стрельб с утра ударил мороз — градусов тридцать, не меньше. Но всё равно точно в положенное время наш взвод прибыл на стрельбище.

Вышли солдаты на огневой рубеж. Загремели выстрелы.

И вдруг — что такое? Один автомат не сработал. Потом второй. Потом третий.

Даже опытные сержанты заволновались. Никогда такого в роте не было. Настоящее чрезвычайное происшествие!

А хозяева отказавших автоматов стояли с такими обиженными лицами, словно их обманули. Столько старались, столько готовились, и выходит — всё зря? Вот тебе и надёжное оружие...

— Ничего, — спокойно говорит командир роты. — Сейчас разберёмся.

Взял он один автомат, вынул затвор, помудрил над ним немного.
— Так и есть, — говорит. — Смотрите.
А там на одной крошечной детали — застывшая смазка. Простым глазом
её еле видно. Неужели из-за такого пустяка автомат не стреляет?

СОЛДАТСКАЯ ФЛЯЖКА

Как-то послали наш взвод тушить лесной пожар. Дело это очень нелёгкое. Нужно копать траншеи, рубить кустарник, растаскивать бурелом. А ветер несёт в лицо дым, пепел, дышит жаром.

Ещё до начала работы выдали всем солдатам лопаты, кирки, велели взять по фляге воды. А потом построил наш командир взвода, лейтенант Петухов, солдат и говорит:

— Воду берегите. Поблизости воды нет, а работать нам сегодня долго. Вам ясно, Котомкин?

А Котомкин — это был солдат-новичок. Он только недавно появился во взводе.

— Ясно, ясно, — говорит Котомкин.

— И вашим товарищам ясно?

— Ясно, ясно! — отвечают другие солдаты-новички.

Им уже не терпится поскорее приняться за настоящее опасное дело. Доказать, что они ничем не хуже бывалых солдат.

Вышел взвод к краю горящего леса, растянулся в цепь. Взялись солдаты за лопаты и кирки. Огня вроде бы и не видать, только дым по земле стелется, мох тлеет, а жара — не продохнуть! Едкий дым слёзы из глаз выжимает.

Полчаса прошло, не больше, а гимнастёрки уже почернели от пота. Видит Котомкин — справа от него Башмаков работает, не разгибается. Башмаков — такой же рядовой солдат, как все, только поопытнее, уже второй год служит. Старается Котомкин не отстать от него.

Да с каждой минутой всё тяжелее. Дышать нечем. Жажда мучит. Взял Котомкин свою фляжку, глотнул воды.

Да что там глоток! Только ещё сильнее пить захотелось. Ну, прямо рука сама собой тянется к фляжке.

«Ладно, — говорит себе Котомкин, — ещё разок глотну, а больше — ни-ни!»
Запрокинул голову, приложил фляжку ко рту. Ах, как хорошо! Не оторваться!

Поработал ещё немного Котомкин — и опять к фляжке. А там уже совсем на дне вода булькает.

«Эх, — думает Котомкин, — такая капля всё равно не спасёт. Уж лучше сразу выпью».

И как только опустела фляжка — тут сразу настоящая жажда накинулась на Котомкина. А работе ещё и конца не видать. Ветер пепел несёт, густым жаром дышит. Пот глаза заливает.

Работает Котомкин, старается не отстать от Башмакова. Да где там! Никогда не думал Котомкин, что человеку так может пить хотеться. Даже в глазах темнеет. Ни о чём другом думать невозможно. И зачем он всю фляжку сразу выдул!

Наконец не выдержал Котомкин. Пошёл к Башмакову.

— Дай, — говорит, — Башмаков, воды.

А сам думает:

«Разве даст? Самому, скажет, мало».

— На, — говорит Башмаков.

Глотнул Котомкин из башмаковской фляжки — и сразу легче стало. Даже странно: свою фляжку целую выпил и только пить ещё больше захотел, а тут один глоток сделал — и легче стало. Наверно, потому, что уже не надеялся, не рассчитывал на этот глоток.

...После работы собрались солдаты-новички возле палатки, рассказывают, кто как работал, с кем что приключилось.

— Жарища! Я думал, не выдержу, — говорит один. — И не заметил, как всю воду до последней капли выпил. Хорошо, Башмаков дал глоток.

— И мне Башмаков дал глотнуть, — говорит другой.

— И мне, — говорит третий.

— И мне, — говорит Котомкин.

И тут все посмотрели друг на друга, и всем даже стыдно стало: что же это выходит? Выходит, они у Башмакова всю воду выпили? А как же он?

— У него, наверное, фляжка особая, — говорит первый солдат. — Побольше наших.

— Точно, — говорит второй. — Побольше.

А третий ничего не успел сказать, потому что к палатке подошёл Башмаков. На поясе у него висела фляжка. Была она ничуть не больше, чем все остальные солдатские фляжки. Только сильно помята и поцарапана.

— А мы тут поспорили, — сказал Котомкин, — особая у тебя, Башмаков, фляжка, что ли?

Башмаков засмеялся.

— Точно, — говорит. — Особая. Мне её отец подарил. Она у него ещё с фронта хранилась. И когда дал мне её, сказал: «Запомни, в солдатской фляжке всегда один лишний глоток должен быть. Для товарища».

И все с уважением посмотрели на помятую, поцарапанную фляжку.

КАК ЛОПАТА ТАНК ПОБЕДИЛА

Однажды выстроили наш взвод по тревоге. Стал командир отделения, сержант Остроухов, проверять солдатское снаряжение и видит: у рядового Машкина нет сапёрной лопатки. И автомат на месте, и противогаз, а лопатки нет.

— Что же это вы, Машкин, — говорит сержант, — так плохо по тревоге собираетесь? Или вы всегда такой рассеянный?

— Да ну её, эту лопатку, товарищ сержант, — отвечает Машкин, — только лишняя тяжесть, бежать мешает. Я в книжках читал: теперь окопы для солдат экскаваторы роют! Зачем мне лопатка!

— Это верно, — говорит сержант, — и экскаваторы окопы роют, и другие машины. Только всё равно без сапёрной лопатки солдат — как без рук. Умелого солдата лопатка из беды выручит, в бою спасёт, самого грозного врага победить поможет...

— Интересно! — говорит Машкин. — Может, этой вашей лопатой и танк победить можно? — А сам на солдат, товарищей своих, весело поглядывает — словно бы приглашает их посмеяться вместе с ним.

— Да, — серьёзно говорит сержант. — Можно и танк. А теперь довольно разговоров — марш в казарму и чтобы через минуту в строю стояли, как положено, с сапёрной лопаткой...

Так поговорили они, и вроде бы забылся этот разговор. Только, оказалось, помнил о нём сержант.

Спустя несколько дней вывел сержант наше отделение на занятия в поле. Занятия эти называются — «обкатка танками». Иначе говоря, учат солдат, чтобы не боялись они танков, чтобы смело вступали в бой с грозной машиной.

Подвёл сержант нас к небольшому, глубокому окопу.

— Этот окоп, — говорит, — солдатскими руками вырыт, сапёрной лопатой. Я сам его рыл. А теперь, Машкин, давайте мы с вами в него спустимся.

— А что дальше будет? — опасливо спрашивает Машкин.

— Увидите, — отвечает сержант.

А сам достаёт гранаты. Не настоящие, конечно, учебные.

Забрались сержант с Машкиным в окоп. Ждут.

И тут на краю поля появляется танк. Грохочет его мотор, лязгают гусеницы, пыль стелется позади — мчится танк прямо на окоп.

Перепугался Машкин, хотел из окопа выскочить, да уже поздно. Танк совсем близко — такой огромный, кажется, всё небо заслонил!

Сержант Остроухов Машкина на всякий случай за плечо ухватил, ко дну окопа пригнул.

И в ту же минуту темно в окопе стало, песок и пыль сверху посыпались. А грохот совсем оглушил Машкина. Это танк над окопом, над головой Машкина гусеницами лязгает.

Закрыв Машкин лицо руками, согнулся в три погибели. «Ну всё, — думает. — Конец!»

Но вот посветлело в окопе и гром стал слабнуть. Приоткрыл Машкин один глаз — видит: приподнялся сержант Остроухов, выпрямился и вслед танку гранату — раз! Прямо в корму, где мотор танка размещается, угодил.

Остановился танк, замер.

— Ну, вот и всё, — говорит сержант.

Вылезли они с Машкиным из окопа, пыль и песок с себя отряхивают. Машкин на всех горделиво поглядывает: как-никак, а он вроде бы боевое крещение получил!

— А теперь, — говорит сержант Остроухов, — ответьте мне, Машкин, что нужно солдату, чтобы одолеть танк?

— Граната, — говорит Машкин. — И крепкие нервы.

— Верно, — говорит сержант. — А ещё что?

Подумал немного Машкин.

— Надёжный окоп, — отвечает.

— А без чего, — опять спрашивает сержант, — надёжный окоп не выроешь?

— Без сапёрной лопаты, — говорит Машкин.

— Значит, что же получается? — говорит сержант, а сам хитро смотрит на Машкина. — Не будь лопаты, не было бы и окопа, а не было бы окопа, драпали бы мы с тобой от танка как миленькие. Вот и выходит...

— ...что лопата танк победила, — говорит Машкин.

МОИ ПЕРВЫЕ ПОГОНЫ

Когда я вернулся домой из армии, я привёз с собой свои самые первые солдатские погоны. Я решил, что непременно сохраню их как память о солдатской службе. А ещё я думал, что, может быть, когда-нибудь подарю их своему сыну.

Я хорошо помнил, как первый раз надел эти погоны. Как гордился ими. Ведь погоны могут многое рассказать о военном человеке: и кто он — командир или рядовой, и какое звание имеет. Пока не получил ты погоны — пусть на тебе и гимнастёрка, и шинель, и солдатская шапка-ушанка, — всё равно тебя за военного человека никто ещё не признаёт. По погонам узнают военные люди друг друга и отдают друг другу честь. Вот как много значат погоны и для солдата и для офицера!

После самых первых солдатских погон были у меня и другие — с сержантскими лычками, носил я и офицерские погоны с маленькими серебристыми звёздочками, но всё равно дороже всех для меня были те, которые я получил впервые.

Наверное, так бы и хранились эти старые погоны у меня до сих пор, если бы не одна история.

Как-то, несколько лет назад, познакомился я с кубинским мальчишкой. Звали его Архелио.

У себя на родине Архелио был бойцом революционного отряда. Бойцы этого отряда обучали грамоте вчерашних батраков и крестьян. Это была опасная работа. Бандиты-контрреволюционеры угрожали бойцам расправой и смертью. Но отряд не боялся угроз. По горным тропам от селения к селению продвигались бойцы. И вместе со взрослыми шёл Архелио. Он любил петь. Он всегда был весел. А между тем ему приходилось куда труднее, чем остальным, — он сильно хромал. Эта хромота осталась после перенесённой им ещё в раннем детстве тяжёлой болезни. Но никто не слышал от Архелио ни слова жалобы. Его стойкость поражала взрослых. В неполных тринадцать лет его назначили комиссаром отряда. Сам Фидель Кастро сфотографировался вместе с ним.

Однако на Архелио надвигалась беда. Хромота усиливалась. Ходить ему становилось всё тяжелее.

Помочь могла только операция. Очень сложная операция. И сделать эту операцию взялись советские врачи.

Так Архелио оказался в больнице, в Ленинграде.

В те дни я часто навещал его. Я уже знал несколько слов по-испански. Я входил в палату и говорил:

— Буэнос диас!

И Архелио отвечал:

— Добрый дъень!

Он знал русский лучше, чем я испанский. Чаще всего он просил меня рассказать о нашей армии, о танкистах, ракетчиках, десантниках. Он слушал рассказы о советских солдатах, об их смелости, и глаза его загорались.

— Архелио тоже сольдад! — говорил он с гордостью.

А потом он рассказывал мне про своего деда. Дед Архелио был революционером. Он сражался за свободу в Испании. Уже поселившись на Кубе, он часто пел маленькому Архелио старые революционные песни — песни тех, кто сражался в Испании против фашистов:

Вдоль реки бурливой Эбро
Полк идёт республиканский
Синей ночью, тёплой ночью,
Страшной ночью, грозной ночью...

Любил Архелио и побаловаться. Однажды он забрался в шкаф и очень веселился, когда санитарки долго не могли отыскать его.

А между тем приближался день операции. Архелио стал молчаливее, заметно нервничал. Он знал, что операция будет тяжёлой.

В последний день, накануне операции, я просидел у него особенно долго. Пробовал рассказать ему какую-то смешную историю, и Архелио даже смеялся, но взгляд у него был грустный. Я видел, что думает он о другом.

Пора было уходить. Я протянул Архелио руку.

И вдруг Архелио схватил мою руку, прижался к ней щекой и сказал шёпотом:

— Бóрис! — Он всегда так забавно произносил моё имя — с ударением на первом слоге. — Бóрис! Я завтра не плакать!

Он повторил это несколько раз с отчаянием и настойчивостью.

— Бóрис! — шептал он. — Сольдады не плачут. Архелио сольдад. Архелио завтра не плачет! Бóрис!

— Я верю, верю, — почему-то тоже шёпотом сказал я.

На следующий день утром меня не пустили в больницу. Как протекала операция и что было потом, я узнал позже со слов сестёр.

Операция была долгой. Когда Архелио привезли в палату на операционной каталке, его лицо было белым. А возле носа отчётливо выступили маленькие чёрные веснушки.

Пожилые санитарки осторожно переложили Архелио на койку. Он открыл глаза, медленно приходя в себя после наркоза.

Санитарки молча смотрели на него. Они-то знали, что сейчас наступает самый тяжёлый момент. Даже взрослые люди стонут в эти минуты от запоздалой, проснувшейся боли.

Архелио чуть шевельнулся и закусил губу.

Санитарки отвернулись: они чувствовали, что он сейчас заплачет.

И вдруг в палате раздался его голос. Совсем слабый, хрипловатый голос. Архелио пел. Он пел едва слышно старую испанскую песню. Песню о солдатах революции, которые не сдаются. Его глаза были полузакрыты, бледное лицо покрылось мелкими капельками пота, но он всё-таки пел.

Глядя на него, плакали санитарки.

Через день мне разрешили навесить Архелио.

Архелио был ещё бледен, тёмные круги лежали у него под глазами. Он увидел меня и слабо улыбнулся.

— Бóрис! — тихо сказал он. — Архелио не плакал.

Я молча пожал его руку.

И когда мы прощались, я подарил ему на память свои первые, солдатские погоны...

СОЛДАТСКАЯ ПАМЯТЬ

Однажды приехал к нам в полк гость — знатный токарь.

Шесть лет назад он сам был солдатом, служил в нашей роте, спал на солдатской койке в нашей казарме и вот теперь решил проведать своих однополчан.

И мы, конечно, были рады такому гостю.

А меня командир послал на контрольно-пропускной пункт, чтобы я встретил там гостя и проводил до казармы.

— Хоть и служил он здесь, — сказал командир, — а всё же шесть лет — это шесть лет, наверно, не сразу и найдёт, как пройти к казарме...

Зато когда рассказал я гостю об этих словах командира, тот рассмеялся:

— Чтобы я свою родную казарму не отыскал? Не может быть такого! Сейчас мимо штаба пройдем и сразу налево — верно?

— Да нет, — говорю, — не совсем. После штаба надо направо повернуть.

Прошли мимо штаба, повернули направо.

— Ага! — говорит гость. — Точно. Теперь всё вспомнил. Сейчас санчасть будет, потом магазин, а там и наша казарма. Так?

— Да нет, — говорю, — не совсем. Сейчас клуб будет, а санчасть, она левее осталась...

— Клуб? — И вижу, гость даже расстроился. — Выходит, и правда подзабыл я, перепутал...

Огорчился он, замолчал даже.

— Шесть лет — шутка ли! — говорю я ему, чтобы он не очень расстраивался. — За шесть лет всё перезабыть можно. Я вон два года всего дома

СПА-СИИ-ТЕЕ!

Как-то я был дневальным по учебному корпусу.

В учебном корпусе связисты — каждый своей специальностью овладевает. Одни схему радиостанции изучают, другие учатся работать на буквопечатющих аппаратах, стучат совсем как машинистки по клавишам пишущих машинок, третьим объясняет преподаватель, как правильно передавать радиogramмы...

И пока в классах шли занятия, я прохаживался по пустынному коридору, посматривал, не завелась ли где в углах или на подоконниках пыль, да следил за стрелкой часов — не пора ли объявлять перерыв.

Тихо в учебном корпусе, все своим делом заняты.

И вдруг слышу: из-за одной двери так отчётливо, так ясно доносится: — Спа-сии-тее!

«Что такое? Уж не почудилось ли мне?» — думаю.

Подошёл ближе к двери, прислушался.

И опять:

— Спа-сии-тее!

Вот так штука! Что бы это значило?

А из-за двери снова:

— Спа-сии-тее!

Негромко так, протяжно, вроде бы нараспев.

Не выдержал я, осторожно приоткрыл дверь, заглянул в класс. Может, и правда там кого спасти надо?

А в классе, вижу, стоит у доски лейтенант, командир взвода; на доске мелом точки, тире нарисованы — одним словом, азбука Морзе. Перед командиром за столами солдаты сидят, у каждого кисть правой руки на радиотелеграфном ключе лежит — том самом, которым радисты морзянку выстукивают. И лейтенант как ни в чём не бывало говорит солдатам:

— Понятно? Тогда пошли дальше.

Тут, видно, услышал он, как скрипнула дверь, повернулся ко мне, взглянул вопросительно: что, мол, случилось?

Я побыстрее дверь захлопнул.

«Наверно, — думаю, — мне всё почудилось».

Походил ещё по коридору, походил, приблизился снова к дверям класса, а оттуда вдруг:

— Я на горку шла... я на горку шла...

Ну и ну! В несколько голосов поют! И всё одну строчку:

— Я на горку шла... я на горку шла...

Или опять мне мерещится?

Кончились занятия, вышел лейтенант из класса, подошёл ко мне, спрашивает:

— Вы зачем в класс заглядывали? Сказать что-то хотели?

Я замялся сначала, а потом — делать нечего — объяснил, в чём дело. Тут лейтенант засмеялся и говорит:

— Нет, ничего вам не померещилось. Просто в каждом деле свои маленькие хитрости есть. В азбуке Морзе, это вы, конечно, знаете, каждая буква с помощью точек и тире обозначается: точка звучит коротко — ти, а тире — протяжно, длинно — та-а. Вот и получается — у каждой буквы своё звучание, как бы своя мелодия есть. Если радист будет каждый раз сообщать да в уме подсчитывать: «Ага, одна точка плюс два тире — что же это за буква?» — он с черепашьей скоростью будет работать, ни одной радиogramмы не примет. Нет, радист каждую букву сразу на слух узнавать должен. Например, буква «в» — это точка, тире, тире: ти — таа — таа, один короткий звук, два протяжных. Выстукиваешь эту букву — и вроде бы человек зовёт: «Спа-сии-тее! Спа-сии-тее!» А цифру «два» начнёшь выстукивать — словно строчку из песни напеваешь: «Я на горку шла, я на горку шла...» Так-то и запомнить азбуку легче. Вот и все наши секреты. Понятно?

— Понятно, — говорю, а самому неловко: ведь из-за этих «секретов» чуть панику не поднял!

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ,

рассказанная сержантом Петровым в казарме перед отбоем

— Человек, о котором я хочу рассказать вам сегодня, — так начал свой рассказ сержант Петров, — был радистом, радиолюбителем, большим мастером своего дела. Каждый вечер он проводил возле радиостанции, которую сделал своими руками, и разговаривал с друзьями-радиолюбителями из самых разных стран мира. Не было для него занятия увлекательнее, чем это.

Но вот на нашу страну напали фашисты, и с этим человеком случилась беда: в одном из тяжёлых сражений он был ранен и попал в плен. Три долгих года провёл он в плену. И истязания надсмотрщиков, и пытки, и голод — чего только не пришлось вынести ему!

1945 год, последний год войны, застал его в одном из фашистских концлагерей в Германии. Фашисты прознали про его умелые руки и заставили работать в мастерской — ремонтировать радиоаппаратуру.

Здесь по заданию подпольного комитета, который действовал в лагере, он тайно собирал радиоприёмник. Это было смертельно опасное дело. Но он знал, как нужен приёмник подпольщикам. Чтобы услышать правду о том, что происходит в мире, как советские войска и войска союзников бьют фашистов. Ведь фашисты в лагере всячески старались скрыть от заключённых правду.

Советский радист придумывал разные хитрые способы, чтобы утаить нужные радиодетали. К счастью, надсмотрщики мало разбирались в радиоделе. И прятал он радиоприёмник тоже хитро — в ведре с сапожной мазью. Конвоирам и в голову не приходило, что у этого ведра двойное дно и под слоем вонючей мази спрятан радиоприёмник. Когда приёмник был собран, радист передал его подпольному комитету.

А между тем фронт подошёл уже совсем близко к концлагерю, где томилась тысяча пленных — и русских, и поляков, и французов... Считанные дни оставались до освобождения. Но тут страшный слух пронёсся среди заключённых: фашисты готовятся уничтожить узников! Всех до одного человека!

Теперь надежда оставалась лишь на наступающие советские войска — только они могли избавить от гибели тысячи людей.

Но как сообщить советским командирам об угрозе, нависшей над узниками? Как? Вот над чем ломали головы члены подпольного комитета.

И они опять обратились к советскому радисту. Собрать радиопередатчик и попытаться установить связь с наступающими — это была последняя надежда, последний шанс на спасение. Иного выхода не было.

И радист принялся за работу.

Каждую минуту он рисковал жизнью. Он торопился изо всех сил — любой день мог стать последним для заключённых. Шло невидимое отчаянное состязание: что произойдёт раньше — он соберёт передатчик или фашисты уничтожат лагерь?

Он выиграл этот поединок, он успел. И подпольный комитет послал в эфир призыв о помощи.

Штабные радиостанции Советской Армии приняли эту необычную радиogramму. И советские войска ворвались в лагерь на день раньше, чем предполагали фашисты.

Узники были спасены. И многие из них так и не узнали, что жизнью своей обязаны советскому радисту, его мужеству, его хладнокровию, его умелым рукам...

КАК РАДИОСТАНЦИЯ СО МНОЙ РАЗГОВАРИВАЛА

Признаюсь честно: когда первый раз увидел я радиостанцию, которую мне предстояло изучить, на которой мне и моим товарищам предстояло работать, я растерялся.

Радиостанция занимала целую автомашину. А сколько здесь было разных приборов, переключателей, сигнальных лампочек! Разве все запомнишь! Разве разберёшься в них! И это только снаружи, на виду! А если заглянуть внутрь?

Нет, никогда раньше не приходилось мне видеть столько различных радиодеталей — и конденсаторов, и сопротивлений, и ламп, и трансформаторов!

Одни детали были большие, другие — совсем крошечные, едва разглядишь. А между ними тянулись тоненькие проводники.

Настоящий лабиринт!

Как тут было не растеряться!

Хорошо, если будет радиостанция работать нормально, как положено, без осечек.

А если — неисправность? Если откажет, сломается, перегорит — тогда что? Как отыщешь, как угадаешь среди сотен деталей одну-единственную — неисправную?

Нет, видно, пока не поздно, надо попросить, чтобы перевели меня в другую роту.

А сержант Петров посмотрел на моё расстроенное лицо и говорит:

— Да вы не волнуйтесь, не теряйтесь. Радиостанция вам всегда сама поможет, сама подскажет, что делать.

— То есть как это подскажет?

— А очень просто. Вот смотрите.

Повернул он один за другим переключатели, включил радиостанцию.

Ожили, качнулись стрелки приборов.

— Видите, — говорит сержант Петров, — загорелись зелёные сигнальные лампочки? Это радиостанция вам докладывает: «Всё в порядке, могу приступать к работе!»

На одном из приборов беспокойно закачалась стрелка, остановилась у самой красной черты.

— А это, — говорит сержант, — радиостанция просит вас: «Сбавьте, пожалуйста, напряжение...» Понятно?

Повернул он ручку под прибором — и правда, сразу успокоилась стрелка, отодвинулась от красной черты.

И тут вдруг вспыхнула справа, на панели радиоприёмника, красная лампочка.

Засветилась тревожным светом.

— Ага, — говорит сержант, — вижу, вижу. Это она вам сигнализирует: «Перегорел предохранитель! На помощь, на помощь! Прошу сменить предохранитель!»

Выключил сержант радиостанцию, быстро отыскал среди запасных деталей предохранитель, заменил им перегоревший. И когда снова повернул главный переключатель, опять засветились на панелях радиостанции зелёные глазки сигнальных лампочек.

Всё в порядке!

— Умница! — говорит сержант Петров. — Вот видите, главное — это общий язык с радиостанцией найти, научиться понимать язык, на котором она с вами разговаривает... И тогда не подведёт она вас.

Прав он оказался.

Потом не раз вспоминал я эти слова сержанта. И благодарил его за этот урок.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ,

рассказанная сержантом Петровым на привале

Было это в суровых краях, на далёком Севере. Несли там свою нелёгкую службу воины противовоздушной обороны. И вместе с ними служил солдат-радист по фамилии Пенкин.

Как-то дежурил Пенкин на радиоприёмном центре. На улице стояла полярная ночь, бушевала пурга, свистел ветер. А здесь, в радиоприёмном центре, было тепло и тихо.

Только раскрыл Пенкин журнал дежурства, собрался записать, что всё спокойно, никаких, мол, происшествий не случилось, как вдруг распахнулась дверь — и в комнату вошли командир роты и фельдшер. Оба в снегу, у обоих ресницы и брови обросли инеем.

Вскочил Пенкин, чтобы, как положено, отдать рапорт, но командир роты остановил его жестом.

— Случилась, Пенкин, беда, — сказал командир. — И теперь вся надежда на тебя, Пенкин.

Оказывается, только что из соседнего рыбацкого посёлка привезли в санчасть больную девочку. С каждой минутой девочке становилось всё хуже. Она задыхалась, бредила.

— Пробовали вызвать вертолёт, да сам видишь, что делается, — бурчан, не пробиться! Остаётся только один выход: связаться по радио с госпиталем.

Командир ещё не кончил рассказывать, а Пенкин уже говорил в микрофон:

— Волна, я — Парус, Волна, я — Парус...

И трёх минут не прошло, а в штабе, за сотни километров отсюда, в большом городе, уже знали о больной девочке.

— Не волнуйтесь, — сказал дежурный по штабу, — попытаемся помочь.

Вызвал он из госпиталя самого лучшего врача. Приехал врач в штаб, сел к рации, взял в руки микрофон, надел наушники.

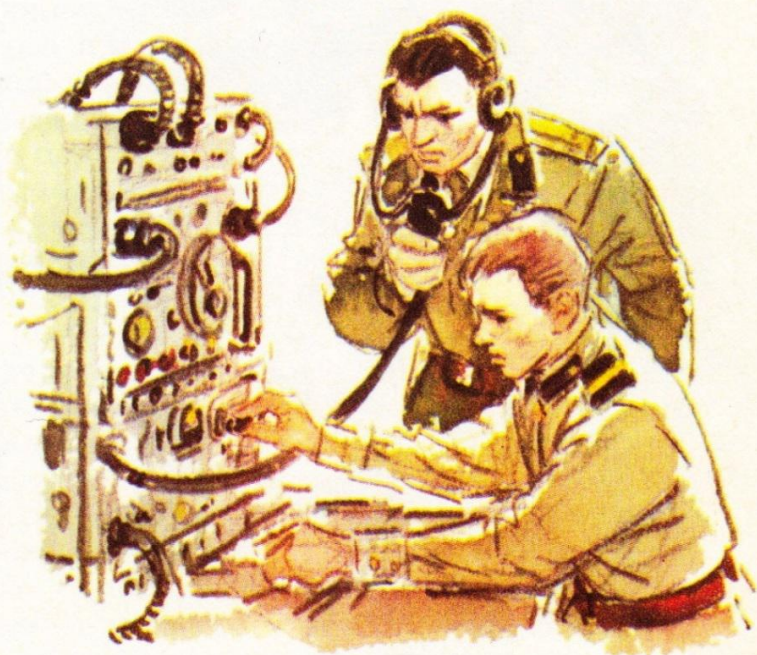
— Я вас слушаю, — говорит, — расскажите подробно, что с девочкой.

Через сотни километров сквозь треск разрядов донёсся его голос до маленького посёлка, где возле радиостанции в тревожном ожидании томились командир роты, фельдшер и радист Пенкин.

Выслушал врач всё, что рассказал ему фельдшер, задумался.

Тишина наступила в наушниках.

Подумал, подумал врач, потом посоветовал, какой укол надо срочно сделать и какие таблетки дать больной...

— Я буду дежурить здесь, у радиции, — говорит, — а вы мне каждый час сообщайте о состоянии больной...

Как медленно тянулось время! Девочке то становилось лучше, то она снова теряла сознание.

Почти целые сутки дежурил радист Пенкин на радиостанции, потому что знал: ни одного человека радиостанция не слушается так хорошо, как его.

Внимательно следил он за стрелками приборов, за сигнальными лампочками, настраивал приёмник так, чтобы помехи — треск от электрических разрядов и всякий посторонний шум в наушниках — не заглушали голос врача. Каждый час врач расспрашивал фельдшера и давал советы.

Когда сутки были уже на исходе, девочке наконец стало лучше. А ещё через несколько часов буран

начал затихать, и тогда в посёлок сразу прилетел вертолёт и увёз девочку в госпиталь, в большой город.

Скоро девочка поправилась. И когда вернулась она в родной посёлок, то первым делом вместе с родителями пришла в солдатскую казарму — сказать спасибо радисту Пенкину.

ВАС ПОНЯЛ!

Были в нашем взводе два солдата, которые очень не любили друг друга. А началось всё с пустяка: не поделили как-то сапожную щётку. Оба торопились почистить сапоги, а щётка была одна, вот и поссорились. Дальше — больше.

Уже и о причине ссоры забыли, а один на другого всё равно косо смотрят.

Как ни старались солдаты, товарищи по взводу, помирить их, ничего не получалось.

— Помириться с Великановым? — возмущался один. — Да никогда в жизни! Я же на него даже смотреть не могу!

— С Чашкиным пойти на мировую? — изумлялся другой. — Да вы что? Мне голос его и то противен, слышать его не могу!

Ну что тут поделаешь? Видно, так и суждено было им расстаться не друзьями. Потому что уже подходил к концу срок нашего обучения — наступала пора разъехаться по разным частям и подразделениям.

Но прежде чем распрощаться с родным взводом и отправиться в путь, предстояло нам принять участие в больших учениях, показать, как освоил каждый из нас свою профессию.

И вот начались эти учения.

Разбили наш взвод на экипажи, каждый экипаж закрепили за радиостанцией.

— Вот повезло, — говорит Великанов, — что мы с Чашкиным в разных экипажах! Наконец-то я от его голоса противного отдохну!

— Вот хорошо-то, — говорит Чашкин, — что Великанова в другой экипаж назначили! Хоть на день да избавлюсь от него!

Тем временем поставил командир перед нашим экипажем задачу: выйти в заданный район, развернуть радиостанцию, ровно в 9.00 установить связь.

Погрузились мы в машину, поехали. Это только на словах легко говорится: «выйти в заданный район». А на деле...

Сколько раз застревала наша машина на разбитой лесной дороге! И толкали мы её, и ветки под колёса подбрасывали, и лопатами работали... А тут ещё дождь пошёл, совсем дорогу развезло, сапоги наши в грязи, гимнастёрки промокли — ну да ничего, лишь бы вовремя уложиться!

И потом, пока разворачивали радиостанцию, пока антенну поднимали, устанавливали, стальные тросы-растяжки натягивали, только об одном думали: лишь бы успеть! Лишь бы не опозориться!

Стрелки часов показывали без четверти девять, когда Великанов включил радиостанцию. Надел наушники. Стараясь не спешить, взял микрофон. Нет для связиста минуты торжественнее и важнее, чем эта — когда входит он в связь! Когда посылает в эфир свои позывные и ждёт ответа.

— Утёс, я — Дубрава, Утёс, я — Дубрава, как слышно? Приём.
Но в ответ — тишина, только тихое потрескивание раздаётся в наушниках и динамике.

— Утёс, я — Дубрава, Утёс, я — Дубрава...

И опять — молчание.

Старается Великанов, каждые тридцать секунд повторяет свои позывные:

— Утёс, я — Дубрава...

Тишина. Нет связи.

Да что же это такое? Зря, выходит, мы надрывались? Машину едва ли не на руках волокли? Мокли? И всё — зря?

Хоть кричи, хоть надрывайся — нет связи!

— Утёс, я — Дубрава! Утёс, я — Дубрава!

Тикают часы, к девяти часам приближаются стрелки.

Нет для связиста ничего постыднее, чем не суметь вовремя войти в связь.

— Утёс, я — Дубрава, Утёс, я — Дубрава!

Хоть бы слово в ответ!

— Утёс, я — Дубрава...

Тикают часы.

И вдруг словно слабый щелчок раздался в наушниках и в динамике. А вслед за ним тонкий пронзительный голос произнёс:

— Дубрава, я — Утёс! Дубрава, я — Утёс! Как слышно? Приём.

Мы все сразу узнали этот голос. И разом взглянули на Великанова. А Великанов склонился к микрофону и радостно закричал:
— Утёс, я — Дубрава! Слышу хорошо! Как понял? Приём.
И тот же голос, голос Чашкина, ответил:
— Дубрава, я — Утёс, вас понял! Вас понял!
Великанов откинулся на спинку стула и сказал, обращаясь уже к нам:
— И чего это мне его голос таким противным казался? Нормальный голос. Голос как голос, очень даже приятный голос, правда?

СВЯЗИСТЫ ВЕЗДЕ НУЖНЫ

А скоро мы прощались друг с другом — разъезжались по разным частям и подразделениям, чтобы продолжить там свою службу.

И вот встретил я снова своих товарищей, с кем вместе ехал в армию.

— Ну как, — спрашиваю того, кто мечтал стать танкистом, — ты куда едешь?

— В танковые войска!

— А ты? — спрашиваю другого — тогда, в поезде, он говорил, что не прочь бы попасть к артиллеристам.

— В артиллерию!

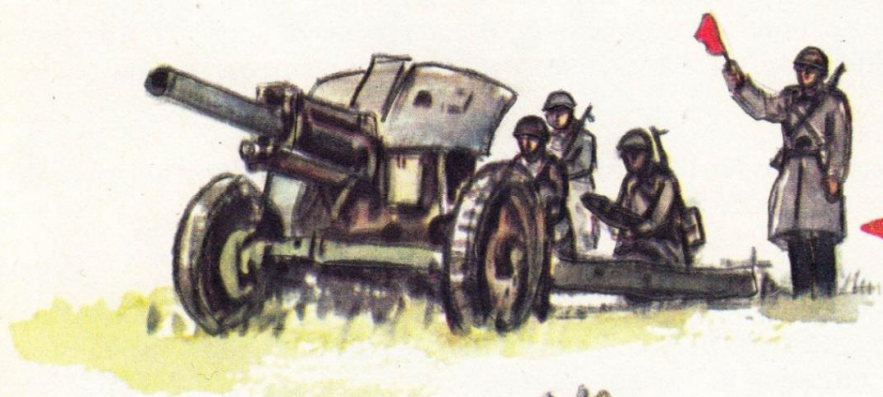
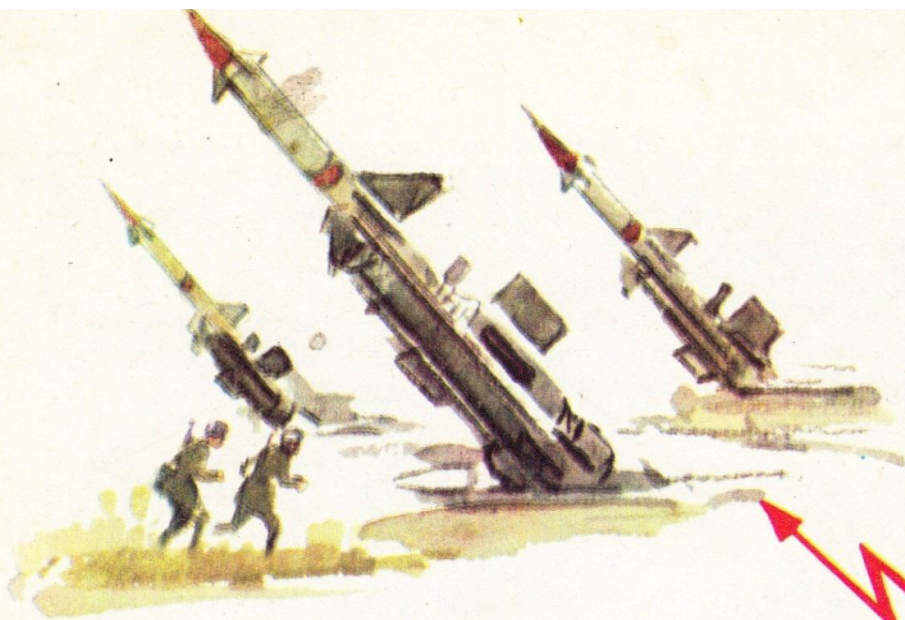
— К ракетчикам! — говорит третий.

Услышал наш разговор сержант Петров, засмеялся:

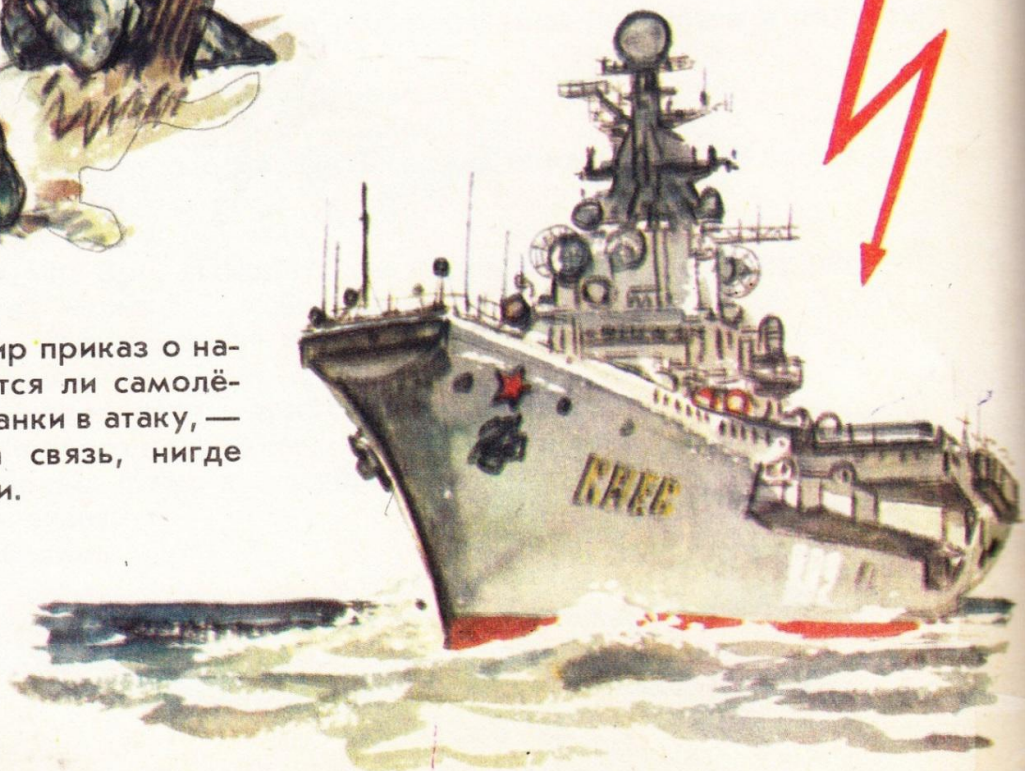
— Ну что, прав я, выходит, был? Такая уж наша работа — связисты везде нужны, никто без связистов не обойдётся!..

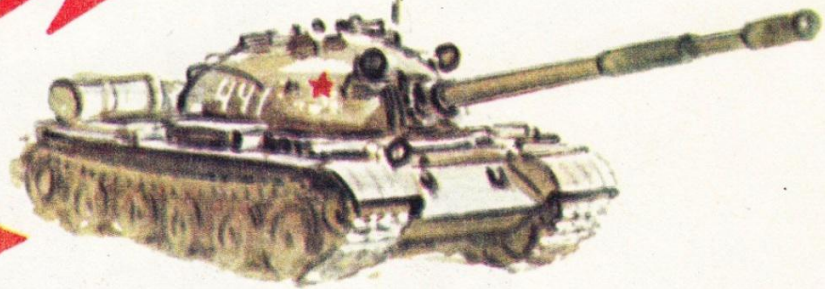
С В Я З В Е З Д Е

Отдаёт ли командир приказ о наступлении, поднимаются ли самолёты в воздух, идут ли танки в атаку, — повсюду необходима связь, нигде не обойтись без связи.

И С Т Ы Н У Ж Н Ы

Кто передаст приказ кораблям, вышедшим в море?

Связисты.

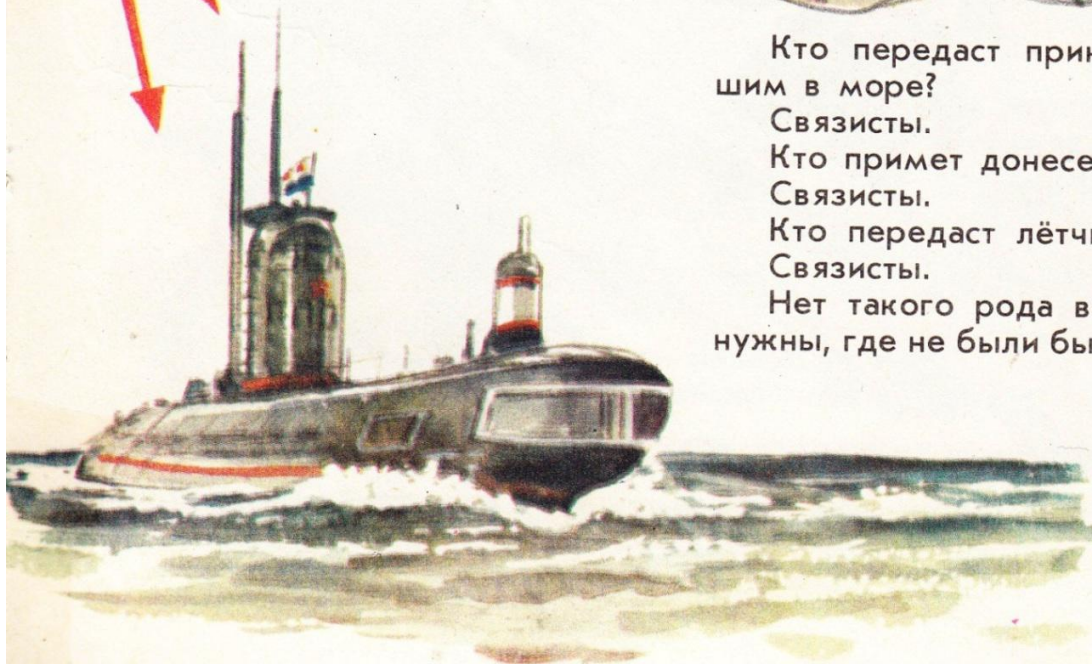
Кто примет донесения от разведчиков?

Связисты.

Кто передаст лётчику команду с земли?

Связисты.

Нет такого рода войск, где не были бы нужны, где не были бы необходимы связисты.

ЧТО УМЕЮТ ТАНКИСТЫ

Однажды пришлось мне работать в военной газете. Был я ещё новичком, как следует и осмотреться в редакции не успел, когда вызвал меня главный редактор и говорит:

— Вот вам задание. Поезжайте-ка к танкистам. Поглядите, что там есть интересного. Напишите заметку в следующий номер. Желаю успеха.

И я поехал к танкистам.

О ЧЕМ Я ДУМАЛ, ПОКА ЕХАЛ

Если говорить откровенно, ехать тогда к танкистам мне не очень хотелось. С большим бы удовольствием я поехал к ракетчикам или, например, вертолётчикам.

И вот почему.

Как прославились наши танкисты во время Великой Отечественной войны, это я хорошо знал. Как боялись наших могучих танков фашисты, — это тоже ни для кого не секрет.

Но с тех пор уже прошло много лет.

Очень сильно изменилась наша армия.

Вместо «ястребков» в небе появились реактивные истребители, которые летают быстрее звука.

Вместо зенитных пушек — ракеты.

Вместо обыкновенных автомобилей — бронетранспортёры и мощные вездеходы.

Нет, совсем не узнать стало нашу армию.

И только танк так и остался танком.

Вот о чём я думал, пока ехал к танкистам.

ПИСАРЬ ВЕРЕВКИН

Так уж складывались мои дела в этот день, что мне всё время приходилось кого-то разыскивать.

И когда я приехал к танкистам, то оказалось, что мне прежде всего необходимо отыскать сержанта Пирожкова. Потому что это был именно тот человек, который мог рассказать мне великое множество разных историй и случаев, нужных для газеты.

И я отправился на поиски Пирожкова.

Вошёл в двухэтажный корпус, открыл первую дверь — и остановился в удивлении.

Посредине большой комнаты на железной круглой табуретке сидел солдат. Солдат был очень худой и печальный.

Он не заметил меня, потому что внимательно смотрел прямо перед собой.

А прямо перед ним бегал игрушечный зелёный танк.

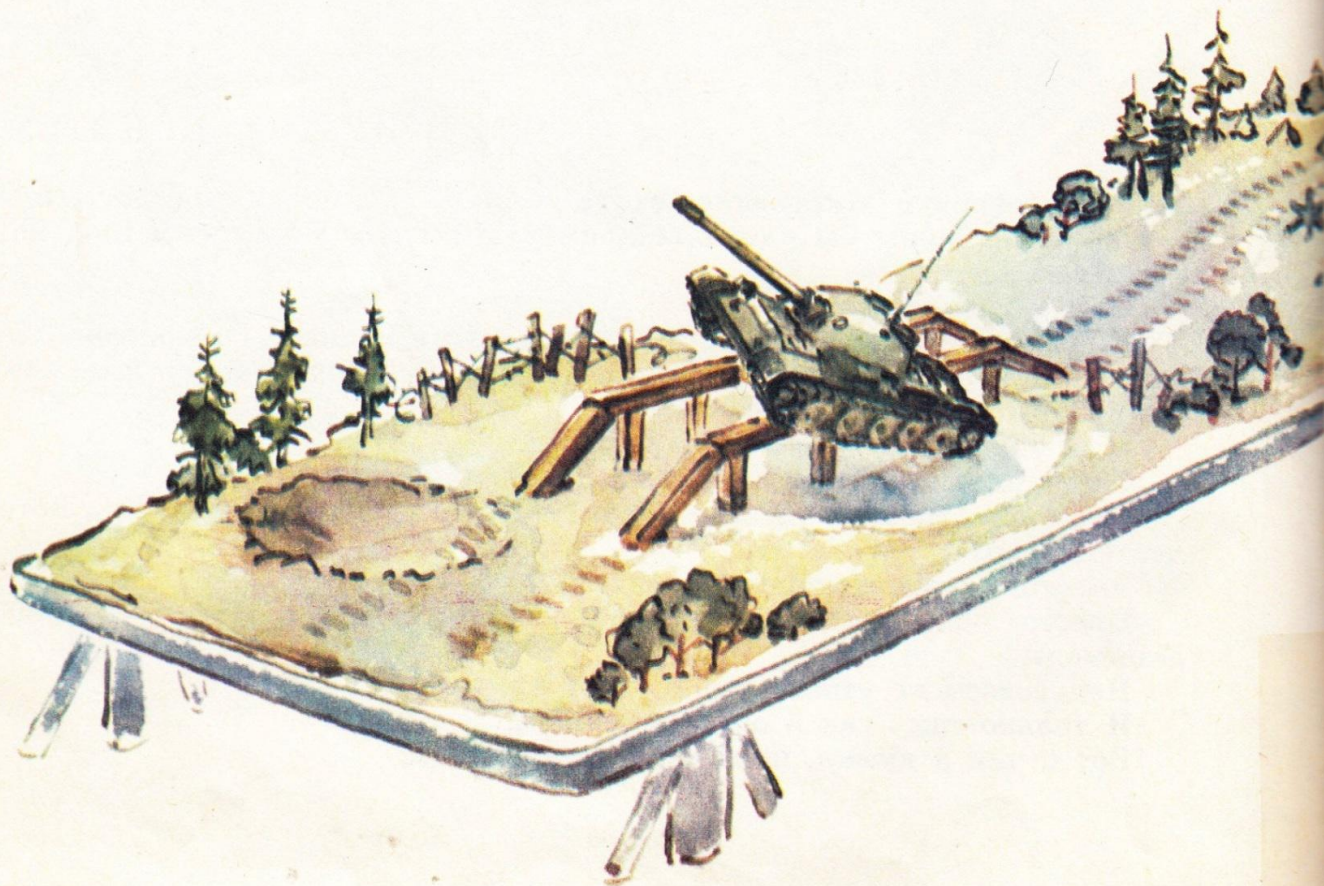
Игрушечный танк бежал по игрушечной дороге среди игрушечных деревьев. Вот он поднялся на игрушечный холм, съехал с него и оказался перед игрушечным мостом.

На секунду замер, словно в нерешительности, потом дёрнулся и въехал на мост.

Мост был очень узким, и одна гусеница игрушечного танка повисла над пропастью. Ещё мгновение — танк накренился и упал с моста.

— Опять! — расстроено сказал солдат и встал. Он подошёл к маленькому танку, бережно перевернул его и поставил на дорогу.

И тут он увидел меня. Я думал, что он смутится, но он даже не покраснел, как будто не было ничего странного в том, что взрослый солдат играет в игрушки.

— Простите, — сказал я. — Вы не Пирожков?

— Нет, — ответил солдат. — Я — Верёвкин. Писарь Верёвкин.

Потом он спокойно вернулся на своё место, и только теперь я разглядел, что справа и слева от табуретки были рычаги — точно такие, какие бывают в кабине трактора или танка.

Верёвкин положил руки на рычаги, а ногой нажал на педаль.

И маленький зелёный танк опять побежал по жёлтой дороге. Верёвкин тронул правый рычаг, и танк послушно повернул вправо. Верёвкин нажал левый рычаг, и танк сделал поворот влево.

Солдат учился водить танк.

Сейчас он как бы сидел в настоящем танке и передвигал настоящие рычаги, и внимательно следил, как машина повинуется ему.

Вот игрушечный танк добежал до моста и снова — хлоп! — рухнул вниз.

— Никак!

Верёвкин вздохнул, и я почувствовал, что ему хочется поговорить со мной.

Через несколько минут я знал его грустную историю.

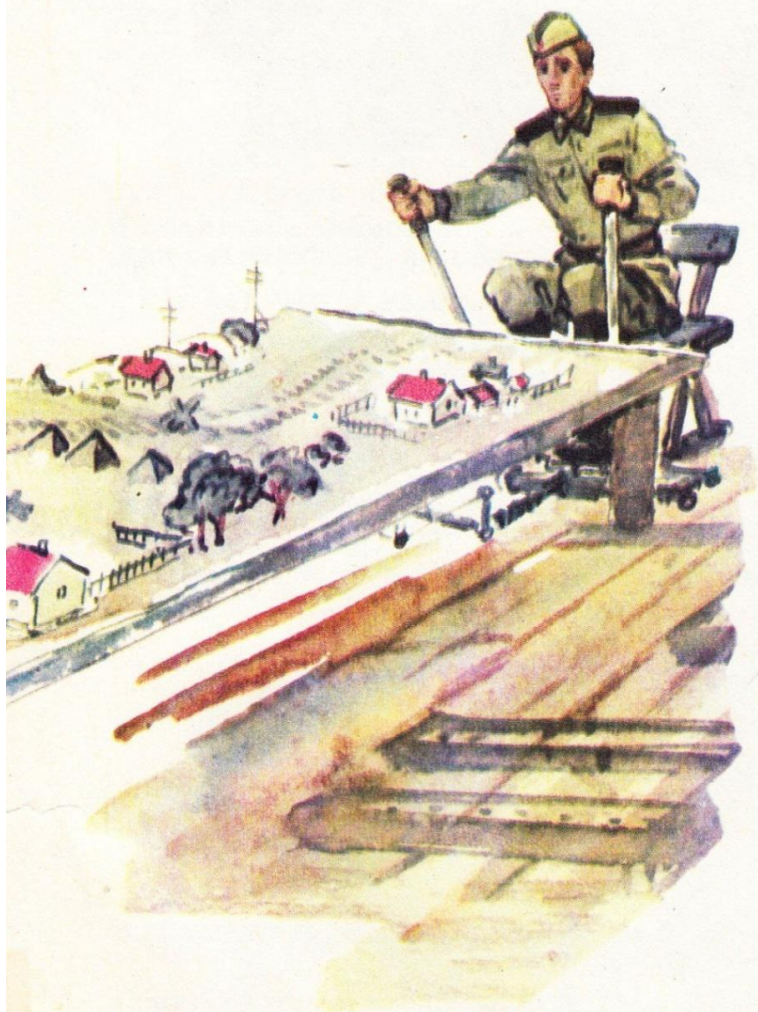
С детства мама считала Верёвкина болезненным ребёнком. Бабушка убирала за ним постель, а папа решал за него задачки. Учителя говорили, что он способный, но ленивый мальчик. И жизнь Верёвкина текла легко и беззаботно. Учился он на тройки и если чем-нибудь мог похвалиться, так это красивым, чётким почерком. И поэтому, когда он прибыл в армию, его вскоре назначили штабным писарем.

Сначала Верёвкин очень обрадовался такой удаче, потому что быть писарем — гораздо лучше, чем управлять танком, мыть его и чистить. И переписывать бумажки намного приятнее, чем ходить на морозе в строю или ползать по-пластунски.

Но чем дольше сидел Верёвкин в штабе, тем печальнее ему становилось.

Каждый день сюда доносился грохот танков. Товарищи Верёвкина водили танки и стреляли из пушек, а он по-прежнему всё переписывал бумажки.

И особенно грустно становилось ему, когда получал он письма от своего младшего брата третьеклассника Пети Верёвкина,

потому что Петя каждый раз просил старшего Верёвкина рассказать, как идёт служба.

А о чём мог рассказать Верёвкин?

Разве что о том, каким красивым почерком переписывает он разные бумаги!

И тогда он пошёл к командиру и попросил, чтобы его перевели в танковое подразделение.

И командир всё понял и даже похвалил Верёвкина за то, что тот больше не ищет лёгкой жизни.

— И вот теперь, — сказал бывший писарь Верёвкин, — скоро мне разрешат водить настоящий танк...

Он вздохнул и снова сел за рычаги.

А я осторожно закрыл за собой дверь и пошёл дальше.

ПОКА САМ НЕ ПОПРОБУЕШЬ...

Я шагал и думал о писаре Верёвкине и не заметил, как очутился возле одноэтажного квадратного здания.

Я вошёл в это здание и удивился ещё больше, чем полчаса назад, когда увидел Верёвкина, с его игрушечным танком.

Здесь был бассейн.

А возле бассейна стояли солдаты. Неужели это тоже танкисты? А может быть, моряки-подводники? Или спортсмены-аквалангисты? Или водолазы?

Такой был у них вид.

Спасательные пробковые жилеты аккуратно затянуты тесёмками. Резиновые маски на лицах. Большие противогазные коробки на груди. И сами раздеты до трусов.

Разве догадаешься, что это танкисты?

Дело ли танкистов лазать под воду?

— А как же! — сказал мне офицер, руководитель занятий. — Это раньше танки умели ходить только по суше. А теперь и под водой, по дну реки научились ходить. Вот и танкистам обязательно надо уметь работать под водой. На всякий случай. Мало ли что может приключиться.

Конечно, я сразу забыл, что мне нужно искать сержанта Пирожкова. Я стоял возле бассейна и наблюдал за всем, что здесь происходит.

И вот что я увидел.

Двое солдат надели маски и исчезли под водой. Только лёгкие большие поплавки теперь качались на поверхности. Да сигнальные верёвки тянулись из-под воды. Поплавок побежит вперёд — значит, солдат под водой вперёд двинулся. Загрёт поплавок на месте — значит, солдат остановился.

Под водой солдаты, оказывается, не просто бродили, как душе угодно. Они работали.

Один поднял тяжёлый стальной трос и поволок за собой.

И другой солдат тоже взял стальной трос.

Два поплавок двинулись по воде.

А рядом со мной стоял старшина и внимательно смотрел на часы.

Пять минут. Семь. Десять... Сколько же солдаты продержатся под водой? Наконец-то всё. Отлично. Можно вылезать.

Солдаты выбрались из воды. Сняли маски. У них были красные, распаренные лица, словно после бани. Но смеялись солдаты весело. И отряхивались, точно после купания в речке.

И я подумал: «Вот это занятия! Просто не занятия, а одно сплошное удовольствие!»

И мне во что бы то ни стало захотелось тоже опуститься под воду.

Конечно, я тут же сказал об этом командиру.

Командир пристально посмотрел на меня.

— А сумеете?

— Да что ж тут не суметь! — усмехнулся я. А про себя подумал: «Что, я не нырял никогда, что ли? Подумаешь — сложность!»

— Ладно, — сказал командир. — Только если что — сразу за сигнальную верёвку дёргайте.

Я разделся, надел спасательный жилет, надел кислородный прибор, примерил противогазную маску. Зажал нос провололочным зажимом, в рот вставил резиновый загубник — это для того, чтобы дышать только ртом.

Старшина ловко обвязал меня вокруг пояса верёвкой. Я покосился через противогазные очки на эту верёвку, но ничего не сказал: надо так надо.

В руки мне дали груз — мешок с песком.

А это для чего ещё?

Ах да, это чтобы вода меня на поверхность не выталкивала.

И я начал спускаться в воду по железной лесенке.

Осторожно ступил на дно. Сделал шаг, другой. Ничего, вроде бы получается.

Только дышать тяжело. Давит вода на грудь.

Ещё шаг, ещё...

И тут вдруг сбился с дыхания. Сразу почувствовал — мало воздуха! Начал хватать воздух ртом — ещё хуже! Словно подушку мне на лицо положили.

Оглянулся по сторонам — кругом вода колыхается. Одинаковая. Куда идти?

В ушах зазвенело. В глазах тёмные круги пошли.

Ещё только не хватало, чтобы меня за верёвку вытягивали!

Бросился в одну сторону, в другую — совсем запутался.

«Спокойнее, — говорю себе, — спокойнее».

Ещё раз огляделся и сквозь воду угадал чёрные перекладины лесенки. Значит, совсем недалеко отошёл.

Выбрался из бассейна, стянул маску. Ах, как хорошо — свежий воздух! Дыши — не надышишься!

Командир спрашивает:

— Ну как?

— Ничего, — отвечаю.

Но он, наверно, по моему лицу и сам всё понял.

— В первый раз, — говорит, — всем трудно бывает. Без тренировки.

Потом я вытирался полотенцем и с уважением посматривал на солдат, которые готовились спускаться в бассейн. Я-то и пяти минут под водой не пробыл, а выскочил, как пробка. А они сколько работают! Да ещё тяжелый трос таскают! Каково им?

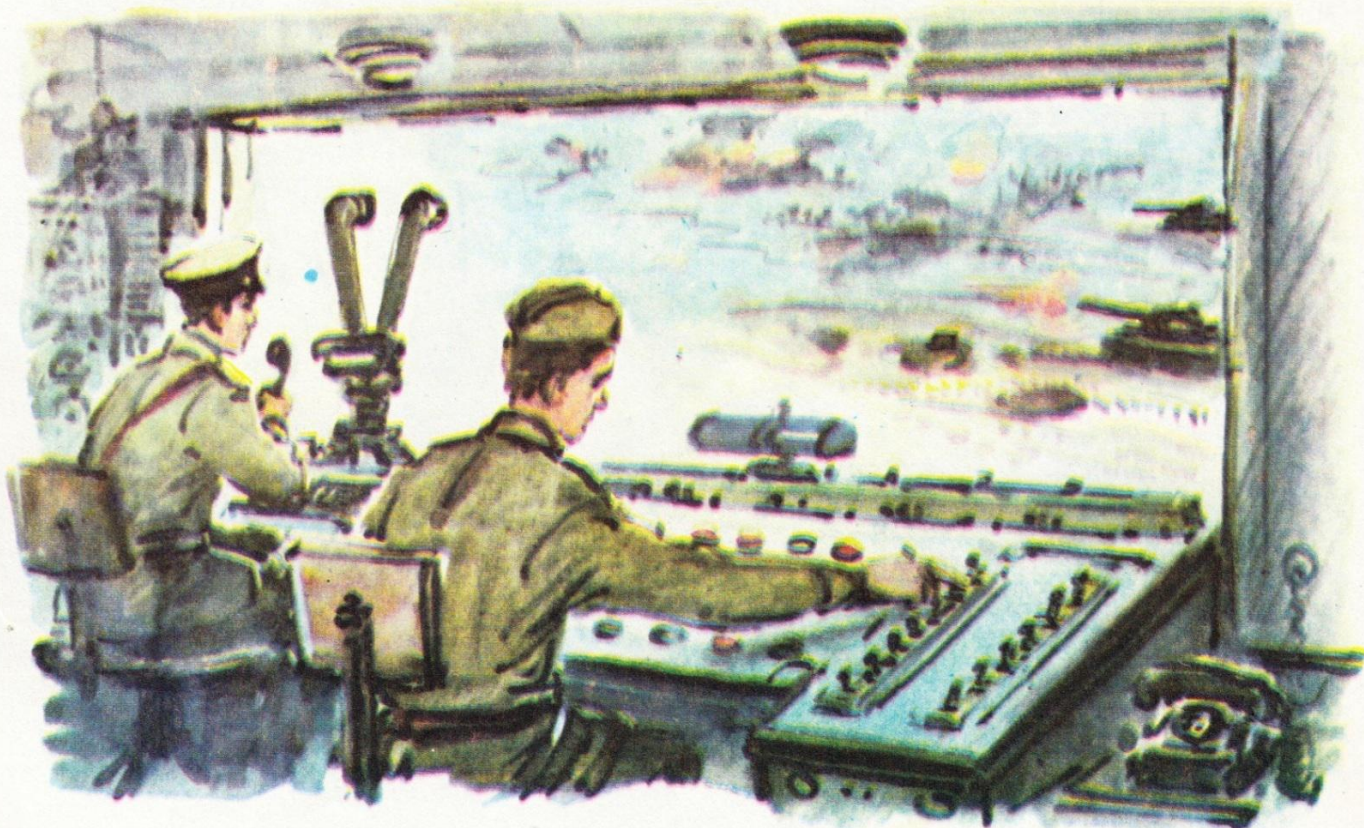
И ещё я подумал про себя:

«Со стороны-то, выходит, любое дело лёгким кажется. Пока сам не попробуешь».

КАК СТРЕЛЯЮТ ТАНКИСТЫ

После бассейна я отправился на полигон. На полигоне танкисты учатся стрелять. Если говорить откровенно, не очень-то я надеялся отыскать там сержанта Пирожкова. Но побывать у танкистов и не увидеть, как они стреляют, — с этим я не мог смириться.

На полигоне было жарко и пыльно. Танки, грохоча, трогались с места. Пыль тянулась за ними, клубилась и долго не оседала. Броня танков казалась не зелёной, а серой.

Но вот вдалеке, впереди поднимались мишени — плоские тёмно-зелёные макеты противотанковых пушек. Гремел первый выстрел, и танки тотчас же исчезали в облаках пыли, точно в дымовой завесе. Только огненные вспышки выстрелов разрывали это облако. Гром разносился над полигоном.

Как отыскивали наводчики в этой пыльной буре мишени? Как механики-водители не сбивались с пути? Для меня это оставалось загадкой.

А тут ещё поднялся ветер. Пыльные вихри понеслись над полигоном. Танкисты, те, кто ждали своей очереди стрелять, нервничали.

— Не повезёт так уж не повезёт, — переговаривались между собой солдаты. — Вчера соседняя рота стреляла — и дождичек утром прошёл, пыль прибил, и ветра не было... Знай себе стреляй...

И тут возле танкистов появился молодой весёлый лейтенант, комсорг полка. Был он в чистенькой гимнастёрке, с командирским планшетом на боку. А в руках держал блестящий фотоаппарат.

— Ну что, орлы? — весело сказал он и щёлкнул фотоаппаратом. — Носы повесили? Погода не нравится? Ветерка испугались?

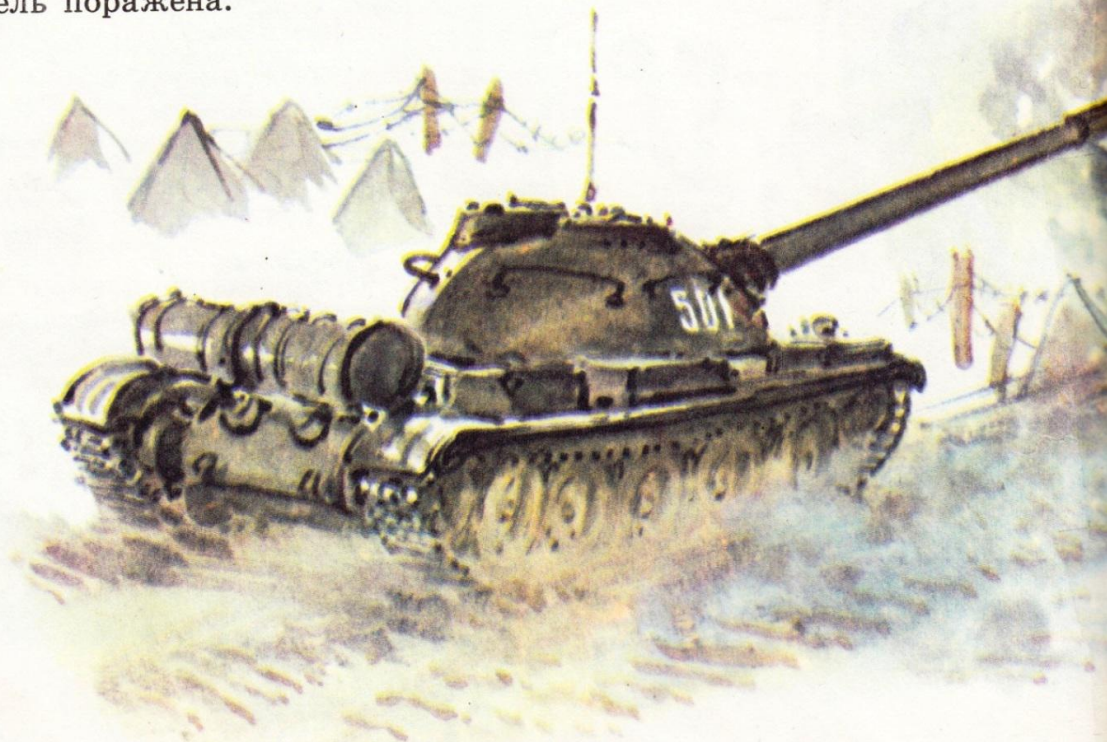
Он опять нацелился на танкистов своим аппаратом.

— Выше головы! Снимаю!

Конечно, что ему было не шутить: аппаратом щёлкать — это не из пушки стрелять!

Солдаты что-то отвечали, но я уже не слушал их разговоры. У меня были свои заботы. Мне непременно надо было найти командира. Ведь одно дело — смотреть на стрельбы со стороны, а совсем другое — самому оказаться в танке. Только кто же меня пустит в танк без разрешения командира?

Командира я нашёл на командной вышке. Здесь тоже было на что посмотреть! Возле специального пульта управления с переключателями и сигнальными лампочками сидел солдат. Щёлкнет солдат переключателем — и вдалеке, словно по волшебству, послушно поднимаются мишени. А на пульте вспыхивают лампочки. Щёлкнет другим — и мишени начинают двигаться — как будто вражеские бронетранспортёры катят вдали. А угодит снаряд в цель — сразу гаснет на пульте сигнальная лампочка. И командир уже знает — цель поражена.

Я не очень рассчитывал, что мне удастся уговорить командира. Командир наверняка был не в духе: и пыль, и ветер портили ему настроение.

Но, к моему удивлению, он согласился. Он распорядился, чтобы мне подыскали комбинезон по росту и шлемофон. Потом подумал, подумал и позвал к себе комсорга.

— Товарищ лейтенант, — сказал он, — поедете с корреспондентом за наводчика.

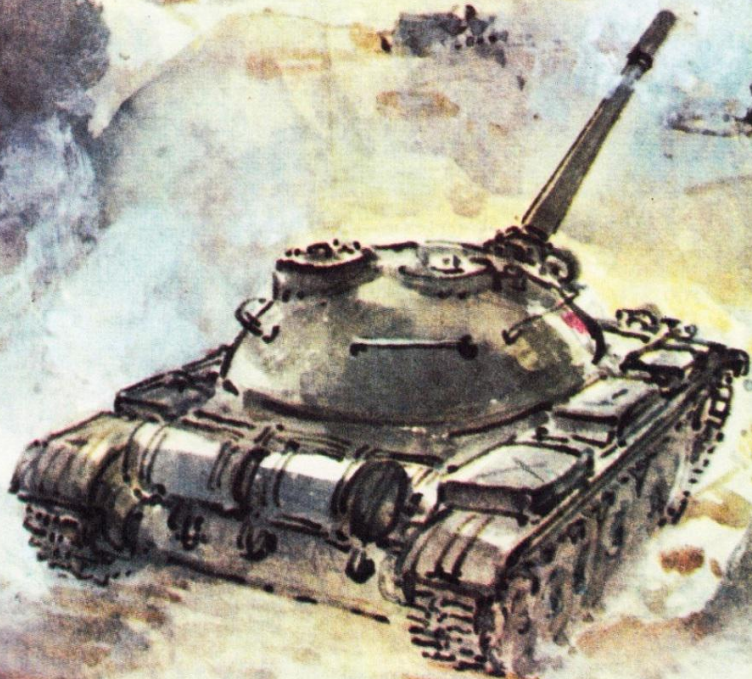
— Товарищ майор... — начал было комсорг, но командир его тут же перебил:

— Поезжайте, поезжайте, заодно покажете, как вы стреляете.

Он не приказывал, он просил. Но когда просит командир — просьба становится приказом.

Мне показалось, я поймал на себе сердитый взгляд лейтенанта. Ведь это я был виноват в том, что сейчас ему предстояло натягивать промасленный комбинезон и забираться в пыльный, раскалённый на солнце танк. Но главное, пожалуй, было даже не в этом.

«Неизвестно, — подумал я, — когда он стрелял в последний раз. Наверно, можно хорошо проводить комсомольские собрания и в то же время неважно стрелять из пушки. И конечно, если сейчас, на глазах у солдат, своих комсомольцев, он промахнётся, ему не позавидуешь...»

Честно говоря, мне стало жаль этого молодого весёлого лейтенанта. Уж лучше бы я не совался к командиру со своей просьбой.

Впрочем, раздумывать было некогда. Раздалась команда, и мы побежали к танку.

И вот уже тяжёлая бронированная крышка люка захлопнулась за нами. Танк тронулся.

Я прижался к узкой щели смотрового прибора. Лейтенант приник к прицелу.

Вот что-то шевельнулось впереди, в пыльной траве. Мишени? И сразу фонтанчики пыли взвились возле них.

Это заработал наш пулемёт.

Мишени исчезли.

Танк бросало из стороны в сторону. Мне казалось, он несётся слишком быстро. Все были заняты своим делом. Солдат-заряжающий швырнул жёлтый снаряд в приёмный лоток. Я ещё не успел ничего разглядеть, а лейтенант уже опять прицелился.

Танк даже не замедлил ход. Это раньше, чтобы прицелиться, чтобы выстрелить, танк обязательно должен был остановиться. А теперь — нет. Теперь у пушки есть особое хитрое устройство — как бы ни подбрасывало танк на ухабах, ствол пушки останется наведённым точно в цель.

Грохнул выстрел. Полыхнул отблеск пламени. Кисло запахло порохом.

Танк потонул в пыли.

Где-то там, впереди, должны были появиться ещё новые — движущиеся — мишени. Но как их разглядеть? Мне казалось, мы плывём в буром облаке.

Я покосился на лейтенанта. Он по-прежнему не отрывался от прицела. Его лицо было напряжённым.

Тускло сверкнул новый снаряд в руках у заряжающего. Заряжающий орудовал у лотка, точно кочегар у топки, бросающей отсветы пламени.

Выстрел!

Я ещё не успел опомниться, прийти в себя, а наш танк уже возвращался на исходный рубеж.

Как и положено, вчетвером, друг за другом мы подошли к командиру.

— Товарищ майор, — доложил лейтенант. — Первая цель поражена. Вторая поражена. Третья поражена.

Лицо его оставалось серьёзным, но голос звучал весело. А командир хитровато посмотрел на меня и спросил:

— Ну что, увидели теперь, как стреляют танкисты?

И я ответил совсем по-военному:

— Так точно. Увидел.

КАК Я ЖДАЛ ПИРОЖКОВА

Сержанта Пирожкова я отыскал в танковом парке.

Вот уж где было интересно так интересно!

Никогда в жизни я не видел сразу столько танков.

Повсюду стоял звон и грохот. Около танков возились солдаты в чёрных промасленных комбинезонах.

Сержант Пирожков проверял рацию в своём танке. Он крутил ручки настройки и щёлкал переключателями. Оказывается, танкист ещё должен быть и умелым радистом.

Я не стал мешать Пирожкову.

Я решил, что дождусь перекура и тогда поговорю с ним. Я был уверен, что ждать мне придётся недолго.

Когда-то я сам служил в армии и знал, что солдаты всегда не прочь перекурить. Потому что во время перекура обязательно кто-нибудь расскажет какую-нибудь весёлую историю. А после нелёгкой работы нет лучше отдыха, чем как следует посмеяться. Я уж не говорю о заядлых курильщиках, которые только о том и думают, как бы поскорее затянуться сигаретой.

И вот я отошёл в сторонку и стал терпеливо ждать.

Отсюда мне было хорошо видно всё, что делалось в парке.

Трое солдат натягивали на катки танка тяжёлую гусеницу.

Двое других протащили небольшие зелёные ящики.

Кто протирал ветошью приборы, кто возился в двигателе, кто, забравшись под танк, орудовал гаечным ключом.

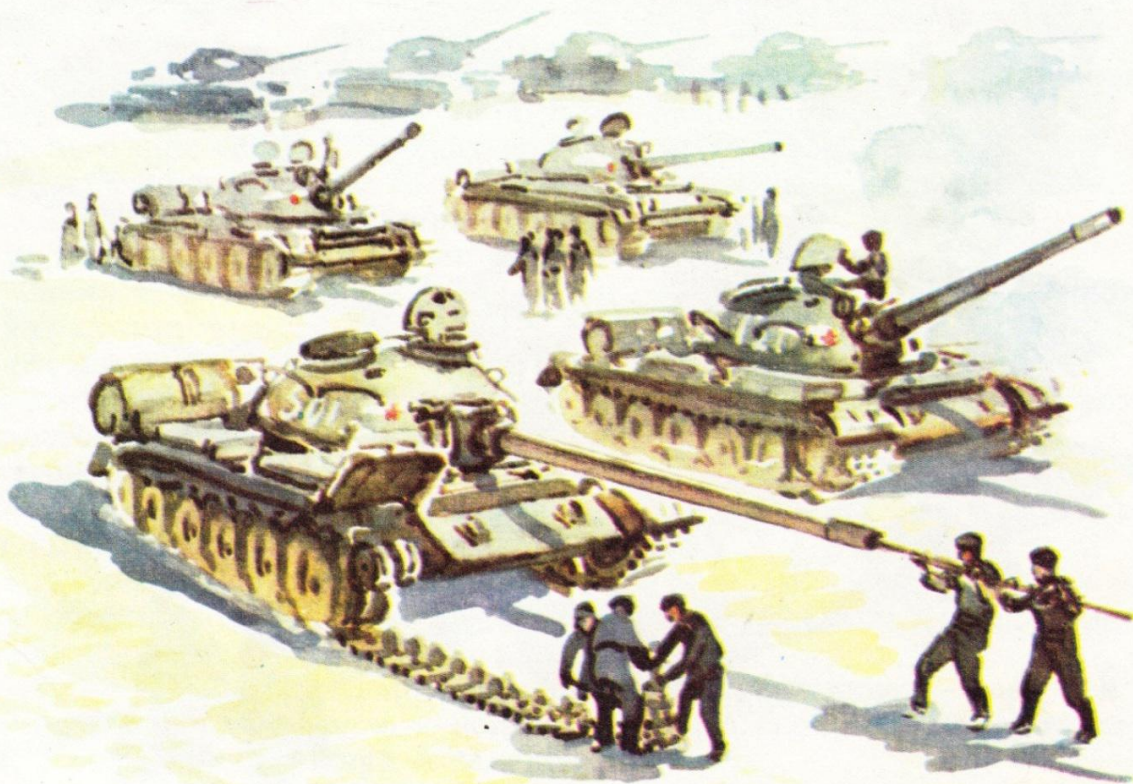
Все были заняты работой.

Так прошёл час, а перекура всё не было.

«Ничего, — сказал я себе. — Уже недолго ждать. Это точно».

Один танк поводил из стороны в сторону стволом пушки, словно прицеливался. На другом танкисты прогревали двигатель. Они раскрывали рты и что-то кричали друг другу, но что — я не слышал, такой стоял грохот.

Я посмотрел на часы. Прошло ещё сорок минут. Перекура не было.

«Ну уж теперь-то, — подумал я, — совсем скоро».

Солдаты время от времени скрывались в люках танков, и снова появлялись на броне, и опять исчезали в своих машинах. Руки у всех были чёрные, и лица тоже перепачканы.

Так прошёл ещё час. Я почувствовал, что моё терпение кончается. И тут я увидел сержанта Пирожкова.

Он торопился куда-то с гаечным ключом в одной руке и с промасленной тряпкой — в другой. И лицо у него было озабоченным.

Я поймал его за рукав комбинезона.

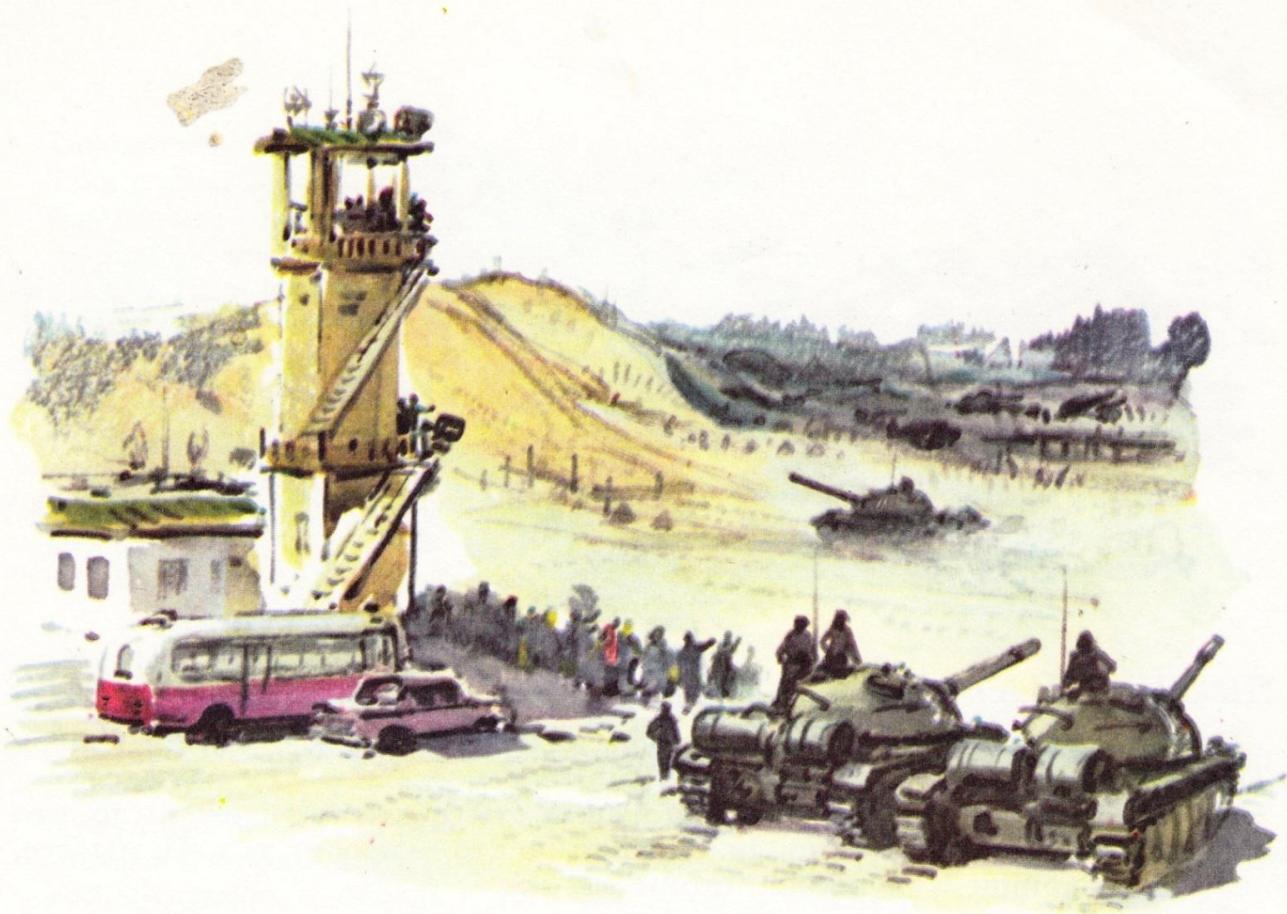
— Послушайте, сержант Пирожков, — сказал я, — у вас будет когда-нибудь перекур или нет?

Пирожков засмеялся:

— Так у нас весь экипаж некурящий! Был один курильщик — наводчик наш, — так и тот позавчера бросил! — И добавил серьёзно: — У нас, у танкистов, ведь как: поработаешь сейчас хорошо, — и танк тебя не подведёт на учениях. Поработаешь с прохладцей, кое-как, — и танк тебе тем же оплатит — намучаешься потом. Так что сейчас нам не до перекуров. Приходите вечером в казарму, поговорим.

И сержант Пирожков побежал дальше.

ПРЕПЯТСТВИЕ

Вот какую историю рассказал мне вечером в казарме сержант Пирожков.

— Есть у меня друг — Володя Кукушкин. Во всей роте — да что в роте! — во всём полку считается он лучшим механиком-водителем.

Про него наш командир, лейтенант Громыхалов, всегда говорил:

— Нет такого препятствия, которое не смог бы преодолеть танк, если им управляет рядовой Кукушкин.

А другой наш командир, капитан Дегтярёв, говорил:

— Завяжите Кукушкину глаза, он и с завязанными глазами проведёт танк как по ниточке.

А третий наш командир, майор Каратыгин, говорил:

— Запустите танк с Кукушкиным в самое что ни на есть непроходимое болото — он и то выберется.

Другой бы человек, на месте Володи Кукушкина, наверно, давно возгордился, но наш Володя Кукушкин оставался таким же скромным парнем, каким был, когда прибыл в армию.

И вот однажды приехали к нам гости — комсомольцы с фабрики из соседнего посёлка. Пришли на танкодром, где учатся солдаты водить боевые машины.

— Ну, — говорит лейтенант Громыхалов Кукушкину, — доверяем вам исключительно важное дело — показать, на что способны наши танкисты. И чтобы всё было без сучка и задоринки.

— Есть! — говорит Кукушкин. — Без сучка и задоринки!

Надел он, как положено, комбинезон, надел танковый шлем и забрался в свой танк.

Комсомольцы, наши гости, кто на вышке стоит, чтобы виднее было, кто возле вышки, кто через бинокли смотрит, а кто — просто так. И мы все, солдаты, товарищи Кукушкина, стоим тут же.

Вот подал лейтенант по радио команду: «Вперёд!»

Загрохотал танк, выбросил облако сизого дыма и рванулся с места.

Только пыль взвилась из-под гусениц.

И хоть знаем мы, какой отличный водитель наш друг Кукушкин, а всё равно волнуемся — мало ли что бывает.

И вот мчится танк с Кукушкиным всё вперёд и вперёд.

А на танкодроме, надо сказать, каких только препятствий нет! И крутой подъём на гору, и отвесный спуск, и самый настоящий противотанковый ров, и узенький мост. Чуть ошибёшься — и всё, застрял.

Только для нашего Кукушкина все эти препятствия не препятствия.

Одно — позади.

Второе — позади.

Третье — позади.

Молодец Кукушкин! Знай, ребята, наших!

Взобрался танк на гору и аккуратненько спустился.

Нырнул в ров и тут же задрал нос к небу — выбирается.

И уже несётся, грохоча, по прямой к мосту.

Лишь пыль клубится над ним.

— Нет такого препятствия, — объясняет нашим гостям лейтенант Громыхалов, — которое не мог бы преодолеть танк, если им управляет...

И вдруг замолчал лейтенант Громыхалов на полуслове.

Что такое?

Мы даже глазам своим не поверили.

Замер танк, остановился как вкопанный.

Что случилось? Никогда такого не бывало.

Неужели отказал мотор?

Видим издали — открывается крышка люка и выбирается Кукушкин из танка.

Повозился возле гусеницы — и назад, в люк.

Тронулся танк. Но время-то уже потеряно!

Лейтенант от досады даже зажмурился.

— Эх! — говорит. — Надо же, чтобы именно сегодня такое случилось!

Подкачал Кукушкин. Опозорился перед нашими гостями!

А танк уже рядом. Откинулась тяжёлая бронированная крышка, и из люка высунулась голова Кукушкина.

— Принимайте, — говорит, — пассажира!

А на ладони у него, видим, свернулся маленький ёжик.

— Чуть под самую гусеницу не угодил, — говорит Кукушкин. — И как только я его заметил!

Вот тебе и препятствие!

НА ТАНКОДРОМЕ

Конечно, вы понимаете, теперь я не мог уехать, не отыскав Кукушкина.

А где же был Кукушкин?

Кукушкин был на танкодроме.

Пока я добирался до танкодрома, стало уже совсем темно.

«Эх, — думаю, — опоздал. Кто же будет в такой темноте заниматься?»

Но вижу — возле вышки, у фонаря, стоят танкисты.

А где-то совсем рядом в темноте танк грохочет.

Грохот всё ближе, ближе. Нарастает.

Мне даже не по себе стало. Долго ли танку в такой темноте на человека наскочить? Я на всякий случай поближе к фонарю подошёл, чтобы меня виднее было.

И тут из темноты танк вынырнул.

Фары не светятся. Тёмный весь.

Остановился танк. Сразу тихо стало.

Открылся люк, и из него выпрыгнул невысокий солдат.

— Товарищ майор, — докладывает командиру, — рядовой Кукушкин упражнение выполнил!

«Что за чудеса? — думаю. — Я в такой темноте в двух шагах ничего не вижу. Как же он танк водит?»

Наверно, я вслух эти слова произнёс, потому что майор дотронулся до моего локтя и говорит:

— Ну-ка, товарищ корреспондент, забирайтесь в танк! А теперь смотрите.

Взглянул я в смотровой прибор — и ахнул! Что такое? Вижу дорогу, залитую зеленоватым светом. И каждый камень вижу. И дерево справа от дороги вижу. И кусты слева темнеют.

Может быть, пока я в танк забирался, луна вышла?

На всякий случай я даже наружу выглянул. Нет, по-прежнему вокруг кромешная тьма. Хоть глаз выколи.

Снова к смотровому прибору приник.

Дорога. Камень. Кусты. Всё видно.

Прямо волшебство какое-то!

— Что? — смеётся майор. — Глазам не верите? Такие у нас теперь приборы есть, что и в темноте видят.

— Да, — говорю. — Здорово. Даже вылезать не хочется.

— А вы и не вылезайте, — говорит майор. — Сейчас мы домой отправляемся. Поедете вместе с нами.

И я поехал в танке, как настоящий танкист.

РАБОТА ИДЕТ НОРМАЛЬНО

— Что я! — сказал Кукушкин, когда мы вернулись в казарму. — Вот у меня есть друг! Степанов его фамилия. Смелый человек. Можно даже сказать — отчаянный.

И я подумал: наверняка мне теперь предстоит искать этого Степанова. И если дальше дело пойдёт так же, то мне, пожалуй, ещё не скоро удастся вернуться в редакцию.

— В прошлом году тут, недалеко от нас, километров за пятьдесят, обнаружили минное поле. Старое минное поле, ещё до войны осталось. Сотни мин, говорят, там были. И вот сапёры наши поехали разминировать это поле. А вместе с сапёрами должны были отправиться и танкисты — самые опытные механиководители...

— Зачем же танкисты? — удивился я.

— Как зачем? Помогать сапёрам. Это раньше танк боялся каждой мины. А теперь нет. Теперь впереди танка катится специальное приспособление — трал. Идёт такой танк, медленно идёт и утюжит тралом поле. Вот мины и взрываются.

«А это опасно?» — хотел спросить я, но не спросил. Конечно, я и сам понимал, что опасно. Недаром говорят, что сапёр ошибается только один раз в жизни.

— Подумали, подумали наши командиры и послали Степанова. Собрался он, взял свой вещмешок и уехал. Уехал — и нет от него писем. Пять дней прошло, десять дней — ничего нет. Я уже переживать начал — мало ли что может случиться. С минами шутки плохи. Наконец почтальон приносит письмо. Разрываю конверт, тороплюсь, волнуясь. Читаю. Да вот, хотите, сами почитайте — сохранилось у меня это письмо...

Кукушкин порылся в тумбочке и протянул мне письмо. Это был памятный тетрадный листок в клеточку. От него пахло соляжкой и бензином.

«Володя, привет! Пишет тебе твой друг и однополчанин Николай Степанов.

Вот уже десятый день, как я на новом месте. Живу хорошо, только комары донимают, здесь их тысячи. Обязательно пришли мазь от комаров. А в остальном работа идёт нормально.

Больше писать нечего. Привет всем ребятам.

Николай».

— Я, когда получил это письмо, — сказал Кукушкин, — когда прочёл про комаров, грешным делом подумал: а может, и правда, там не так опасно? И только потом, когда уже вернулись сапёры, рассказали мне: дважды танк Степанова нарывался на мины с коварным секретом, дважды Степанов был на волосок от смерти. Вот вам и мазь от комаров!

Я бережно сложил тетрадный листок и отдал Кукушкину.

Я представил себе, как медленно-медленно движется танк Степанова по минному полю.

Впереди с грохотом рвутся мины. Свистя, летят осколки, срезают ветви деревьев, щёлкают по броне...

Работа идёт нормально.

И тогда я решил: пусть я опоздаю в редакцию, пусть со мной делают что хотят, но Степанова повидать мне надо во что бы то ни стало.

— А где... — начал было я, но Кукушкин понял меня с полуслова.

— Где Степанов? — сказал он. — Далеко Степанов. Уехал уже, демобилизовался. Теперь на заводе работает. Испытателем. Новые танки испытывает.

И я пожалел, что так и не увижу этого человека.

О ЧЕМ Я ДУМАЛ, КОГДА ЕХАЛ ОБРАТНО

На другое утро я распрощался с танкистами и отправился назад, к себе в редакцию. Наверно, редактор уже ждал меня там и сердился за то, что я так долго не возвращаюсь.

И пока я ехал обратно, я вспомнил, как не хотелось мне отправляться к танкистам, и все свои тогдашние мысли вспомнил, и мне стало даже немножко стыдно.

Сколько нового узнал я за один лишь день!

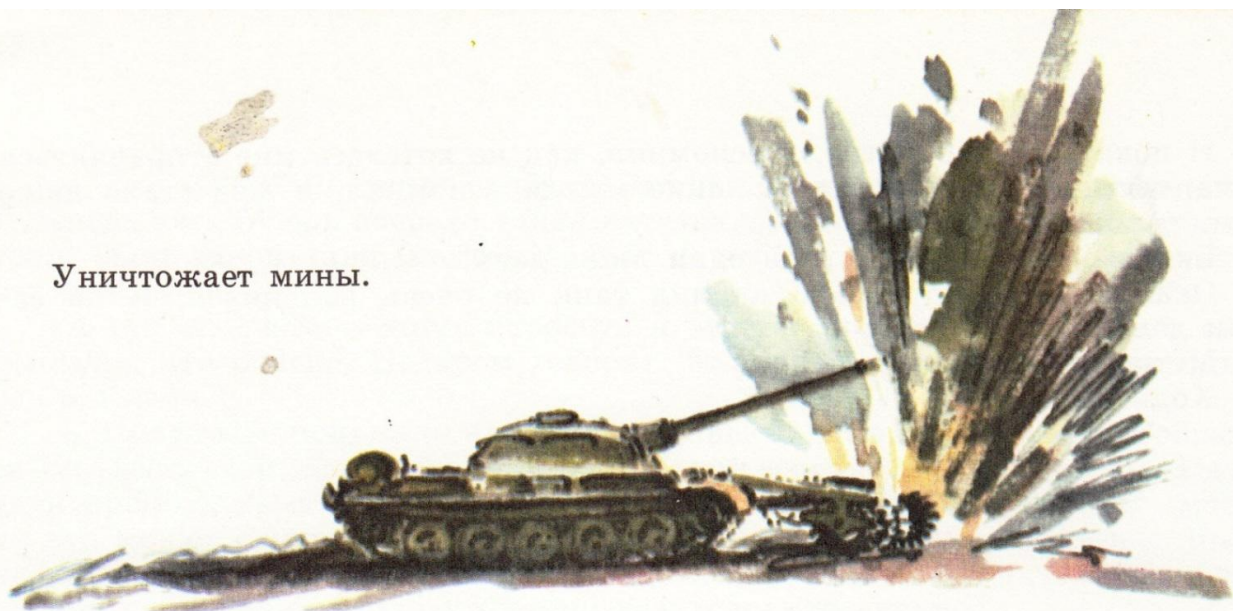
Оказывается, это только на вид танк не очень изменился. А на самом деле...

Метко стреляет.

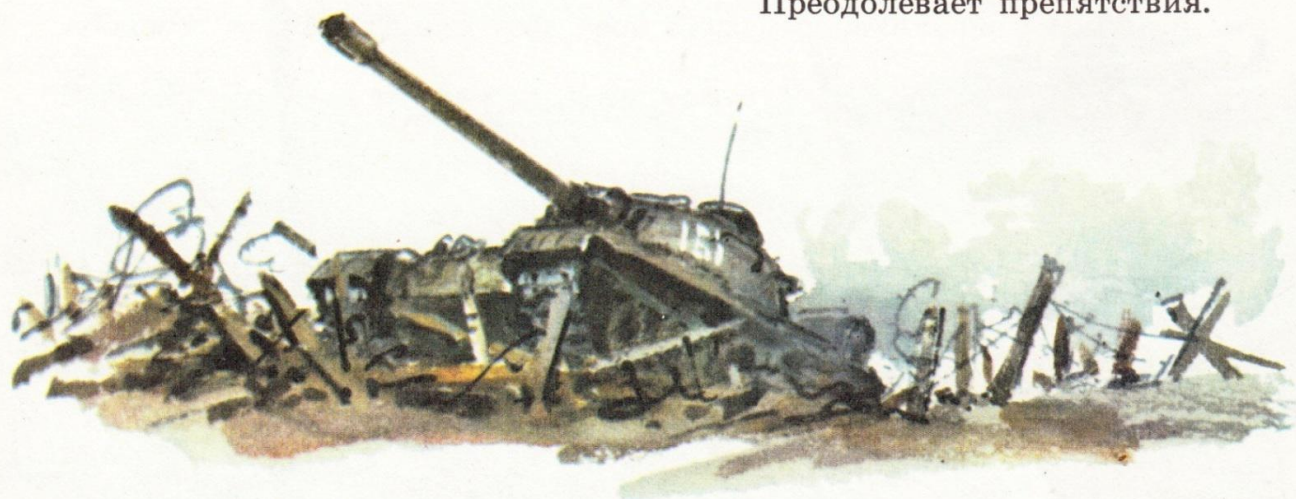
Ходит под водой.

Уничтожает мины.

Преодолевают препятствия.

Видит в темноте.

Вот, оказывается, какая умная машина — наш танк! Вот, оказывается, какой сложной и грозной машиной управляют наши танкисты!

КАК Я ПРЫГАЛ С ПАРАШЮТОМ

Как-то в редакции одного журнала мне предложили поехать в воинскую часть. Пожить там, а потом написать рассказы о солдатах.

— Куда — выбирайте сами, — сказали мне, — даём вам три дня на раздумья.

— Нет, — сказал я, — мне не надо трёх дней на раздумья. Я уже знаю, куда поеду. Я поеду к десантникам.

Я и правда давно уже мечтал побывать у десантников. Я много читал и слышал об их мужестве и выносливости, и мне очень хотелось своими глазами увидеть, как живут и учатся эти отважные люди.

— Ну что же, поезжайте к десантникам, — сказали мне, — счастливого пути.

Так я оказался в воздушно-десантном подразделении, и прожил я там почти целое лето.

И вот, когда я вернулся домой, в Ленинград, все мои друзья и знакомые при встрече первым делом задавали мне один и тот же вопрос, словно сговорились:

— А ты сам-то прыгал?

И я с гордостью отвечал:

— А как же! Конечно, прыгал!

— А страшно было?

— А с какого самолёта?

— А с какой высоты?

Я столько раз отвечал на все эти вопросы, что постепенно у меня в голове сложился целый рассказ о том, как я прыгал с парашютом.

1. САМОЕ ПРОСТОЕ УПРАЖНЕНИЕ

Конечно, прыгать без всякой подготовки никто не разрешит. И без солидного медосмотра — тоже.

Поэтому прежде всего меня повели в учебно-тренировочный городок. Этот городок немножко похож на городок аттракционов в парке. Только аттракционы здесь, прямо скажем, «чуть-чуть» посложнее.

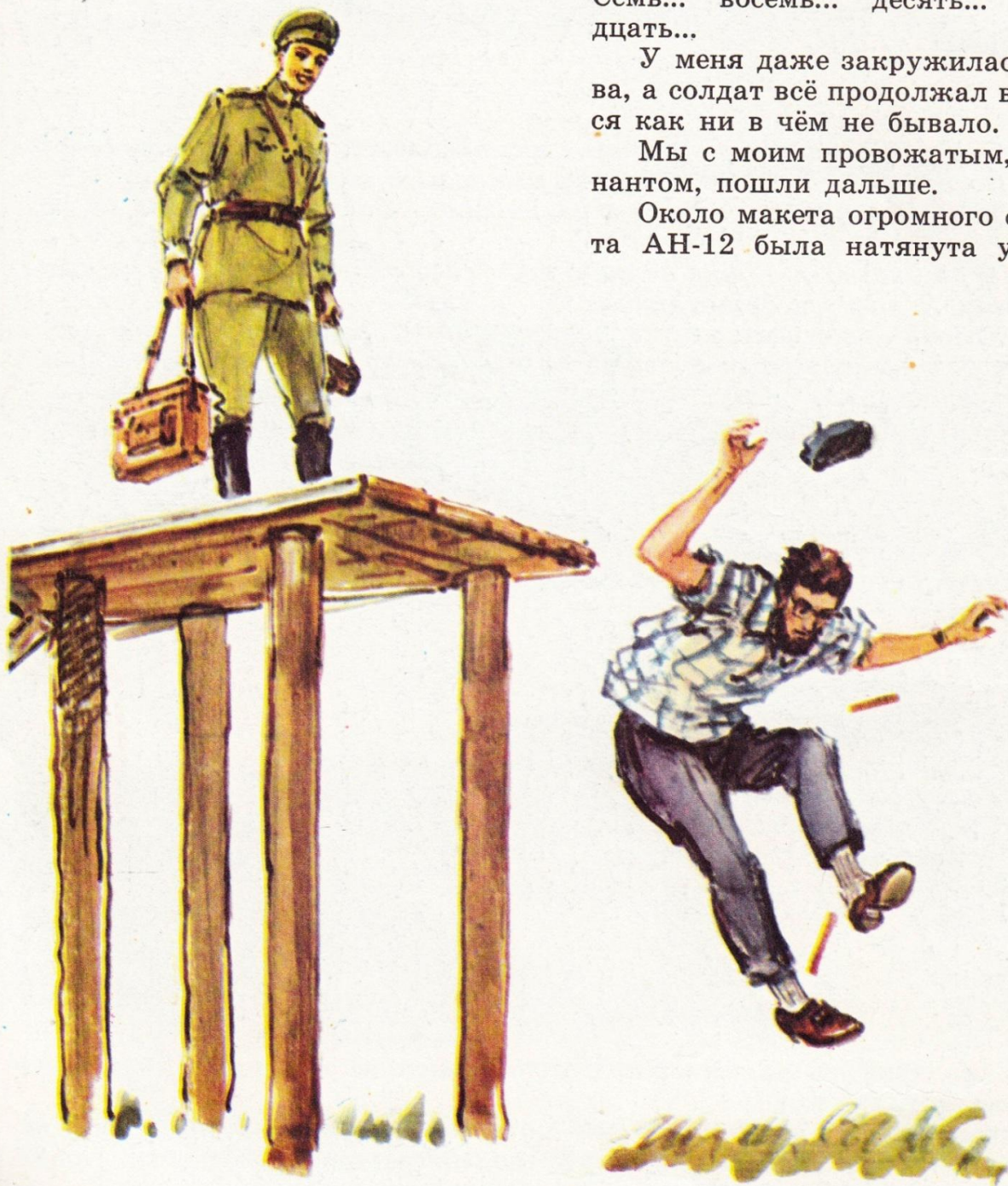
Я увидел здесь:
парашютную вышку,
специальные качели — со сложным названием «лопинг»,
макеты самолётов, причём один самолёт был маленький, а другой —
огромный,

и ещё разные другие приспособления, названий которых я не знал.
Возле качелей я остановился. Здесь занимались десантники. Вот один
солдат раскачался — сильнее! сильнее! — и — раз! — качели описали круг
так, что солдат на секунду повис
вниз головой. Ещё круг! Ещё!
Семь... восемь... десять... пятна-
дцать...

У меня даже закружилась голо-
ва, а солдат всё продолжал вертеть-
ся как ни в чём не бывало.

Мы с моим провожатым, лейте-
нантом, пошли дальше.

Около макета огромного самолё-
та АН-12 была натянута упругая

толстая сетка — батут. Как в цирке. Солдаты один за другим бросались в открытый люк самолёта и падали на батут.

— Это они учатся правильно отделяться от самолёта, — сказал лейтенант. — А сейчас попробуйте-ка и вы сделать одно упражнение...

Я с опаской посмотрел на парашютную вышку.

Но упражнение, которое мне предложили сделать, выглядело совсем простеньким: прыгнуть с двухметровой горки. Только не просто прыгнуть, а предварительно зажать между коленями и между косточками щиколоток две щепочки. Самые обыкновенные деревянные щепочки. Если во время прыжка щепочки не выпадут, — значит, всё в порядке, приземлился правильно. Если выпадут, — начинай всё сначала.

Мне, честно говоря, даже неловко стало — таким пустяковым показалось это упражнение. Вроде бы скакать через верёвочку заставляют взрослого, серьёзного человека.

— А вы попробуйте, — засмеялся мой провожатый.

Я попробовал.

Попробовал один раз — не получилось. Второй раз — опять ничего не вышло. Уж, кажется, так плотно сжимаю ноги — плотнее невозможно, а щепочки всё равно падают.

Только на пятый или шестой раз получилось это упражнение.

И тут я узнал, что упражнение это хоть и простое, а очень важное. Потому что для десантника правильно приземлиться — это самое главное.

— В своём парашюте вы можете не сомневаться, — сказал мне лейтенант. — Техника у нас надёжная, не подведёт. А вот если не научитесь правильно приземляться, тут уж можно ногу или руку сломать. Здесь уж всё только от вас зависит.

После пришлось мне делать упражнения и посложнее, но всё-таки это первое, со щепочками, запомнилось мне больше других...

2. НЕТ ДЕЛА СЕРЬЕЗНЕЕ

За день до прыжков солдаты укладывали парашюты. Нет для десантника дела серьёзнее, чем укладка парашютов. Об этом я не раз слышал, пока жил у десантников. Недаром в день укладки с утра не проводится никаких занятий: солдаты не должны уставать, солдаты должны быть предельно внимательны.

В это утро на плац вынесли и расстелили длинные брезентовые полотна — «столы». На этих «столах» солдаты во всю длину растянули парашюты.

Проверяли оранжевые чехлы, проверяли белые купола, проверяли крепкие стропы.

Потом начали укладывать. Не торопясь, тщательно. А начальник парашютно-десантной службы и командиры по несколько раз придирчиво проверяют: всё ли верно. Каждую складку, каждый узелок проверяют.

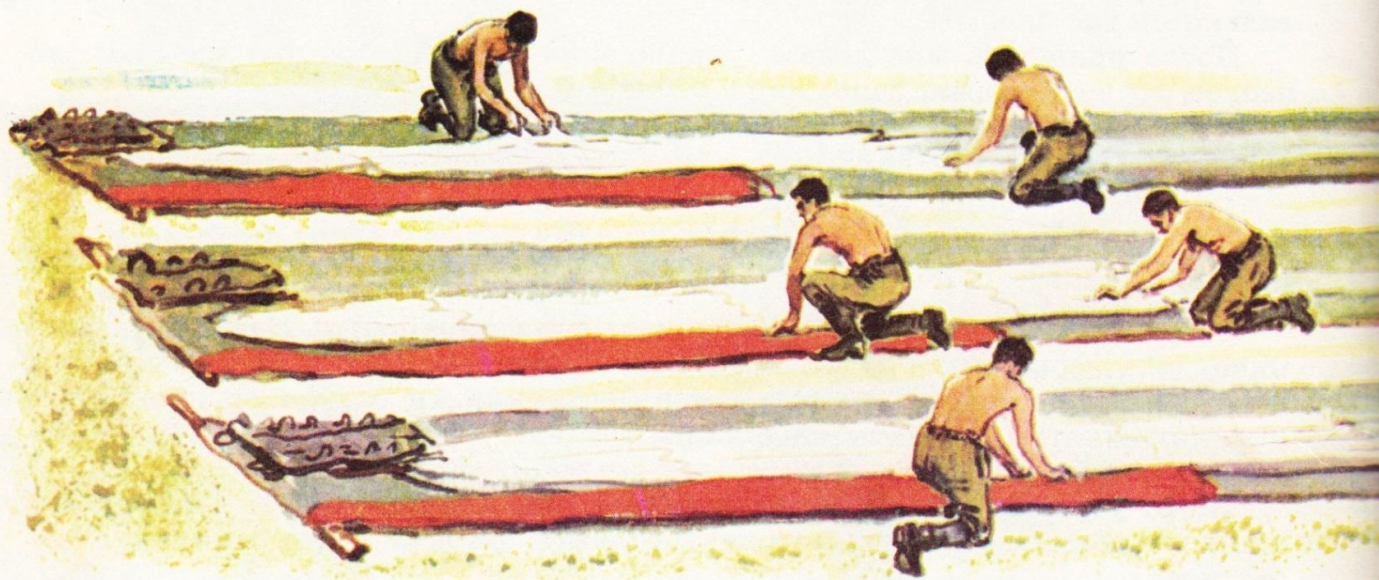
Когда парашюты были уложены, мы пошли в курилку. Если кто-нибудь думает, что в солдатской курилке только и делают, что курят, то это совсем не так. В курилке ещё рассказывают разные истории.

И вот какую историю услышал я в тот день.
Случилось это с рядовым Козыревым. Был он ещё совсем неопытным десантником — ему предстояло совершить всего лишь второй свой прыжок. И конечно, он очень волновался.

Прыжок был самый простой — с принудительным раскрытием парашюта. Так называются прыжки, когда десантнику не надо самому дёргать за кольцо.

Эту работу за него выполняет длинная верёвка — фал. Как только парашютист оставляет самолёт, фал натягивается, срывает с парашюта чехол, и купол раскрывается. Все новички прыгают так.

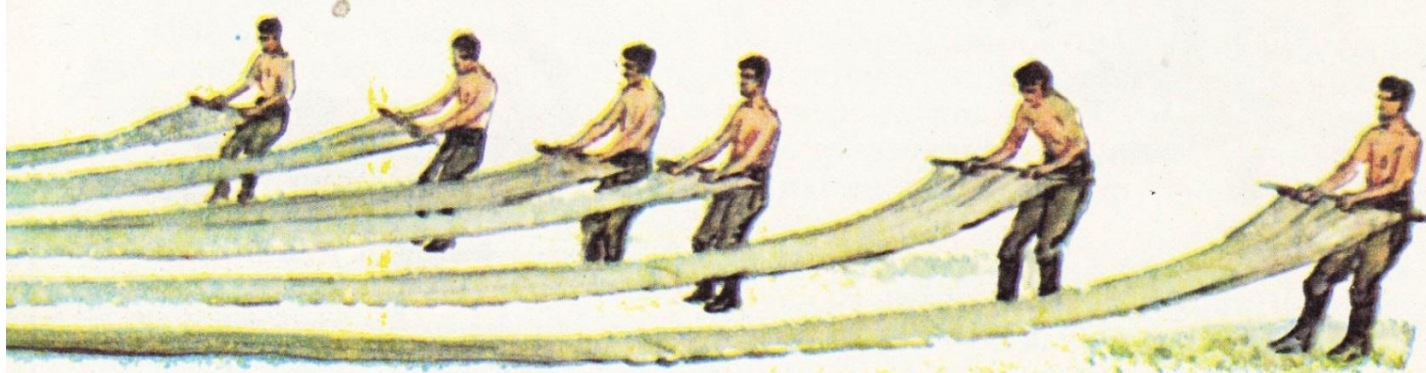

И в этот раз всё шло, как обычно. Один за другим солдаты покидали самолёт. Один за другим раскрывались в небе огромные белые купола.

Наконец наступила очередь Козырева.

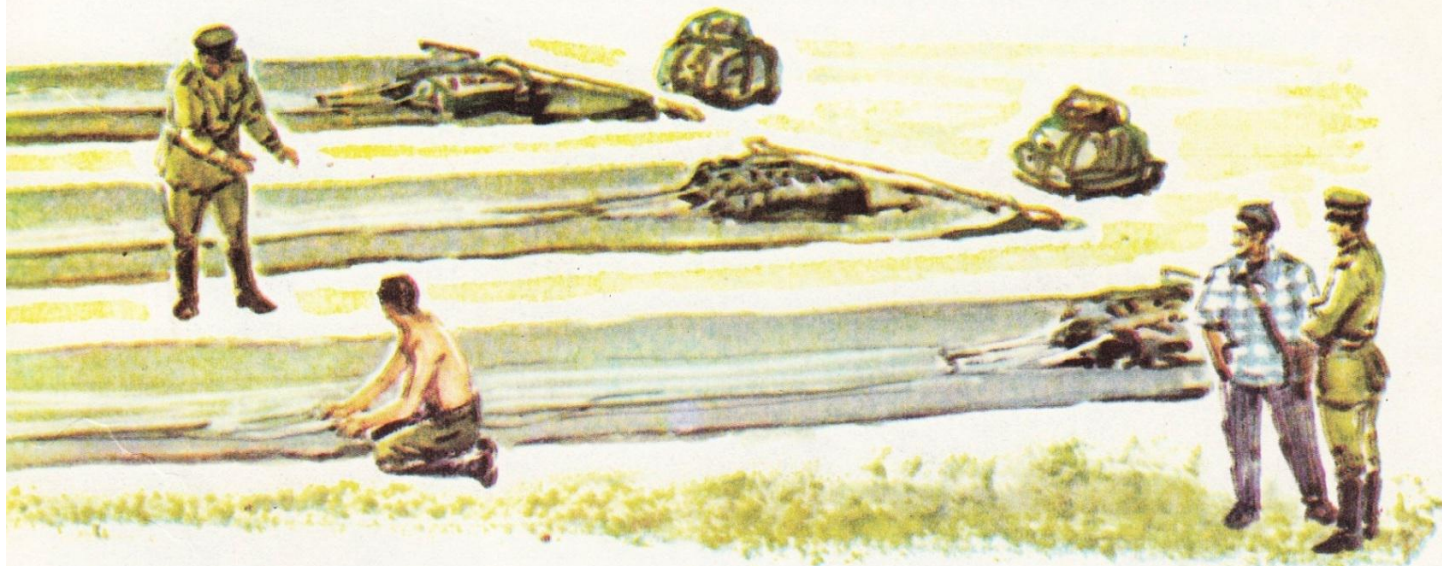
Он бросился за борт самолёта — и тут же ощутил сильный рывок. Рывок был таким резким, что у Козырева потемнело в глазах. На секунду он даже потерял сознание. Он не понял, что произошло. Он только слышал гуденье ветра в ушах.

Когда он опомнился, он не поверил своим глазам: он летел вслед за самолётом. Он оказался привязанным к самолёту длинным фалом. Подобно тому как лыжник на водных лыжах несётся вслед за глассером, так и Козырев теперь нёсся вслед за самолётом.

От страха он ощутил противную слабость в руках и ногах. Что делать? Он не знал.

И те, кто остались в самолёте, тоже не знали, что делать. Как спасти Козырева? Попытаться втянуть назад в кабину самолёта? Невозможно. Когда самолёт летит, встречный поток воздуха во много раз сильнее, чем течение самой быстрой, самой бурной реки, — попробуй-ка осиль его!

Обрезать фал? А что, если Козырев потерял сознание и не сможет раскрыть запасной парашют? Тогда — верная смерть.

Что же делать?

И те, кто были сейчас на земле, тоже видели, как несётся вслед за самолётом тёмная точка, и тоже ничем не могли помочь Козыреву.

Уже суетился возле санитарной машины врач. Уже растягивали солдаты брезентовое полотнище — готовились ловить Козырева.

Оставался только один выход — обрезать стропы. И сделать это должен был сам Козырев. Но догадается ли он? И хватит ли у него решимости? Хватит ли мужества и хладнокровия?

Люди с земли с надеждой и страхом следили за тёмной точкой в небе. А самолёт всё кружил и кружил над площадкой приземления. И наконец Козырев решился.

Все увидели, как маленький комочек оторвался от самолёта и стремительно полетел вниз.

Затем раздался лёгкий хлопок — это раскрылся купол запасного парашюта.

Люди на земле облегчённо вздохнули.

В этот же день стало известно, из-за чего произошёл этот необыкновенный случай. Оказывается, из-за небрежности. Из-за маленькой, пустяковой оплошности при укладке парашюта.

Вот почему и говорят, что нет для десантника дела важнее, чем укладка парашюта.

3. НА АЭРОДРОМЕ

Наконец и тренировка, и укладка парашютов, и медкомиссия, и все волнения и переживания — а вдруг врачи забракуют, вдруг окажусь негоден? — остались позади.

Наступил день прыжков.

Первый раз в жизни я прибыл на аэродром не как пассажир. Уже на аэродроме надел комбинезон, надел парашют. А когда мне ещё вручили тяжелый десантный нож в пластмассовых ножнах, тут уж я почувствовал себя настоящим десантником. Нож обязательно входит в снаряжение парашютиста — на случай, если запутаются стропы и их придётся перерезать.

Мы стояли слегка нагнувшись, упершись ладонями в колени — такова обычная стойка десантника: ведь парашют весит немало, а если к этому ещё прибавить автомат, противогаз, фляжку с водой, патроны, сапёрную лопатку, ранец, плащ-палатку, сухой паёк, — вес наберётся порядочный.

Начальник парашютно-десантной службы в последний раз осмотрел наши парашюты, проверил, всё ли в порядке.

И началось самое томительное ожидание — когда скамандуют: «По самолётам!»

Солдаты поглядывали на меня с любопытством: всегда интересно посмотреть, как это человек в первый раз будет прыгать.

И тут я почувствовал, что мне становится не по себе. Хоть бы скорее!

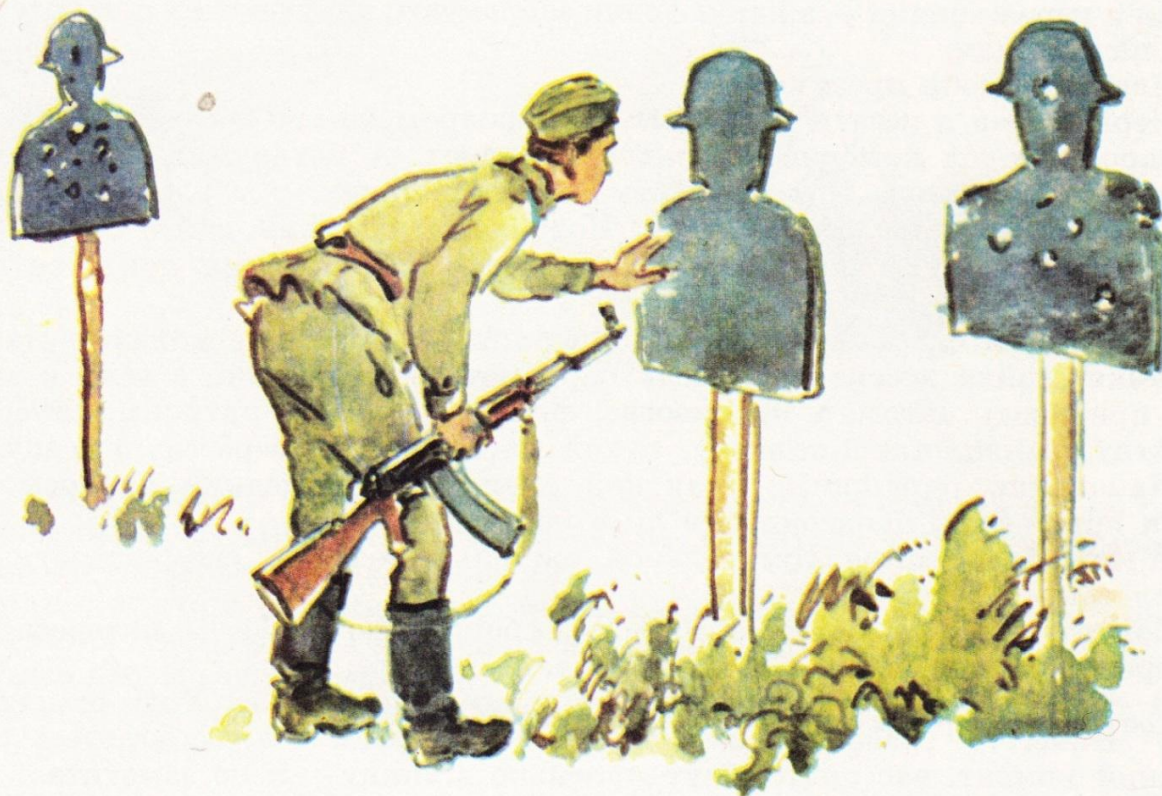
— Ничего, — говорит один солдат, — если замнётесь, испугаетесь в последний момент, вас подтолкнут маленько в спину — и не заметите...

«Нет, — думаю, — не очень бы мне хотелось, чтобы меня толкали в спину... Вот, скажут потом, приехал писатель, просил, чтобы разрешили ему прыгать, а самого выталкивать из самолёта пришлось. Нет уж, никуда не годится такое дело».

— Да вы не волнуйтесь, — говорит другой солдат. — Всё будет в порядке. Прыгнете.

— Это точно, — говорит третий. — У нас вон в прошлом году радист был — Башмаков по фамилии, — уж до чего невезучий, а и то прыгал...

— С ним, с этим Башмаковым, — говорит ещё один, — однажды занятная история приключилась. Ему и правда всё время не везло — просто удивительно! На стрельбы идём — все стреляют нормально, он обязательно умудрится всадить пули в чужую мишень.

По тревоге поднимаемся — сапоги перепутает.

Кросс побежим — ногу вывихнет. Короче говоря, всё у него не как у людей. Поэтому наш командир взвода старался держать Башмакова подальше от глаз начальства. Как начинаются учения или проверка, так Башмакова либо в наряд по кухне отправляют — картошку чистить, либо дневальным по казарме, либо ещё куда-нибудь — только бы подальше.

Так было до тех пор, пока не сменился у нас командир взвода. Новый командир, лейтенант Петухов, вызвал к себе Башмакова и говорит: «Невезучих людей, Башмаков, не бывает — бывают люди не-дис-ци-пли-ни-ро-ван-ные. Ясно?» — «Так точно, — говорит Башмаков. — Ясно». — «Отныне вам никаких поблажек не будет, — говорит лейтенант. — И вы эти свои штучки бросьте. Ясно?» — «Так точно, — говорит Башмаков. — Ясно!»

А тут через несколько дней как раз большие учения. И нашему взводу выпало особое задание: произвести разведку в тылу «противника».

Лейтенант Петухов на всякий случай не спускал глаз с Башмакова. И в самолёте посадил возле себя. Нарочно.

И прыгнул сразу вслед за ним.

Их парашюты раскрылись почти одновременно. И тут вдруг лейтенант увидел, что Башмаков летит не вниз, а вверх.

Да, да, его парашют поднимался вверх!

— Рядовой Башмаков! — закричал лейтенант. — Вы куда?

— Не могу знать! — закричал Башмаков.

— Немедленно вернитесь! — закричал лейтенант.

Но Башмаков продолжал медленно лететь вверх.

— Вернитесь сейчас же! — ещё громче закричал лейтенант.

Что ответил Башмаков, он уже не услышал. Ведь лейтенант летел вниз, а Башмаков вверх, и расстояние между ними всё увеличивалось.

А между тем всё объяснялось просто: парашют Башмакова попал в восходящий поток тёплого воздуха.

Будь на месте Башмакова другой солдат, он бы наверняка растерялся и от страха натворил бы каких-нибудь глупостей. Но Башмаков не испугался. Он даже не удивился. Потому что привык, что с ним всегда что-нибудь происходит.

Он спокойно летел, словно на воздушном шаре, и смотрел вниз. И всё запоминал, что было внизу.

А внизу был лесок. А в леске танки «противника».

Так Башмаков летел довольно долго. А когда приземлился, то сразу пробрался к своим. И доложил о танках. И лейтенант Петухов после учений объявил ему благодарность за самообладание и находчивость.

С тех пор Башмакова перестали считать невезучим. А как только его перестали считать невезучим, он и правда перестал быть невезучим...

— По самолётам!

Я удивился: оказывается, я и не заметил, как промелькнули последние минуты. И только тут догадался: это же для меня рассказывали солдаты свою историю про Башмакова — чтобы я отвлекся и не так волновался. Ведь все они тоже когда-то прыгали в первый раз...

4. В ВОЗДУХЕ

И вот уже самолёт в воздухе.

Мы сидим на железных откидных скамейках и молчим. Шум мотора не даёт разговаривать. Майор-связист — он сидит рядом со мной — хлопает меня по плечу: мол, не волнуйтесь, всё будет хорошо. У него сегодня тоже необычный прыжок — трёхсотый, юбилейный. Ещё накануне он сказал мне: «Вы в воздухе на меня поглядывайте. В случае чего я вам помогу советом, подскажу, что и как».

Раздалась команда:

— Приготовиться!

По этой команде солдаты встают, откидывают сиденья. Встаю и я. Командир занимает своё место у выхода. Он наблюдает за тем, как прыгают солдаты. Он как бы выпускает солдат из самолёта, и потому его так и называют: «выпускающий». И сам он всегда прыгает последним. Бортмеханик слегка приотворяет дверь. Струя воздуха врывается в самолёт. Я чутьгибаюсь, как меня учили, правая рука прижата к груди, левая — на кольце запасного парашюта. Стараюсь думать о чём-нибудь постороннем и не смотреть на дверь. Кажется, даже улыбаюсь.

И вдруг: «Отставить!»

Даже для опытного десантника, когда он уже приготовился прыгать, нет ничего хуже этой команды. А уж обо мне и говорить не приходится.

Снова садимся. Бортмеханик закрывает дверь. Самолёт делает новый круг.

Опять: «Приготовиться!»

Снова все встают, дверь приоткрывается, я собираюсь с духом...

И опять: «Отставить!»

«Ну, — думаю, — ещё разок так повторится — и от моей решимости не останется и следа...»

Но вот, кажется, всё в порядке.

Бортмеханик распахнул дверь настежь.

Выпускающий скомандовал:

— Пошёл!

Первым прыгнул солдат-радист. Я увидел, как швырнуло его воздушным потоком, и только успел подумать: «Неужели и меня сейчас так?» — наступила моя очередь.

КТО ОХРАНЯЕТ НЕБО

В разных уголках нашей огромной страны несут свою службу солдаты. Моя служба начиналась далеко на востоке. В гости к десантникам я ездил в южные жаркие края. Зато в другой раз дела мои привели меня на суровый север, к солдатам противовоздушной обороны. Здесь-то я и познакомился с мальчиком Никой и его папой.

НА КРАЮ ЗЕМЛИ

Никиного папу послали служить на север, к самому Ледовитому океану. И Ника с мамой тоже приехали сюда — на край земли, как говорила Никина бабушка. Конечно, бабушка никогда не стала бы так говорить и не стала бы плакать, провожая их на аэродроме, если бы знала, сколько здесь интересного!

Посёлок, куда они приехали, был совсем маленьким: несколько домиков, да казарма, да столовая, да клуб — вот и всё. И жили здесь только одни солдаты.

С солдатами Ника успел подружиться очень быстро.

Они дарили ему всякие замечательные вещи: кто раковину, кто маленький прозрачный самолёт, кто значок. А один даже подарил самую настоящую гильзу от пулемётного патрона. Гильза была зеленоватой и пахла порохом.

Нике очень понравился этот солдат. И фамилию его он сразу запомнил — Терентьев. А ещё Нике понравился сержант Крошкин, потому что на груди у Крошкина красовался целый ряд разных солдатских значков. Они сверкали, как ордена. У других солдат тоже были значки, но у Крошкина больше всех.

Руки у Крошкина были большие и такие красные, словно он только что пришёл с мороза. Этими своими руками он слегка приподнял Нику и сказал:

— Значит, батьке помогать приехал? Ну, молодец!

Два раза в неделю в посёлок прилетал вертолёт. И каждый раз, едва лишь раздавалось знакомое стрекотанье мотора, все свободные от дежурства солдаты бежали встречать его.

Вертолёт неподвижно висел в воздухе невысоко над землёй, а под ним бушевал ветер. Ветер прижимал к земле карликовые берёзки, гнул жёсткие кустики черники, срывал пилотки с солдат.

Иногда вертолёт и не садился вовсе — просто лётчик сбрасывал мешок с почтой и улетал дальше по своим срочным делам.

Днём Ника с мамой нередко отправлялся на берег моря. Тут было любимое Никино место. Что-то вроде пещеры в скалах. Сюда не добирался ветер, и всё море открывалось отсюда. Море было пустынным, только иногда на горизонте появлялся сторожевой пограничный катер.

А однажды из воды, неподалёку от берега, выглянула чёрная, усатая, совсем человеческая голова. Блестящая, с круглыми глазами. Ника даже вскрикнул от неожиданности.

А мама засмеялась.

— Дурашка, — сказала она, — это же тюлень.

Вообще, удивительные вещи встречались здесь на каждом шагу. Например, грибы. Грибы здесь были выше деревьев. Потому что деревья росли совсем крошечные. Они даже не росли, а стелились по земле. Зато грибы были видны издали — подходи и срывай, сколько хочешь.

Но конечно, самым интересным в маленьком посёлке были радиолокационные станции. На их антенны Ника мог смотреть сколько угодно. Одна антенна издали была похожа на огромный парус, надутый ветром. А другая была в точности как телевизионные, что стоят на крышах домов, только намного больше. И ещё она вертелась. Нике очень хотелось подойти к ним поближе, но папа не разрешал.

— Вот подожди, — говорил папа, — как-нибудь я возьму тебя с собой на станцию...

Ничего не поделаешь — приходилось ждать.

КАКИЕ БЫВАЮТ ПОГРАНИЧНИКИ

Раньше Ника думал, что все пограничники обязательно носят зелёные фуражки, ходят с собаками и ловят шпионов. Или сидят, притаившись в дозоре, и слушают, где хрустнет ветка, где раздастся шорох...

Так он думал до сегодняшнего вечера. А сегодня Ника вышел из дома и увидел возле казармы солдат.

Ника подошёл поближе.

Солдаты стояли по стойке «смирно», не шевелясь. Будто застыли.

А перед строем стоял командир и громко читал:

— ...приказываю приступить к боевому дежурству по охране воздушных границ Союза Советских Социалистических Республик...

Голос командира звучал торжественно.

И Ника невольно вытянулся и с уважением посмотрел на солдат.

Оказывается, вовсе не обязательно носить зелёную фуражку, чтобы быть пограничником.

ГДЕ ЖЕ САМОЛЕТ?

Однажды после обеда папа сказал:

— Ну, брат, собирайся, пойдём смотреть моё хозяйство.

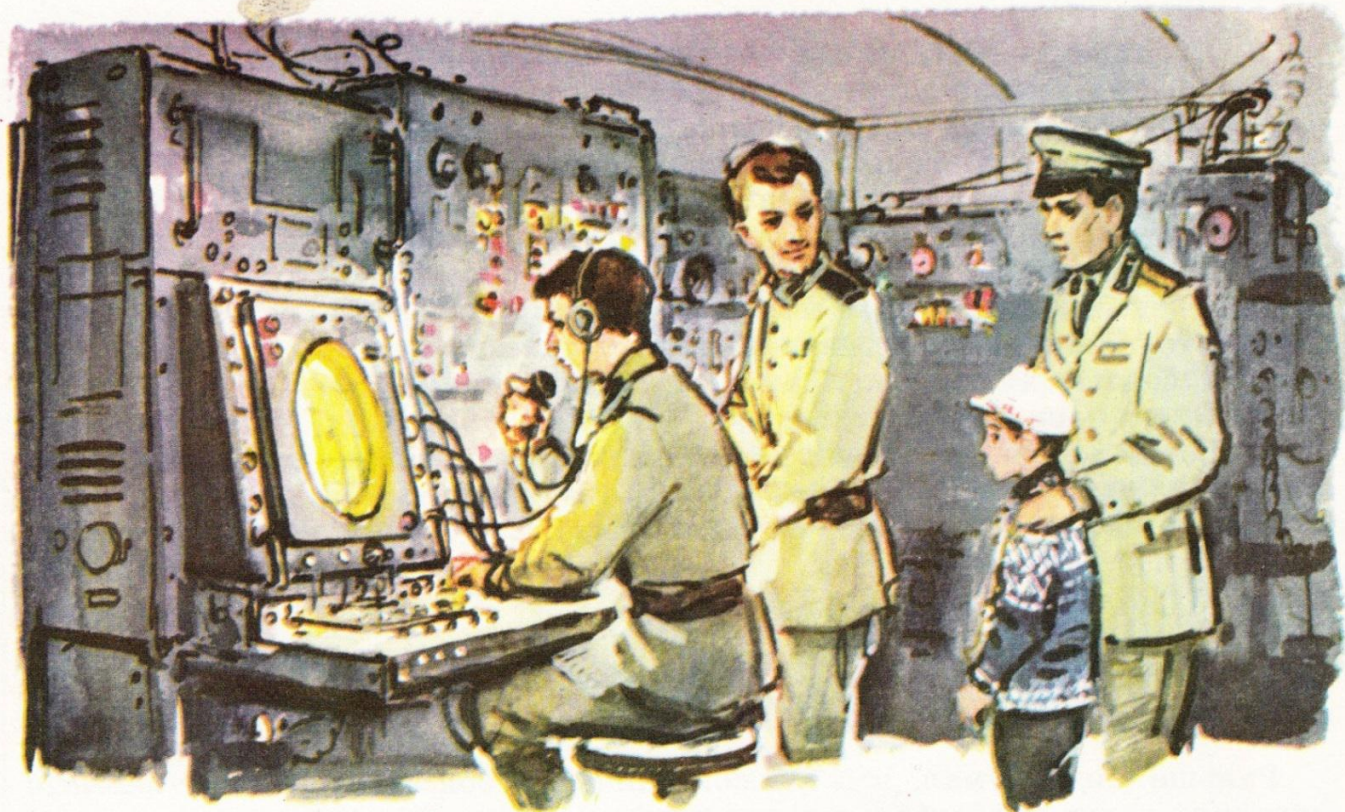
Они прошли мимо казармы, мимо клуба, мимо столовой, поднялись на холм и остановились возле приземистого квадратного здания. Над зданием вращалась огромная антенна, та самая, что издали была похожа на парус.

Отец открыл узкую дверь и подтолкнул Нику:

— Смелее, смелее...

В помещении, куда они вошли, было темно. В темноте что-то гудело и щёлкало. Тревожно вспыхивали и гасли разноцветные лампочки. И кто-то невидимый говорил:

— Двадцать восьмая... Сорок два... Сто девяносто...

Нике даже стало жутковато, и он плотнее прижался к отцу.

Но потом его глаза привыкли к темноте, и тогда он разглядел двух солдат. Один из них стоял, а другой сидел и не отрываясь смотрел в светящийся круг.

— Это экран радиолокатора, — сказал папа.

«Совсем как экран телевизора, — подумал Ника. — Только круглый. И ещё расчерчен, как глобус...»

По кругу бегал узкий светящийся луч, точно большая секундная стрелка по циферблату часов.

— А возле экрана, — сказал папа, — сидит оператор. Самый важный человек на станции. Это он первым делом замечает на экране самолёт и потом следит за ним и докладывает на командный пункт. А вон, кстати, и самолёт. Смотри.

— Где? — удивился Ника.

Он ничего не видел. Никакого самолёта.

— А вот. — И папа показал на совсем маленькую светлую точку на экране.

— Это? — недоверчиво спросил Ника.

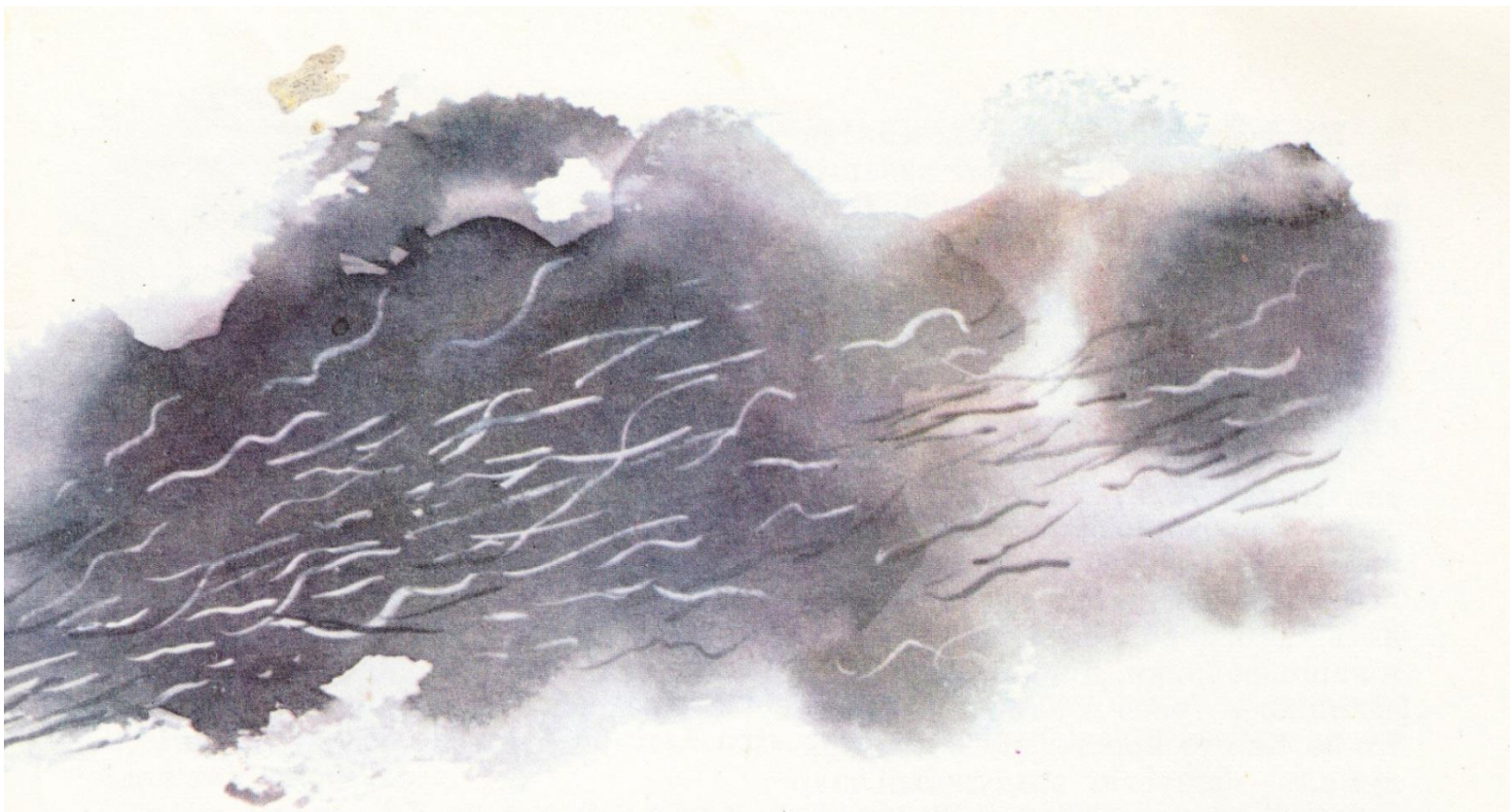
— Ну да.

Ника посмотрел на светлую точку, потом быстро выскочил на улицу и задрал голову. Но в синем небе плыли только белые пушистые облака. И ни одного самолёта.

— Э, брат, напрасно ищешь, — раздался позади него голос.

Ника обернулся и увидел командира отделения операторов сержанта Крошкина.

— Напрасно, — повторил Крошкин. — Самолёт сейчас далеко-далеко. За двести километров. Летит себе над морем.

— Значит, это был вражеский самолёт? — заволновался Ника.

— Нет, — рассмеялся папа, — конечно, нет. Это была просто тренировка. Ведь мы должны быть готовы ко всяким неожиданностям и хитростям, правда?

— Правда, — сказал Ника, а сам подумал: «Вот так серебряные бумажки!»

КАКИЕ БЫВАЮТ ШПИОНЫ

Ника проснулся и увидел: отец сидит и натягивает сапоги.

В комнате было светло, и Ника не мог понять: то ли ещё ночь, то ли уже утро.

Он тоже сел.

— Спи, спи, — сказал отец, — ещё рано. Тревогу объявили.

Тревога!

Значит, что-то произошло, что-то случилось! Первый раз при Нике здесь объявляли тревогу.

— Папа! — сказал он. — Можно, я пойду с тобой? Можно? Папа, ну пожалуйста.

— Нет, Ника, — серьёзно ответил отец. — Нет.

И Ника сразу понял, что просить бесполезно. Он снова лёг и зажмурил глаза.

Он слышал, как кто-то, громко топая, пробежал мимо дома. Потом хлопнула дверь за отцом — и стало тихо.

Утром, когда Ника проснулся, отец ещё не возвращался.

Ника торопливо позавтракал и побежал на улицу.

На фоне неба вращались антенны радиолокаторов. Возле казармы и возле клуба было пустынно. Только около столовой солдат в линялой гимнастёрке рубил дрова.

Ника подошёл к нему.

— Что, хлопец, скучаешь? — спросил солдат. — А наши работают. Всё утро за шариком гоняются.

— За каким шариком? — спросил Ника.

— За обыкновенным, за воздушным... Понимаешь, кое-кто за границей очень бы хотел сфотографировать наши аэродромы, наши заводы и наши фабрики. Да, кстати, и нашу станцию — тоже. А как это сделать? Не больно-то просто. Ну вот и придумали — запустят воздушный шар

повыше, этак километров на двадцать. А на нём всякие хитрые приборы и аппараты установят. Особые, ясное дело, аппараты, которые и снимать изда- лека с высоты могут, и снимки на землю передавать. Шар летит — аппарат всё высматривает. Ясно?

— Ясно, — сказал Ника.

Опять получалось, как с пограничниками. До сих пор он думал, что шпион обязательно должен красться через границу тёмной дождливой ночью. А оказывается, даже воздушный шар может быть шпионом.

Солдат наколот дров и ушёл на кухню.

А Ника опять остался один. Всем было не до него. Все были заняты серьёзным делом. И тогда он решил, что ему тоже надо заняться делом.

Он вернулся домой, достал альбом и стал рисовать станцию с антенной, похожей на антенну телевизора, и воздушный шар высоко в небе, и своего папу с полевой сумкой на боку. Потом он подумал и пририсовал шару уши и рот, полный острых зубов, и маленькие злые глазки.

Он хотел нарисовать ещё землю и заво- ды с высокими красными трубами, и фаб- рики, к которым пробирается шар-шпи- он... Но тут в передней загремели знако- мые шаги.

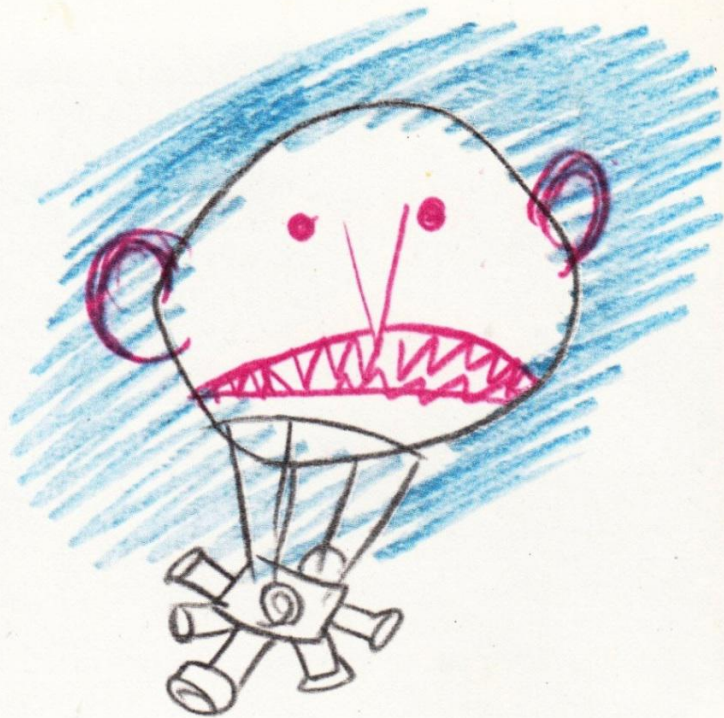
— Тра-та-та, тра-та-та, открывайте во- рота! — проговорил отец громким голо- сом. Он был в весёлом настроении.

— Сбили шарик, да? — спросил Ника.

— Ого! Да ты всё уже знаешь! — уди- вился папа. — Может, и рассказывать не надо?

— Нет, рассказывай! Рассказывай!

— Ну, хорошо, слушай. Мы обнаружи- ли этот шар ещё до того, как он пересёк границу. И всё время следили за ним.

И наши истребители всё время стояли на аэродроме, готовые взлететь и сбить этот шар. А он будто дразнил нас — то приближался к границе, то опять удалялся. Шар ведь не самолёт. Есть ветер — он летит. Нет ветра — он висит неподвижно. Повис у самой границы — ни туда, ни сюда. Застыла точка на экране и стоит на одном месте. А мы глаз с неё не спускаем. И так час, второй, третий. Ну, а потом всё-таки шар пересёк границу, и тогда сразу поднялись наши истребители и прихлопнули его. Вот так-то.

Отец взъерошил Никины волосы и засмеялся. Но глаза у него были усталыми. Это Ника заметил точно.

ПРОГУЛКА

Однажды в субботу Ника отправился гулять один: мама стирала, а папа ушёл на командный пункт.

Ника поднялся на бугор, спустился и тут наткнулся на целые заросли черники. Он лёг на живот и стал есть ягоды. Первый раз в жизни он видел так много ягод.

Он переползал от куста к кусту, и вдруг прямо перед ним возникли солдатские сапоги. Ника поднял голову и увидел рядового Терентьева.

— Батя твой волнуется, куда ты делся, — сказал Терентьев. — Белел пойти поискать. А ты витаминами, значит, питаешься?

Он лёг рядом с Никой и тоже принялся за ягоды.

— Спешить нам некуда. Верно? — он подмигнул Нике.

Скоро они наелись ягод и лежали, раскинув руки, глядя в небо.

— Летом здесь ничего, жить можно, — сказал Терентьев, — а вот зимой... Зимой полярная ночь наступает, темно, бураны, метели, носа из казармы не высунешь. Бывает, так занесёт, что и дверь утром не открыть. Помню, был как-то случай — в буран антенну попортило. Чинить надо. А ветер такой — никто лезть не решается. «Ну, — говорит тогда командир, — давай, Терентьев, на тебя вся надежда». Что делать — полез.

Терентьев помолчал. Ника повернулся и приподнялся на локте.

— А дальше? — нетерпеливо спросил он.

— Дальше? Что дальше? Починил, конечно.

Терентьев посмотрел на часы.

— Пора, однако, — сказал он. — Обед скоро.

...Возле казармы солдаты разгружали уголь. Видно, работали они уже давно: лица у всех были чёрными от угольной пыли, а гимнастёрки — мокрыми от пота. И у Никиного отца и фуражка, и гимнастёрка, и зелёные погоны — всё тоже было припорошено мелкой угольной пылью.

— Ну что? — сказал он Терентьеву. — А ещё подольше вы не могли? Вам лишь бы не работать...

— Товарищ старший лейтенант, — своим жалобным голосом проговорил Терентьев, — не могу я быстро... Вы же знаете — нога у меня...

— Ох, Терентьев, Терентьев, вечно вы себе болезни находите... И зимой, когда антенну надо было чинить, вы тоже срочно заболели...

«Что он говорит!» — ужаснулся Ника.

— И вам плевать было, что ваши товарищи пообмораживали руки...

«Так вот, наверно, почему у Крошкина всегда красные руки!» — мелькнуло в голове у Ники.

Он испуганно посмотрел на Терентьева. Он ждал, что тот рассердится, возмутится, начнёт доказывать, что всё это неправда. Но Терентьев словно и не слышал слов Никиного отца.

— Товарищ старший лейтенант, — продолжал тянуть он, — вы же сами велели... Уж я искал его, искал... Совсем с ног сбился... Да вот и Николай не даст соврать...

— Ладно, ладно, — сказал Никин отец сердито. — Ступайте. Он повернулся к Нике.

— А ты больше так далеко не уходи, понял?

— Понял, — ответил Ника, не глядя в глаза отцу.

Он вспомнил, как собирался жаловаться на сержанта Крошкина, и покраснел. Ему было стыдно перед отцом и почему-то хотелось плакать...

ФОТОГРАФИЯ

В клубе на почётном месте висели фотографии лучших солдат роты. Среди них Ника сразу увидел сержанта Крошкина.

Отдельно, чуть поодаль, висела небольшая фотография незнакомого солдата.

Под ней была подпись — аккуратно выведенные тушью строчки:

«За мужество и самоотверженность, проявленные при исполнении служебного долга, младший сержант Кораблёв П. И. награждён орденом Красной Звезды».

С фотографии смотрел чернобровый, круглолицый солдат в фуражке и парадном, наглухо застёгнутом кителе.

— Папа, он воевал, да? — спросил Ника.

— Кто?

— Кораблёв.

— Нет, что ты, — сказал папа. — Во время войны ему было пять лет, меньше, чем тебе сейчас.

— А за что он получил орден? Папа, расскажи!

— Ладно, слушай, — сказал отец. — Это было несколько лет назад. Далеко отсюда, на юге. Кораблёв служил на радиолокационной станции командиром отделения операторов — вот так же, как служит у нас Крошкин. Был он очень хорошим оператором. Когда он дежурил у экрана, ни один самолёт не мог пролететь незамеченным.

И вот однажды во время его дежурства с гор пришла гроза. Чёрные тучи затянули небо, и раскаты грома раздавались всё ближе, и молнии сверкали всё ярче. Надо было выключать станцию, потому что работать в грозу на радиолокаторе очень опасно.

Кораблёв уже потянулся к главному переключателю, но тут его рука замерла на полпути. На экране он увидел крошечную светлую точку — самолёт.

Это был наш пассажирский самолёт, но двигался он как-то неровно — он бросался то в одну сторону, то в другую. И тогда Кораблёв понял: видно, самолёт этот попал в грозовые облака и сбился с курса. И теперь

только Кораблёв мог подсказать лётчику, где тот находится, и помочь выйти к аэродрому.

Кораблёв сообщил о самолёте, терпящем бедствие, на командный пункт и попросил разрешения не выключать станцию. Ему разрешили. Ведь там, на самолёте, были люди.

И Кораблёв продолжал работать.

«Ещё несколько минут, — говорил он себе, — всего несколько минут».

А гроза бушевала уже совсем рядом. Каждое мгновение молния грозила ударить в станцию.

Но Кораблёв не отрывался от экрана. Он должен был убедиться, что самолёт в безопасности.

Наконец он увидел, что светящаяся точка на экране уверенно двинулась к северу. Самолёт получил сигнал с земли и теперь шёл к аэродрому.

Всё в порядке. Можно выключать станцию.

Кораблёв опять потянулся к переключателю, и в этот момент что-то ослепительно сверкнуло перед его глазами.

Молния ударила в станцию.

— Он погиб? — тихо спросил Ника.

— Да. Погиб, — сказал отец. — И орденом его наградили уже посмертно. Больше Ника ни о чём не спрашивал. И отец тоже молчал.

ТАКАЯ УЖ НАША ПРОФЕССИЯ

Вечером Ника с папой играли в шашки. В самом начале партии папа «зевнул» шашку, и теперь Ника выигрывал. Он волновался и ёрзал на стуле — нечасто ему удавалось выигрывать у папы.

Когда до победы было совсем близко, неожиданно раздался громкий стук в дверь.

РУКИ САПЁРА

Есть у меня хороший знакомый — старый сапёр. Зовут его Николай Фёдорович, фамилия — Герасимов.

Всю жизнь прослужил он в армии, был и рядовым солдатом, и командиром, и в войне участвовал, и в мирное время исправно нёс свою службу. И на севере далёком он служил, и в южных жарких краях. И хотя теперь он уже не носит армейскую шинель, ушёл недавно в запас, всё равно без труда можно узнать в нём военного человека: и выправка у него отличная, и слово точное. Если что пообещает, непременно выполнит, никогда не забудет, не подведёт. Вот про таких, как он, и говорят: военная косточка.

Есть у Николая Фёдоровича боевые ордена, есть и шрамы от старых ран. Очень любит он свою военную профессию.

— Работа сапёра — она особая, — частенько повторяет Николай Фёдорович. — Почему особая? А вот ответь-ка мне на такой вопрос: кто в наступление идёт самым первым?

— Разведчики, — говорю. — Танкисты. Мотострелки.

А Николай Фёдорович слушает меня и смеивается.

— Так-то оно так, — говорит он, — да не совсем так. Потому что ещё раньше разведчиков, и раньше танкистов, и раньше мотострелков идут сапёры.

Кто проложит проходы в минных полях?

Сапёры.

Кто разберёт непроходимые завалы и заграждения?

Сапёры.

Кто наведёт переправы для наступающих войск?

Опять же сапёры.

Вот какая у них работа!

Помолчит Николай Фёдорович, потом опять спрашивает:

— Но вот закончилось наступление, перешли войска к обороне. Без кого в обороне не обойтись?

Теперь я уже догадываюсь, куда он клонит, отвечаю не очень серьёзно:

— Без сапёров?

— Точно, — говорит Николай Фёдорович. — Кто выроет надёжные траншеи для пехоты?

Сапёры.

Кто соорудит укрытия для машин?

Сапёры.

Кто преградит путь противнику минными полями?

Опять же сапёры!

Нет, никак, ни в обороне, ни в наступлении не обойтись без сапёров.

РУКИ САПЕРА

Слушаю я Николая Фёдоровича, а сам на его руки смотрю.

Удивительные руки у Николая Фёдоровича!

Раньше, в прежние времена, говорят, особые такие гадалки были, которые уверяли, что по руке человека всю его жизнь определить могут — и что было в этой жизни, и что будет. Не знаю, как уж там гадалки это делали, как людям головы умудрялись морочить, но вот по рукам Николая Фёдоровича и правда без всяких гадалок всю его жизнь рассказать можно.

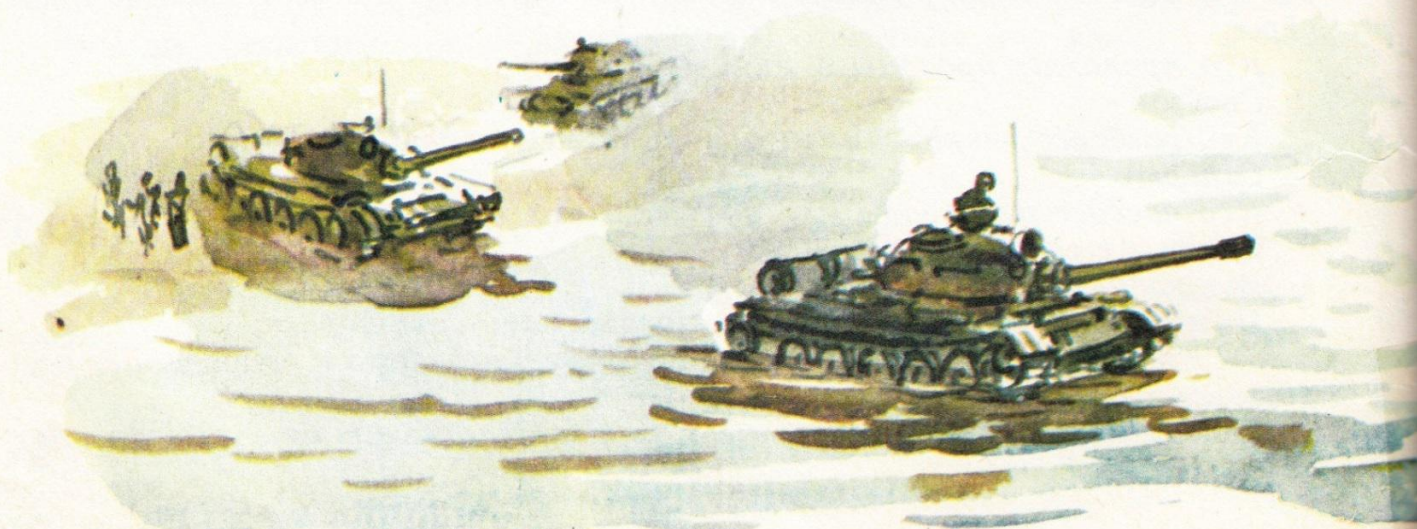
Сильные у него руки, крепкие. Сразу видно: и лопату, и лом держали, и с пилой, и с топором управлялись. От того времени остались на его ладонях твёрдые как камень мозоли — до сих пор не сходят.

На левой руке — шрам, след от осколка — это о войне память.

На правой — полоса, точно след от ожога, — это сорвавшийся трос метку оставил: во время наводнения дело было, когда сапёры жителей из затопленного посёлка спасали.

А ещё словно веснушки на руках — синие пятнышки, пороховые отметины. Это сразу после войны случай был. Мальчишку Николай Фёдорович спас. Видно, храбрость свою глупую хотел показать тот мальчишка — расковыривал найденные в лесу патроны и снаряд. Опоздай тогда Николай Фёдорович на несколько секунд, конец бы тому мальчишке. Теперь мальчишка этот давно уже вырос, стал взрослым человеком, иногда в гости к Николаю Фёдоровичу заходит.

Вот какие руки у Николая Фёдоровича!

КАК СПРЯТАЛИ МОСТ

— А теперь, — говорит мне однажды Николай Фёдорович, — ответь-ка мне, пожалуйста, каким, по-твоему, должен быть сапёр?

— Храбрым, — говорю.

— Верно, — соглашается Николай Фёдорович.

— Сильным, — говорю.

— Тоже верно.

— Выносливым.

— Опять правильно. И храбрым, и сильным, и выносливым непременно должен быть каждый солдат, — говорит Николай Фёдорович. — Только есть ещё одно свойство, без которого никак не обойтись сапёру. Это военная хитрость, военная смекалка. Вот расскажу я тебе одну историю...

Произошла эта история в то время, когда работал я уже в штабе. И вот однажды на больших учениях выпало мне вместе с другими офицерами быть посредником.

А посредник на учениях — он и судья, и экзаменатор одновременно. И умелые действия солдат, и верные решения командиров, и ошибки, если такие случаются, и промахи — всё должен заметить посредник, ничто не должно укрыться от его глаз.

В тот день, о котором я рассказываю, «северные» вели наступление на оборонительные рубежи «южных».

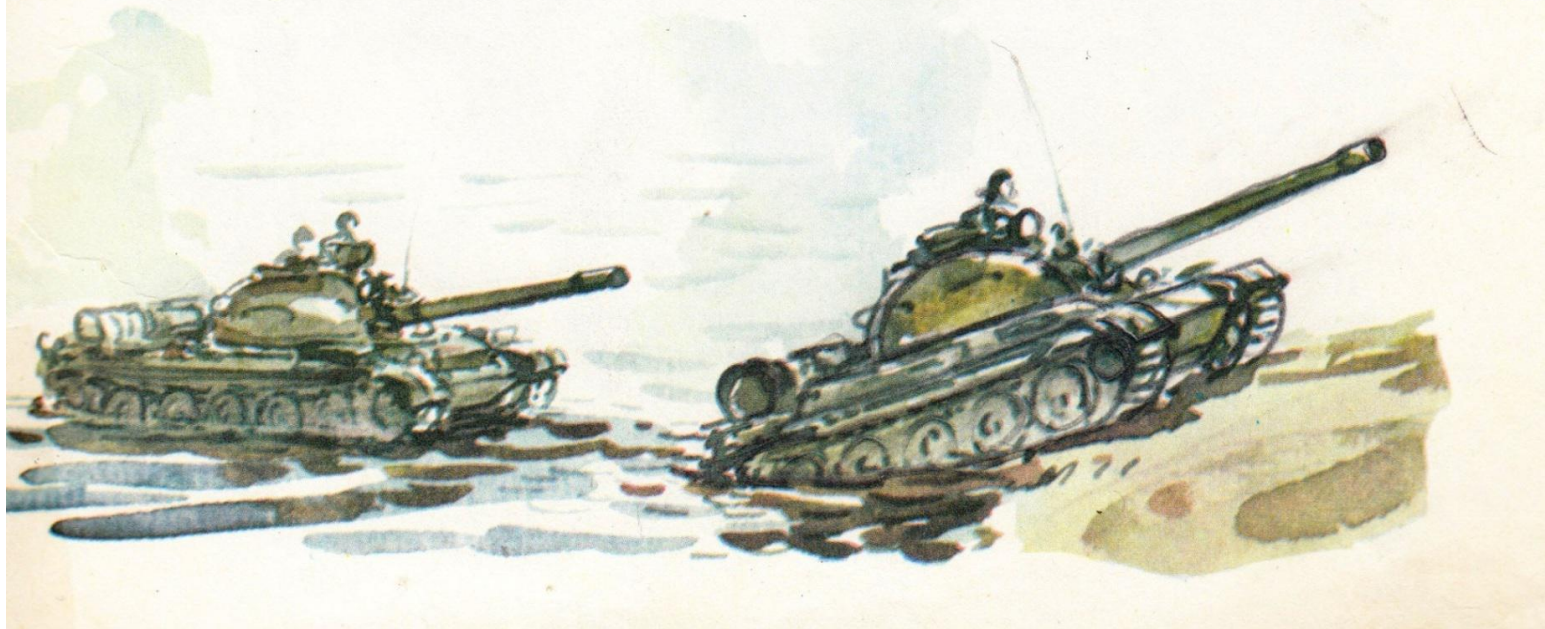
Отступая, «южные» попытались закрепиться за рекой, но передовые отряды «северных» с ходу форсировали реку, захватили на другом её берегу плацдарм и теперь готовились переправить туда подкрепления: танки, артиллерию, мотострелков на боевых машинах пехоты.

Однако и «южные» не дремали: их разведка работала вовсю, — чтобы заранее обнаружить переправу «северных» и нанести по ней бомбовый и артиллерийский удар.

Рано утром, едва занялся рассвет, поднялись мы, посредники, на вертолёте в воздух.

Внизу река, кое-где ещё подёрнутая туманом, слабо поблёскивает, на одном её берегу — лес, на другом — холмы, поросшие кустарником.

И видно, отчётливо видно, как у изгиба реки суетятся сапёры «северных». Замаскированные ветками движутся по лесной просеке тягачи-вездеходы, прокладывая путь к реке.

— Н-да, — говорит мне майор-танкист, такой же, как я, посредник. — Что-то у «северных» с маскировкой неважно. Засекут их «южные», как пить дать, засекут.

А я молчу. Досадно мне за сапёров. И верно — несдобровать им, если «южные» раньше времени обнаружат переправу.

Да и то сказать — простое ли дело укрыть целую переправу от глаз противника? Это в лесу легко спрятаться, скрыться, замаскироваться, стать незаметным. А тут всё на виду!

Наверное, рассчитывали сапёры, что туман их укроет, но вот туман разошёлся, и уже никуда не укроешься, никуда на воде не спрячешься.

А «южные» — так и есть — уже что-то заподозрили. Их самолёт-разведчик раз-другой прошёл над переправой. И нам отсюда, сверху, из вертолётa, видно, как перегруппировывают «южные» свои войска, как подтягивают танки и самоходки поближе к будущей переправе — готовят сюрприз «северным».

Наш вертолёт то зависнет неподвижно в воздухе, то кругами над землёй ходит.

А я, надо признаться, первый раз с воздуха, сверху, за работой сапёров наблюдаю. Сколько разных мостов за свою жизнь построил, сколько переправ — больших и маленьких — наводил, а никогда не приходилось на свою работу сверху взглянуть.

Вот уже сапёры «северных» первые понтоны к реке подвезли, на воду сбросили.

А на берегу «южных» тишина стоит — наверняка выжидают, когда по переправе войска двинутся. Начнётся переправа, и тогда разом ударят по ней пушки «южных». Наверняка уже нацелились, только сигнала ждут.

Хоть и не участвую я сейчас в этом «бою», а всё равно волнуюсь так, словно это мне идти в наступление.

Ещё круг сделал наш вертолёт, и вдруг майор-танкист схватил меня за локоть и говорит:

— Смотрите! Смотрите!

Я взглянул туда, куда он показывал, и вижу: за несколько километров от того места, где готовилась переправа, один за другим вырываются из леса танки «северных» и... — что такое? — я даже глазам своим не сразу поверил — катят прямо по реке!

— Что за чудеса! — говорит майор-танкист.

И правда — чудеса! Только прошли танки, а за ними уже стремительно движутся боевые машины пехоты. И тоже катят прямо по воде и не тонут.

И тут я уже догадался, понял, в чём дело.

Никакого чуда, конечно, не было. А была военная хитрость. Выходит, та переправа, которую мы видели сверху, оказалась ложной. Её «северные» строили нарочно, для отвода глаз, чтобы сбить с толку разведку противника.

Настоящий же мост сапёры «северных» построили ночью, тайно, в том месте, где шли теперь танки и бронетранспортёры. А чтобы раньше времени не обнаружил противник переправу, мост сапёры спрятали... под водой. Чуть опустили его под воду — моста не видно, а машины идут по нему, как ни в чём не бывало. Такую хитрость не раз применяли наши сапёры в годы Великой Отечественной войны.

Пока «южные» раскусили замысел «северных», пока разобрались, откуда надвигается на них опасность, войска «северных» уже ударили с фланга.

Так «северные» перехитрили «южных». И победа в этом бою досталась «северным».

А командующий после учений объявил благодарность сапёрам. Ведь не прояви сапёры военной смекалки, ещё неизвестно, как бы обернулось дело.

НИКОЛАЙ-ГЕРАСИМ

— Есть у меня удивительный однофамилец, полный мой тёзка, — начал как-то свой очередной рассказ Николай Фёдорович.

— Вот как? — говорю. А сам думаю: «Интересно, что тут может быть такого удивительного? И фамилия, и имя у Николая Фёдоровича вовсе не редкие, не особенные какие-нибудь, наверняка по нашей стране не одна сотня его однофамильцев наберётся».

— Было это на африканской земле, — продолжал между тем Николай Фёдорович, — на берегу Средиземного моря, в Алжире. Народ этой страны отважно сражался за свою свободу против колонизаторов. Не год и не два длилась эта борьба. Нелегко приходилось бойцам-партизанам. Но ни бомбы, ни снаряды, ни танки, ни самолёты не помогли колонизаторам. Народ одержал победу в тысяча девятьсот шестьдесят втором году.

Но когда наконец мир и свобода пришли на землю этой страны, когда бывшие партизаны стали возвращаться в свои селения, оказалось, что

некогда плодородные долины теперь таят смерть. Десятки тысяч мин оставили после себя враги.

Если какой-нибудь отчаянный смельчак пытался ступить на минное поле, ПЫТАЛСЯ Вскопать поросшую сорняками землю, его ждала гибель. Гибли, подрываясь на минах, дети. Погибал, забредавая на минные поля, крестьянский скот.

Земля, которая раньше кормила крестьян, теперь лежала пустынная и мёртвая.

Как быть?

И тогда, выполняя интернациональный долг, советские сапёры пришли на помощь народу Алжира.

Тяжёлая работа ждала нас там.

Представь себе: жара, пыль, песок. Солнце раскаляет броню. А танки со специальными тралами ползут по минному полю. Где пройдёт такой трал — грохочут взрывы. Облака пыли окутывают танки, комья земли и осколки мин барабанят по броне.

И так час за часом, день за днём.

А после нам предстояло ещё шаг за шагом, метр за метром прослушать, прощупать эту землю миноискателями — ни одна мина не должна была остаться незамеченной.

И хорошо, если это были обычные мины, без особых секретов. А если с хитрым каким-нибудь тайным приспособлением?

Были там, например, прыгающие мины. Прежде чем сработает взрывной механизм, такая мина подпрыгивает над землёй, взрыв происходит в воздухе, и осколки разлетаются далеко вокруг.

Так что на каждом шагу нас могла подстергать неожиданность.

Местных жителей мы, конечно, не допускали в зону разминирования — опасно. И они часто наблюдали за нашей работой издали.

Всё шло хорошо, но однажды мне всё-таки не удалось уберечься от осколка — подстерегла меня мина с каверзным сюрпризом. Царапнуло меня осколком, не сильно, но царапнуло.

Ну, перевязали меня, отлежался я денёк, а там снова за дело.

И вот когда разминирование уже близилось к концу, когда уже готовились мы уезжать, прощаться с африканской землёй, как-то вечером подошёл ко мне высокий смугловатый человек. Видно, в недалёком прошлом был он бойцом-партизаном, видно, в тяжёлом бою был ранен — лишился руки, — теперь левый рукав его рубахи был пуст.

Он заговорил о чём-то быстро и взволнованно, протягивая мне клочок бумаги.

— Он просит, чтобы вы написали здесь свою фамилию и имя, — сказал мне переводчик. — Он говорит, что сражался за свободу своей родины. Он проливал кровь на этой земле. Советский офицер, говорит он, тоже пролил кровь на этой земле. Значит, мы теперь, говорит он, вроде как кровные братья. А ещё он говорит: у него есть маленький сын. И он хочет дать сыну имя советского сапёра. Пусть отныне его сын носит два имени: одно, которое досталось ему от предков, от дедов и прадедов, а другое — которое он получит сегодня...

Мог ли я отказать этому человеку?

Я взял клочок бумаги и написал крупными буквами: «Николай Герасимов».

Так появился у меня необычный тёзка.

Но самое удивительное, что история эта имеет продолжение.

Как-то, уже совсем недавно, раздался в моей квартире звонок. Открыл я дверь, на пороге стоит незнакомый смуглый парнишка, улыбается застенчиво.

— Здравствуйте, — говорит он, старательно, по слогам произнося это слово. — Я — Николай-Герасим...

Сначала я ничего не понял. Что такое? Какой Николай-Герасим? Откуда?

А потом догадался.

Оказывается, этот парнишка и есть сын того однорукого партизана. Вырос он, приехал к нам в Советский Союз учиться. И отец дал сыну наказ — непременно повидать человека, чьё имя хранится в их доме, записанное на клочке бумаги.

Как уж он сумел разыскать меня, не знаю, но всё же наказ отца выполнил.

Радостной была наша встреча!

БОГАТЫРЬ ПИЧУГИН

Однажды пригласили Николая Фёдоровича в гости к сапёрам, в часть, где он служил раньше.

Николай Фёдорович и говорит мне:

— Поехали вместе, я уже насчёт тебя договорился. Хоть посмотришь, как сапёры работают.

— А что. Поехали, — говорю я.

Мне и правда давно уже хотелось поглядеть, как живут и учатся нынешние сапёры. Рассказы рассказами, а своими глазами всё увидеть — это совсем иное дело.

Прибыли мы в часть как раз, когда там учения шли. Николая Фёдоровича встретили радостно, как почётного гостя. И сразу повезли нас в район учений.

Едем, смотрим — траншея тянется. Свежей землёй пахнет, видно, траншея только-только выкопана.

— Хорошая траншея, — похваливает Николай Фёдорович. — Сразу чувствуется опытная рука. Чья это работа?

— Ефрейтора Пичугина, — отвечает старший лейтенант, которому поручили нас сопровождать.

— Молодец ефрейтор, — говорит Николай Фёдорович.

Проехали ещё с полкилометра, а траншея всё тянется. И опять земля свежая, сырая, подсохнуть ещё не успела.

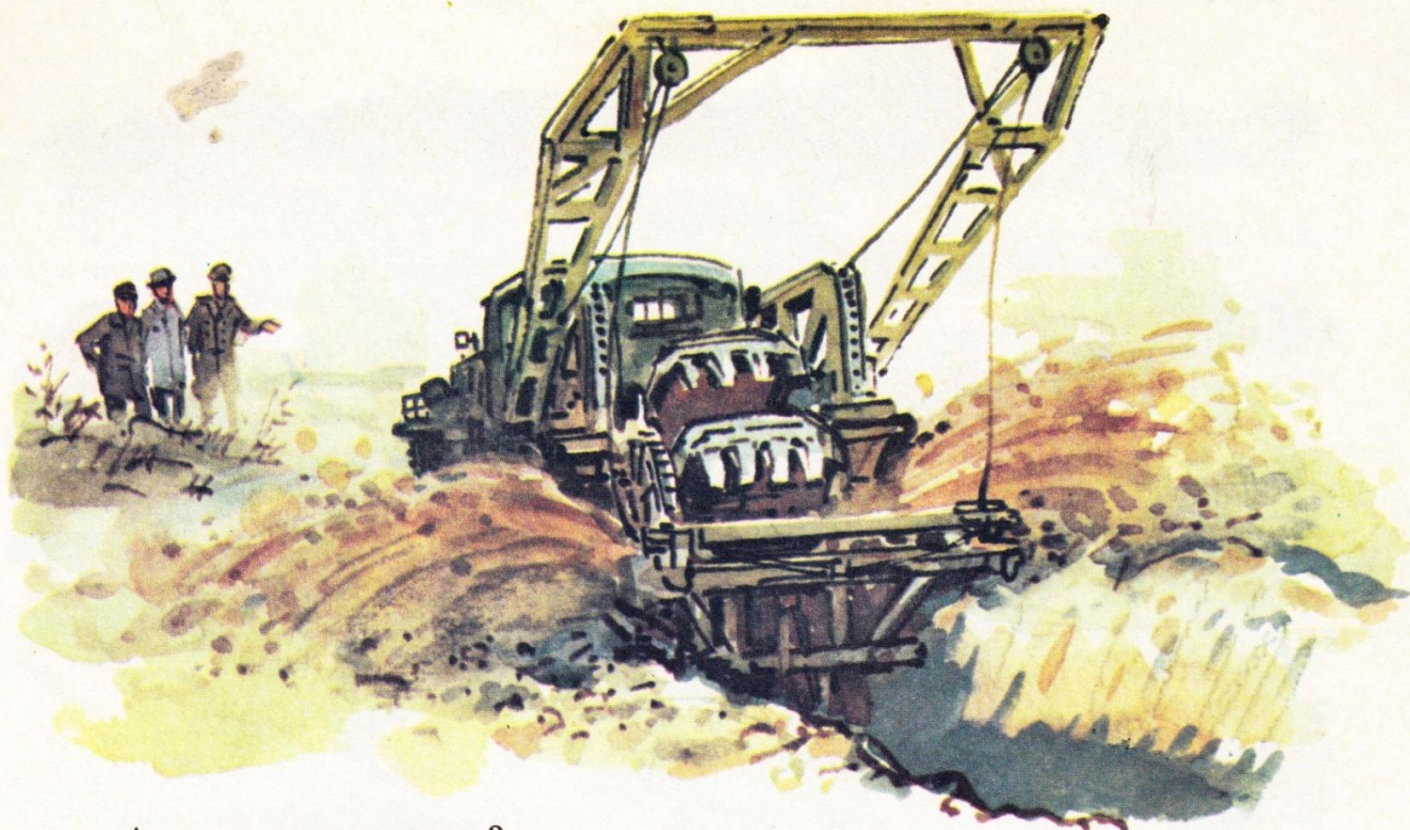
— По всем правилам выкопана, высший класс, — опять говорит Николай Фёдорович. — А здесь кто работал?

— Ефрейтор Пичугин, — отвечает старший лейтенант.

— Молодец ефрейтор, — говорит Николай Фёдорович.

А я удивляюсь, но молчу.

Поехали дальше. Опять поглядывает Николай Фёдорович на траншею, опять спрашивает:

— А это чьих рук дело?

— Ефрейтора Пичугина, — отвечает старший лейтенант.

— Молодец ефрейтор, молодец, — опять говорит Николай Фёдорович.

— Как же это так? — говорю я ему тихонько. — Не может же быть такого! Тут для сотни солдат и то работы на целый день, не меньше. Или этот Пичугин богатырь какой необыкновенный, что ли?

А Николай Фёдорович только посмеивается в ответ:

— Не знаю, — говорит, — сейчас посмотрим.

И тут наш газик затормозил возле какой-то странной машины. На вид эта машина была вроде бы на тягач или на бульдозер похожа — стальные гусеницы лязгают, могучий мотор ревёт.

Метр за метром ползёт вперёд эта машина, а позади у неё — словно бы огромный диск врезается в землю. Режет, рыхлит диск землю, небольшие ковши подхватывают песок и глину, выбрасывают наверх. Где пройдёт эта машина — остаётся ровная, готовенькая траншея.

Остановилась машина, перестала грызть землю. Замерли гусеницы. Тихо стало.

Выскочил из кабины тягача солдат в комбинезоне, быстренько отёр пот со лба, подбежал к нашему газику, докладывает:

— Оператор быстроходной траншейной машины ефрейтор Пичугин!

Посмотрел я на него — солдат как солдат. И роста вроде бы небольшого, и плечи как плечи — не особенно широкие. А сила, выходит, всё равно у него богатырская!

Вернулся Пичугин в свою кабину, двинулась машина дальше, а Николай Фёдорович говорит мне:

— Прошли те времена, когда топор да пила, лопата да лом были главными помощниками сапёра. Теперь могучие машины и дороги прокладывают, и укрытия сооружают, и мины в землю закладывают, и мосты строят... И раз уж зашла у нас речь о машинах, расскажу я один забавный случай...

ОДНА НОГА ЗДЕСЬ, ДРУГАЯ ТАМ

— Как-то, дело было тоже во время учений, — продолжал Николай Фёдорович, — приехал в нашу часть фотокорреспондент, давний мой знакомый. Когда-то мы вместе с ним начинали службу в армии, в инженерных войсках, а потом сменил он профессию, стал гражданским человеком. И вот теперь, много лет спустя, мы опять встретились с ним.

В тот день сапёрам предстояло наводить мост, и мой приятель, фотокорреспондент, очень был доволен, что сумеет сфотографировать солдат за такой важной и интересной работой.

Утром прибыли мы к месту переправы.

Я поглядываю на часы — с минуты на минуту должны появиться машины-мостоукладчики, а приятель мой вдруг похлопал себя по карманам и говорит:

— Ах какая жалость! Сигареты забыл. Я сейчас до палатки добегу и мигом назад.

А до палатки — километр, наверно, не меньше.

Я говорю:

— Обойдёшься без сигарет. А то, гляди, опоздаешь.

А он смеётся:

— Брось шутки шутить. Что я, не знаю, как мосты наводят? Речонка хоть и узкая, а вон берег какой заболоченный! Вы здесь ещё до вечера провозитесь! Меня не обманешь. Сам ведь этими вот руками, бывало...

Это верно. Бывало. Приходилось ему в своё время и топором, и пилой орудовать, приходилось мосты строить.

— Ну смотри, — говорю. — Как знаешь. Тебе виднее.

— Да я моментально, — говорит он. — Одна нога здесь, другая там. Вы и оглянуться не успеете.

В общем, помчался он за сигаретами.

Через некоторое время возвращается, запыхался, торопится, еле дышит. Пот по лицу градом катит.

— Ну что? — говорит. — Быстро я?

Да так и осёкся на полуслове. Потому что увидел мост. Мост уже стоял готовый — пожалуйста, переправляйся на другой берег. И машины-мостовые уже отъезжали прочь, закончив свою работу.

— Как же так? — говорит мой приятель растерянно. — А фотоснимки?!

— Ничего не поделаешь, — говорю. — Придётся теперь со снимками подождать до следующего раза. Вот тебе и одна нога здесь, другая там. Теперь будешь знать, как с нашими сапёрами наперегонки пускаться!..

СКОЛЬКО ПРОФЕССИЙ У САПЕРА

— Вас послушать, — говорю я Николаю Фёдоровичу, — так выходит, что сапёр — на все руки мастер.

— А так оно и есть, — невозмутимо отвечает Николай Фёдорович. — Вот ответь мне: сколько профессий у сапёра?

— Как сколько? Сапёр, он и есть сапёр. Одна, значит, профессия.

— Э, нет, — говорит Николай Фёдорович. — Ошибаешься. Давай-ка

попробуем посчитать. Минёр — раз. — И он загнул палец на правой руке. — Так?

— Так, — сказал я.

— Экскаваторщик — два. — И он загнул ещё один палец. — Согласен?

— Согласен, — сказал я.

— Бульдозерист — три. Крановщик — четыре. Буровик — пять...

— Стоп, стоп, стоп, — сказал я. — А буровик-то зачем?

— А кто для солдат чистой пресной воды добудет? Кто в горах или пустыне воду отыщет? Без воды ведь много не навоюешь. Вот потому в инженерных войсках и есть специальные подразделения, которые и скважины умеют бурить, и воду отыскать могут. Теперь ясно?

— Ясно, — говорю. — Поехали дальше.

— Электрик — шесть. Понтонёр — семь, водолаз — восемь...

— А водолаз-то, — спрашиваю, — тут при чём?

— Как при чём? Прежде чем большой мост наводить, надо произвести разведку под водой, дно осмотреть, проверить. Без водолазов тут никак не обойдёшься. Итак, водолаз — восемь. Механик-водитель — девять. Лесопильщик — десять...

Загнул Николай Фёдорович последний палец на левой руке и смеётся:

— Дальше перечислять или хватит? Видишь: пальцев на руках уже не хватает. Ну как тут не скажешь, что сапёр — мастер на все руки!

УЕХАЛ НА РАЗМИНИРОВАНИЕ

— А теперь, — сказал Николай Фёдорович, когда возвращались мы с учений в военный городок, где живут сапёры, — я познакомлю тебя с замечательным человеком.

Вот руки у человека!

Однажды так случилось, что ему в темноте, на ощупь пришлось обезвреживать бомбу. И ничего, справился.

Марку любой мины с закрытыми глазами определяет — на ощупь.

У сапёра ведь пальцы должны быть чуткими, как у хирурга. Да ты сам его увидишь, Сашу Тихонова...

— Он вас ещё со вчерашнего дня ждёт, — сказал старший лейтенант.
— Ещё бы! Мы с ним уже лет шесть не виделись. Как он — всё та-
кой же?

— Такой же, такой же.

— И на гитаре по-прежнему играет?

— Играет.

— И волейболом увлекается?

— А как же!

— И марки собирает?

— Точно! Да вы сейчас сами увидите!

Чем дольше длился этот разговор, тем больше мне хотелось увидеть этого человека — Сашу Тихонова.

Наконец мы подъехали к одноэтажному домику.

Окна его были темны.

— Странно, — сказал Николай Фёдорович.

Мы вышли из машины, и он толкнул дверь. Дверь была заперта. Только теперь мы увидели приколотый к двери листок, на котором торопливыми буквами было написано:

«Николай Фёдорович! Очень жаль, что не увиделись. Срочно уехал на разминирование».

— Уехал на разминирование... — повторил Николай Фёдорович и вздохнул. — Ну что ж, такая у нас служба, у сапёров. Для всех война отгремела ещё в сорок пятом, а для сапёров война всё ещё продолжается... Пока хоть один снаряд, хоть одна мина лежат в нашей земле, не может война кончиться для сапёров, не может.

КАК ЖИВЁТ АЭРОДРОМ

Ещё когда я служил в армии, неподалёку от нашей части размещался военный городок, где жили и работали будущие авиаторы-механики. И днём и ночью доносился оттуда рёв реактивных двигателей. И когда я слышал этот грозный гул, я, честно говоря, немножко завидовал нашим соседям. Мне казалось, там идёт особая, интересная жизнь, полная тревог и опасностей. Если бы я тоже мог — пусть не взлететь в небо, но хотя бы взглянуть на боевые самолёты, постоять возле них, дотронуться до их серебристых крыльев!

С тех пор прошло немало лет, но где-то, на самом доньшке памяти, в глубине сердца, так и осталось жить это чувство. И нужно ли говорить, как я обрадовался, когда однажды лётчики пригласили меня к себе в гости. Я отложил все дела, собрался и поехал. А точнее говоря — полетел. Потому что в гости к лётчикам вёз меня вертолёт.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ САМОЛЕТ

Так уж случилось, что первым делом я попал не в военный городок, где живут лётчики, и не на аэродром, откуда вылетают их боевые машины, а на полигон.

Я поднялся по узкой, длинной лесенке на вышку и оказался в небольшом застеклённом помещении. Оно напоминало рубку корабля.

Посередине, за пультом управления, перед микрофоном сидел офицер — руководитель полётов.

А далеко внизу, прямо перед нами раскинулся полигон — огромная болотистая равнина, кое-где покрытая чахлам кустар-

ником. Повсюду виднелась опалённая трава, большие и маленькие воронки от бомб. А ещё по всей равнине были расставлены — где рядами, а где по одиночке — фанерные макеты танков, самолётов, ракет и пушек.

Офицер нагнулся к микрофону и сказал:

— Семьсот четвёртый, вас вижу, подход разрешаю.

Я прижался к стеклу и стал смотреть в небо, пытаюсь отыскать самолёт. Но повсюду, высоко в небе плыли лишь редкие облака. Самолёта не было.

Я продолжал смотреть в небо, и тут вдруг раздался оглушительный грохот.

Я даже не успел сообразить, откуда появился самолёт. Казалось, он выскочил из-за леса, пронёсся над самыми верхушками деревьев, над фанерными танками и исчез. А там, где только что стоял фанерный танк, теперь клубилось тёмное облако взрыва.

«Ладно, — подумал я про себя. — Уж в следующий раз я его не прозеваю...»

И принялся во все глаза смотреть туда, где на горизонте темнел лес. Я глядел так пристально, что у меня даже стало рябить в глазах.

И опять рёв двигателей возник внезапно.

Я завертел головой, пытаюсь понять, где самолёт.

На этот раз он возник словно сам собой, в самом зените неба, и теперь стремительно и неотвратно, как по натянутой струне, нёсся вниз, к земле.

И вдруг будто струя огня насквозь прошла его — это от самолёта отделилась ракета.

Ракета продолжала мчаться к цели, а самолёт уже круто взмыл вверх и пошёл прочь.

Я ещё не успел опомниться, не успел прийти в себя, а в небе над полигоном снова появилась тёмная точка и, разрастаясь, опять яростно ринулась вниз.

«Ага, всё ясно, снова ракету пускать будет», — решил я.

Но что такое? Что произошло?

Казалось, огненная струя протянулась от самолёта до самой земли. Это была скорострельная пушка.

Раз! И, словно разрубленный пополам, развалился фанерный макет бомбардировщика.

А небо над полигоном опять уже было чистым, лишь редкие облака лениво плыли в вышине...

И тогда я подумал, что, должно быть, мне здорово повезло сегодня: за каких-нибудь несколько минут я сумел увидеть сразу три разных самолёта!

Первый — тот, что пронёсся над самой землёй и сбросил бомбы, — это, конечно, бомбардировщик.

Второй — тот, что обрушился с высоты, из-за облаков, — это, наверно, ракетносец.

И, наконец, последний, который бил из скорострельной пушки, — это, пожалуй, истребитель.

Но тут в мои подсчёты вмешался офицер — руководитель полётов. Он засмеялся и покачал головой.

— Вы ошибаетесь, — сказал он. — Все три раза вы видели один и тот же самолёт. Да, да, один и тот же.

— Вот так раз! — изумился я. — Выходит, он и над самой землёй летать умеет и в заоблачную высь может забраться, так, что ли?

— Так.

— Что же это за самолёт такой? Бомбардировщик?

— Верно. Бомбардировщик.

— Или всё-таки истребитель?

— Точно. Истребитель.

— Но разве так бывает?

— Бывает! Почему же не бывает? Оттого этот самолёт так и называется: истребитель-бомбардировщик. Понятно?

— Удивительный самолёт! — сказал я. — Удивительный!

ЧЕТЫРЕ МАЙОРА АГЕЕВА

На следующий день я приехал на аэродром. Уж очень мне хотелось посмотреть, что за люди управляют такими замечательными самолётами.

А тут как раз приземлился истребитель-бомбардировщик, пробежал по бетонной полосе, зарулил на стоянку.

Красавец самолёт!

Рядом со мной остановился лейтенант, тоже на самолёт любуется.

Я его спрашиваю:

— Вы случайно не знаете, кто управляет этим самолётом?

— Случайно знаю, — говорит он. — Пилот майор Агеев.

— А кто прокладывает курс? Кто определяет, как точнее выйти к цели?

— Штурман майор Агеев.

— А кто держит связь с землёй?

— Радист майор Агеев.

— А кто наводит ракету на цель, кто нажимает гашетку скорострельной пушки?

— Стрелок майор Агеев.

Вижу, улыбается лейтенант. Разыгрывает он меня, что ли?

Но не успел я ему ничего сказать, как уже откинулся прозрачный фонарь над кабиной самолёта, выбрался оттуда лётчик. Один. Снял лётный шлем, протягивает мне руку:

— Будем знакомы. Майор Агеев.

— Выходит, — говорю, — вы и пилот, и штурман, и радист, и стрелок?

— Так точно, — говорит он. — И пилот, и штурман, и радист, и стрелок.

— Значит, — говорю, — вы один, без всяких помощников, с таким замечательным, с таким сложным самолётом управляетесь?

— Да как вам сказать, — смеётся майор Агеев. — Один-то один, да вроде бы и не совсем один.

— Не понимаю, — говорю, — как это так: и один и вроде бы не один?

— А вот подождите немного, я освобожусь, — говорит майор Агеев, — пройдемся вместе с вами по аэродрому. Тогда и решим — один я летаю или не один...

ТЕХНИК КАРТУЗОВ

Первыми, к кому мы направились, были люди в комбинезонах и шлемах. Они работали возле самолётов, и, чтобы не мешать им, мы остановились поодаль.

— Это авиационные техники, — сказал майор Агеев. — Они готовят самолёт к вылету. Осматривают, проверяют, чтобы ни одна деталь, ни один прибор не подвели лётчика в воздухе...

Он говорил ещё что-то, но его слова уже заглушил ужасный грохот. Никогда раньше я не слышал такого грохота. Казалось, даже воздух вокруг дрожит и колеблется от этого рёва. Это техники вместе с лётчиками проверяли двигатели самолётов.

«Вот почему, оказывается, техники носят шлемы с радионаушниками, — подумал я. — Иначе в таком грохоте кричи не кричи — ничего не услышишь...»

Рёв двигателей всё усиливался.

Теперь у меня было такое ощущение, будто этот рёв проникает в каждую клеточку моего тела. Я едва удерживался, чтобы не зажать уши.

И всё равно мне не хотелось уходить отсюда. Как будто весь пропитанный, насыщенный этим громом я тоже становился похож на настоящего лётчика. Или на авиационного техника.

— Был у меня такой случай, — сказал майор Агеев, когда рёв двигателей прекратился и снова наступила тишина. — Прислали к нам техника лейтенанта Картузова, сразу после училища. Парень вроде бы старательный, хороший, скоро доверили ему самостоятельно готовить к вылетам мой самолёт. Всё шло нормально, только однажды возвращаюсь после полёта и вижу: лейтенант сам не свой. «Что с тобой, Картузов? — спрашиваю. — Случилось что-нибудь?» — «Нет, нет, — говорит, — ничего не случилось».

Ну, ничего так ничего.

А вечером Картузов ко мне приходит и говорит: «Товарищ майор, что хотите со мной делайте, а не могу я вам не признаться: я ведь сегодня ваш самолёт не весь осмотрел. Времени было в обрез, не укладывался, не успевал я, вот и поторопился доложить: машина в порядке, к вылету готова. Себя успокоил: пустяки, мол, мелочи там оставались, обойдётся... А как поднялись вы в воздух, как увидел я самолёт уже в небе, — словами трудно передать, что я почувствовал! Места себе не находил. А ну как, думаю, случится что-нибудь, я же виноват буду, я же сам себе этого вовеки не прощу! Еле дождался, пока самолёт приземлился. Пусть теперь меня накажут, пусть».

«Что же тебя наказывать, Картузов, — говорю. — Ты сам себя уже наказал...»

«Теперь, — спрашивает он печально, — вы, наверно, от меня откажетесь?»

«Да нет, — говорю, — Картузов, зачем же мне от честного человека отказываться? А ты, вижу, честный человек, правду от меня не стал скрывать — это в нашем деле самое главное».

Как раз с того дня я и поверил в своего техника по-настоящему. Знал: не прошли для него даром те часы, когда был самолёт в воздухе, когда переживал он здесь, на земле, за меня.

И я не ошибся. Отличный вышел из Картузова авиационный техник.

Вот и получается: хоть и остаётся техник на земле, а мысленно он всегда рядом с лётчиком, в небе. Хоть и расстаются техник и лётчик на время полёта, а на самом деле они всегда вместе.

Согласны со мной?

И я, конечно, не стал спорить.

ТАИНСТВЕННЫЕ КОРОБКИ

Пока майор Агеев рассказывал историю про техника Картузова, моё внимание привлекли два солдата.

Один из них с металлической плоской коробкой в руках пробежал к двухэтажному зданию, а другой — с такой же плоской коробкой — обратно, от двухэтажного здания к самолётам. И вид у обоих солдат был серьёзный, озабоченный. Сразу можно сказать: важное дело делают люди!

Наверняка любому на моём месте непременно захотелось бы разузнать, что это за таинственные коробки? И что в них скрывается? И зачем их носят туда и обратно? И отчего так торопятся солдаты?

Вот сколько вопросов сразу!

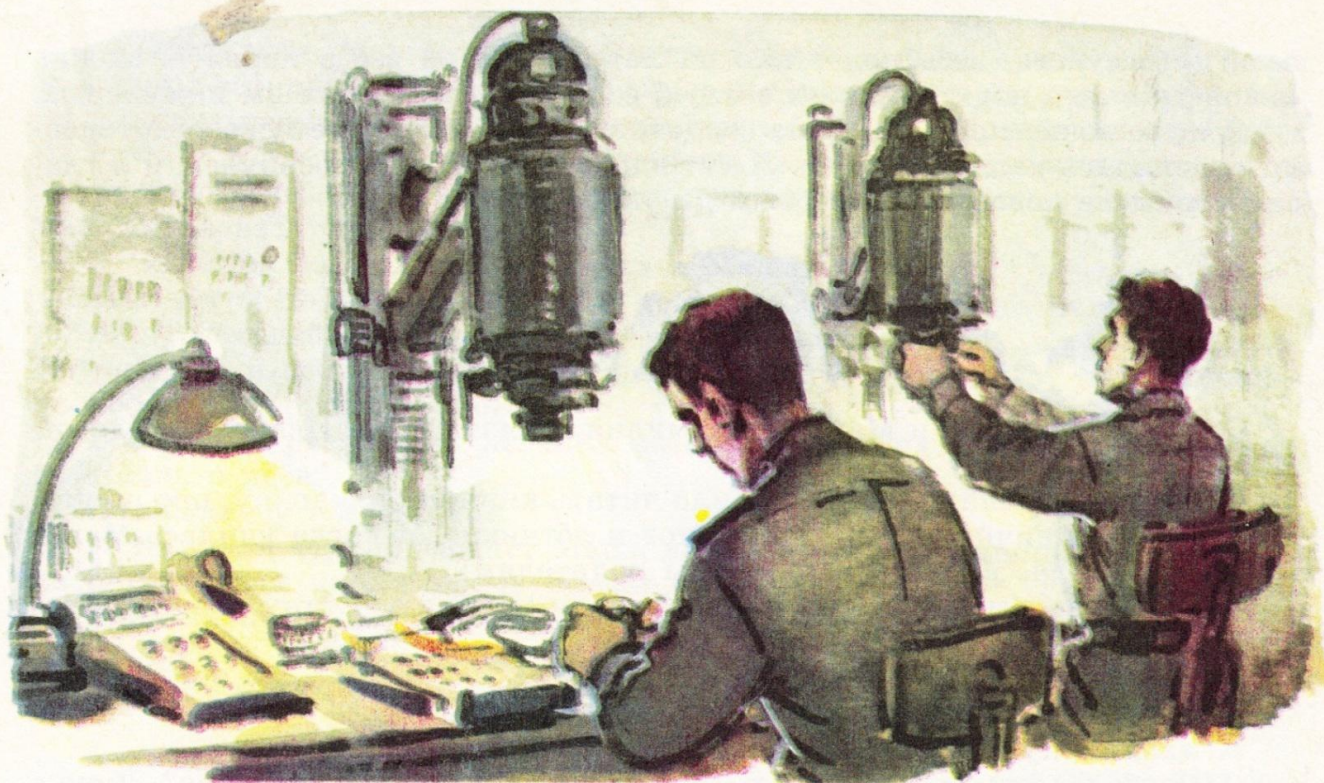
Майор Агеев выслушал меня и сказал:

— Ну что же, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Пойдёмте посмотрим.

И мы пошли к двухэтажному зданию, которое возвышалось тут же, возле аэродрома.

На полпути нас обогнал солдат с плоской коробкой. Он протопал по лестнице на второй этаж и скрылся за дверью. На двери я увидел надпись:

КЛАСС ОБЪЕКТИВНОГО КОНТРОЛЯ.

Майор Агеев толкнул дверь, и мы вошли в большую комнату.

Я остановился в удивлении: мне показалось — я попал в научную лабораторию.

Здесь было тихо, окна занавешены плотными шторами, на столах светились настольные лампы под колпаками. Тут же возвышались какие-то приборы, похожие на фотоувеличители.

А за столами, склонившись над таблицами, сидели солдаты.

Один солдат внимательно рассматривал фотоплёнку, а другой что-то подсчитывал.

Через плечо солдата я взглянул на фотоплёнку — что там за снимки такие интересные, что глаз от них он не отводит?

Но я ошибся. Никаких снимков на плёнке не было. А по всей плёнке, во всю её длину тянулись линии — толстые и тонкие, прерывистые и сплошные, прямые и зигзагообразные. Они то сходились пучком, то снова разбегались веером.

Настоящая головоломка!

— Опытному глазу, — сказал майор Агеев, — эта плёнка, эти линии всё о самолёте расскажут. И на какой высоте он летел, и с какой скоростью, и какие перегрузки испытывал, и как двигатель у него работал, и когда бомбы он сбросил...

Летит самолёт, а на его борту непрерывно, не останавливаясь ни на секунду, работают особые хитрые приборы. Они-то и вычерчивают на плёнке эти линии. Чего не заметит лётчик — заметят приборы. Ничто — ни одна ошибка пилота, ни один сбой в работе двигателя — не ускользнёт от внимания этих чутких приборов, всё они увидят, всё запишут.

Приземлится самолёт, вынет солдат-механик коробку с плёнкой, принесёт сюда, в класс объективного контроля, здесь её быстренько проявят — и вот

вам, пожалуйста, весь полёт как на ладони... Если всё в порядке, можно самолёту опять подниматься в воздух, если нет — займутся им инженеры...

Я с уважением посмотрел на солдат, которые по-прежнему сосредоточенно склонялись над таблицами. И тут вдруг один солдат обернулся, и я глазам своим не поверил — это была девушка!

РЯДОВОЙ МАША ИВАНОВА

Солдата этого звали Маша. И фамилия солдата была Иванова. Рядовой Маша Иванова.

Ещё в детстве Маша очень любила читать книжки про войну, про наших храбрых пограничников, про танкистов и лётчиков. И когда училась Маша в четвёртом классе, сказала однажды родителям:

— Я, когда вырасту, обязательно пойду в армию. Стану военной лётчицей.

Папа улыбнулся и сказал:

— Смотри-ка, какая решительная у нас дочка!

А мама ахнула и сказала:

— Выбрось ты лучше это из головы. Разве женское это дело? Лучше стань портнихой или парикмахершей.

А старший брат Маши Ивановой, который учился в пятом классе, захихикал и сказал:

— Девчонок в армию не берут, поняла? Не берут! Не берут! Не берут! Девчонки в армии никому не нужны, поняла?

Маша нахмурилась и ответила твёрдо:

— Всё равно я стану военной, вот увидите!

Прошло шесть лет, а Маша по-прежнему не расставалась со своей мечтой. Написала она письмо в училище, где учат на военных лётчиков, объяснила что и как. Скоро пришёл ей ответ на бланке с фиолетовым штампом: «Очень жаль, что приходится Вас огорчить, уважаемая Маша Иванова, но девушек в училище мы не принимаем».

Загрустила Маша. Что делать? Неужели так и не суждено сбыться её мечте?

Только не такой у неё характер, чтобы отступить от задуманного. Набралась она храбрости, пришла в военкомат. Выслушал её военком, седой подполковник с Золотой Звездой Героя на кителе, и говорит:

— Могу тебе, Маша, помочь. Отлично сражались во время войны наши женщины-лётчицы. Но сейчас мирное время, и девушек мы в армию, конечно, не призываем, нет такой необходимости. Однако добровольно поступить на службу в армию ты можешь. Станешь связисткой, или оператором, или какой другой специальности по душе тебя обучат. Будешь служить в авиации. Согласна?

— Ещё бы не согласна! — отвечает Маша.

Так вот и попала она сюда, к лётчикам. Она отлично овладела своей новой профессией. И хоть не летает она на боевом самолёте, а возьмёт в руки фотоплёнку и всё видит: вот тут лётчик пошёл в пике, вот тут увеличил скорость, вот сбросил бомбы...

Всё может рассказать лётчику о его полёте. Будто сама вместе с ним побывала в небе.

Вот какая у неё работа!

И теперь, когда приезжает Маша домой в отпуск, старший брат больше не смеётся над ней, а посматривает на неё почтительно, с уважением — крепкий характер оказался у сестры, настоящий!

КАК ВАШЕ НАСТРОЕНИЕ?

Попрощались мы с Машей Ивановой и едва вышли в коридор — столкнулись с очень мрачным человеком.

Человек этот был одет не в комбинезон, как все лётчики, а в обычный форменный китель с погонами капитана. Он сделал вид, что не заметил ни майора Агеева, ни меня, но майор Агеев окликнул его:

— Что это ты, Бобриков, такой сердитый?

Тогда Бобриков остановился и в досаде махнул рукой.

— А ну его! — сказал он. — Этого доктора! К полётам, понимаешь ли, не допустил!

— Вот так-так! — сказал майор Агеев. — А из-за чего?

— Да из-за ерунды, — сказал Бобриков. — Из-за двойки по пению.

— По пению? — изумился Агеев.

— Ну да. По пению.

— Ничего не понимаю, — сказал Агеев. — Это ты, что ли, двойку получил?

— Да нет, зачем я? Лёшка, сын мой.

— Ну и что? Ты-то здесь при чём? Тебя-то почему доктор к полётам не допустил?

— А вот слушай дальше, — сказал Бобриков. — Двойка по пению — это ещё полбеды, леший с ней, с этой двойкой. Так он ведь подделать её решил, нас с матерью обмануть хотел. Двойку стёр, а четвёрочку в дневнике изобразил — вот какая штука! Ну, поговорили мы с ним крепко, разволновался я, расстроился, лёг спать, никак уснуть не могу. «Неужели, — думаю, — у меня сын трусливым лгунишкой вырастет?» Так до утра с этой мыслью в постели и проворочался, глаз не сомкнул. А сегодня пришёл на осмотр, доктор мне сразу: «Как ваше настроение? Как спали? Что-то мне ваш вид, Бобриков, не нравится. Признавайтесь — нарушили предполётный

режим?» Ну и так далее. А потом и говорит: «Нет, в таком состоянии, Бобриков, я не могу допустить вас к полётам». И точка. Попробуй поспорь с ним!..

Бобриков огорчённо вздохнул и пошёл прочь.

— Да, — сказал майор Агеев, — с нашим доктором шутки плохи. Железный человек! Но и понять его можно: он за нас отвечает, за нашу жизнь. Понимает, что в воздухе счёт на секунды идёт, там мелочей нет. А с этим гражданином, — добавил Агеев, — Лёшкой Бобриковым, придётся, видно, мне потолковать по-мужски. Ишь ты, двойка по пению!

«БЕЗРАБОТНЫЙ» СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ

Майор Агеев ещё продолжал что-то говорить про Бобрикова, но моё внимание уже привлекла дверь со странной табличкой:

КЛАСС ПОИСКОВО-СПАСАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ.

Как не заглянуть за дверь с такой любопытной надписью?

Оказывается, в этом классе лётчиков учат, как действовать, если ты потерпел аварию. Как выжить, если остался ты один в тайге или в тундре, в пустыне или в горах. Как костёр развести и как шалаш соорудить. Как без компаса определить, где юг, а где север. Какие грибы и ягоды можно есть, а какие — нельзя. Как сигналы бедствия подавать, как спасательным поясом пользоваться и многим-многим другим премудростям.

Но сейчас в классе было пусто. Только за крайним столом сидел лётчик в комбинезоне. Он читал книжку и задумчиво барабанил пальцами по столу.

— Здравствуй, Сергей Петрович, — сказал ему майор Агеев. — Скучаешь? Нет работы?

— Скучаю, — сказал Сергей Петрович.

— Ну и чудесно, — сказал майор Агеев. — Это хорошо, когда у тебя нет работы. Скучай дальше.

Станным показался мне этот разговор. Вокруг работа кипит, все заняты делом, а тут...

Я только хотел было сказать об этом, как вдруг в динамике что-то щёлкнуло и по всем помещениям разнеслось:

— Внимание! Поисково-спасательной группе срочно прибыть к вертолёту! Поисково-спасательной группе срочно прибыть к вертолёту!

И едва прозвучал этот голос, Сергея Петровича уже не было рядом с нами. Он бежал к вертолёту. И ещё какие-то люди бежали туда же.

Что же случилось? Учебная тревога? Или кто-то и правда терпит бедствие?

Тишина нависла над аэродромом.

Что происходило в эти минуты в небе, я узнал уже потом.

Оказывается, на самолёте, который пилотировал один из самых опытных лётчиков части, отказала, не вышла передняя стойка шасси. Что делать? Попытаться сесть? Но на подобном типе самолётов никто ещё не совершал такой посадки.

Лётчик увёл машину от аэродрома. Он маневрировал, резко бросал самолёт вверх и вниз, пытаясь выбить стойку шасси. Ничего не получалось. Вероятно, стойка была повреждена во время стрельбы.

Нужно было принимать решение. Снизу, с земли, с тревогой следили за самолётом.

Лётчик имел право катапультироваться. Достаточно только нажать кнопку, сработает специальное взрывное устройство, пилота вместе с креслом выбросит из машины, раскроется парашют, и пилот будет в полной безопасности.

Но лётчику даже не приходило в голову покинуть самолёт. Это был очень опытный, умелый, мужественный лётчик, и он не сомневался, что сумеет посадить машину. Он запросил разрешение на посадку.

Расчёт лётчика оказался точным. Самолёт приземлился благополучно. Мужество, мастерство и хладнокровие победили.

Этот его полёт, умелая посадка и то, что сумел он сохранить машину, потом помогли другим лётчикам ещё лучше освоить такой тип боевого самолёта.

Но всё это я узнал уже после. А в те минуты я только смотрел на тревожно-напряжённое лицо майора Агеева и понимал, что не надо задавать никаких вопросов.

— Порядок! — сказал вдруг Агеев, и напряжение сошло, исчезло с его лица.

И тут я опять увидел Сергея Петровича. Он не спеша, вразвалку шёл от вертолёта и, кажется, даже напевал какую-то песенку. Помощь поисково-спасательной группы не понадобилась.

Я вспомнил слова майора Агеева, которые сказал он Сергею Петровичу: «Это хорошо, когда у тебя нет работы!», и подумал: «А ведь и верно — хорошо!»

КАК Я НАБЛЮДАЛ ЗА ВОЗДУШНЫМ БОЕМ

— А теперь, — сказал майор Агеев, — мы с вами посмотрим воздушный бой. Хотите?

Смешно было даже задавать такой вопрос!

Я запрокинул голову и стал смотреть в небо.

— Э, нет, — засмеялся Агеев. — Напрасно стараетесь. Самолёты сейчас за сотню с лишним километров от аэродрома.

— Выходит, мы ничего не увидим? — упавшим голосом спросил я.

— Почему же не увидим? Увидим! — загадочно отозвался майор Агеев. — Идёмте.

Шли мы довольно долго и наконец упёрлись в небольшую дверь. Мы вошли в эту дверь и оказались...

Впрочем, где мы оказались, я не сразу понял. Потому что глаза мои после яркого солнечного света не сразу привыкли к царившему здесь полумраку. Минуту спустя я увидел мерцающие оранжевым светом экраны, различил фигуры людей, склонившихся над экранами.

Тут же рядом солдат-планшетист на большой прозрачной карте-планшете вычерчивал ломаные линии — маршруты самолётов.

— Глядите сюда! — сказал мне майор Агеев. Он показывал на самый большой экран.

Возле экрана сидел офицер с наушниками и микрофоном. Он не отводил глаз от экрана, и лицо у него было сосредоточенным и серьёзным.

А на оранжево светящемся экране я увидел маленькую яркую точку. Это значит — в небе летит самолёт. Невидимые радиолучи, которые постоянно посылает радиолокатор, нащупали его, отразились от самолёта, словно лучи света от зеркала, и здесь, на экране, возникла светящаяся точка.

— Это чужой самолёт, — сказал майор Агеев. — То есть, конечно, на самом деле он свой, наш, но сегодня играет роль нарушителя, противника.

В эту минуту на экране возникла ещё одна светящаяся точка. Она быстро двигалась наперерез той — первой.

— А это уже наш, — сказал майор Агеев. — Идёт наперехват.

Два самолёта стремительно неслись сейчас высоко в небе, вдали от аэродрома. А здесь, на экране, две светящиеся точки, два крошечных их отражения, сближались, — расстояние между ними становилось всё меньше.

Внезапно «чужой» самолёт изменил курс. Резко развернулся и пошёл вправо. И точка на экране радиолокатора двинулась вправо.

А наш истребитель продолжал мчаться вперёд. Казалось, ещё мгновение — и самолёты разминутся. Неужели «противник» сумеет ускользнуть?

Дежурный офицер ещё ближе склонился к экрану и что-то говорил в микрофон.

И сразу вторая точка на экране словно приостановилась на секунду и вдруг, развернувшись, опять уверенно двинулась наперерез цели.

Но «противник» не собирался сдаваться. Теперь «чужой» самолёт, видно, пытался сделать ещё один разворот и зайти в тыл нашему истребителю. Светящиеся точки на экране словно кружили одна возле другой.

Мы молча следили за этим поединком. Только голос офицера, склонившегося над экраном, нарушал тишину. Отсюда, с земли, он помогал нашему лётчику найти цель. Он сообщал о каждом новом манёвре «чужого» самолёта. Он управлял боем, который шёл сейчас высоко в небе. Потом я узнал, что должность этого человека так и называется: офицер боевого управления.

Всё меньшее расстояние разделяло две светящиеся точки на экране. Вот они сошлись вплотную, почти слились.

— Есть! — сказал майор Агеев.

Там, в небе, в эти мгновения пилот истребителя нажал гашетку фотопулемёта. Уже потом,

когда самолёты вернутся на аэродром, фотоплёнки расскажут, попал ли самолёт «противника» в его прицел или «очередь» прошла мимо, расскажут, кто из двух лётчиков оказался искусней, кто победил в воздушном бою...

Я думал, что теперь-то наступит передышка. Мне хотелось лучше познакомиться с офицером боевого управления. Но я не успел этого сделать — на экране появились еще две светящиеся точки.

Воздушный бой продолжался.

ЧТО ПОМНИТСЯ ЛЁТЧИКУ

— Товарищ майор, — сказал я, когда мы опять вышли на улицу, — а у вас бывали какие-нибудь чрезвычайные происшествия, случаи какие-нибудь исключительные, особенные, которые надолго вам запомнились?

Я давно уже собирался задать этот вопрос майору Агееву. Я нарочно приберегал его напоследок. Я был уверен, что такой замечательный, такой опытный лётчик наверняка расскажет мне массу всяких историй.

Я даже приготовил толстый блокнот, чтобы тут же записывать эти истории.

Но майор Агеев покачал головой и усмехнулся.

— Нет, — сказал он, — что-то не припомню я ничего такого. А если хотите знать, какой полёт помнится лётчику дольше всего, так я могу ответить. Вот когда слетаешь без одной ошибки, когда сам себе «отлично» поставишь, такой полёт и запоминается надолго...

Эти слова я и записал крупными буквами на первой странице своего толстого блокнота. Потому что над этими словами стоило подумать!

ВОТ И СУДИТЕ САМИ

В этот день мы ещё побывали:
на метеостанции, где дежурные метеорологи нам рассказали, какая погода ожидается завтра,
у прожектористов, которые готовились включить мощные прожекторы,

в лётной столовой, где нас накормили вкусным обедом, у солдат из роты аэродромного обслуживания, которые собирали, просушивали и складывали огромные тормозные парашюты, у радистов, которые обеспечивали бесперебойную связь земли с самолётами,

и, наконец, у руководителя полётов.

Здесь, на аэродроме, руководитель полётов — главный хозяин. Без его разрешения не поднимется в воздух ни один самолёт. Всё, что происходит во время полётов в небе и на аэродроме, знает руководитель. За всё отвечает.

Помещение, в котором за своим пультом работал руководитель полётов, походило на то, которое я уже видел на полигоне, только было значительно больше, просторнее. И разных приборов, переключателей на пульте здесь тоже было больше.

Весь аэродром был виден отсюда. Уже начинало смеркаться, вспыхнули сигнальные огни, серебристые лучи прожекторов высветили взлётно-посадочную полосу аэродрома.

С гулом и грохотом один за другим уходили ввысь боевые самолёты, оставляя за собой мгновенный огненный след...

— Ну что ж, — сказал майор Агеев, — теперь вы и сами можете подсчитать, сколько разных людей готовят лётчика к полёту, сколько разных людей помогают лётчику, когда он в небе.

И я стал считать:

— Инженеры, техники, метеорологи, связисты, радиолокаторщики, прожектористы...

— Ещё солдат аэродромного обслуживания забыли, — сказал Агеев. — Это они готовят аэродром к полётам, содержат его в чистоте и порядке.

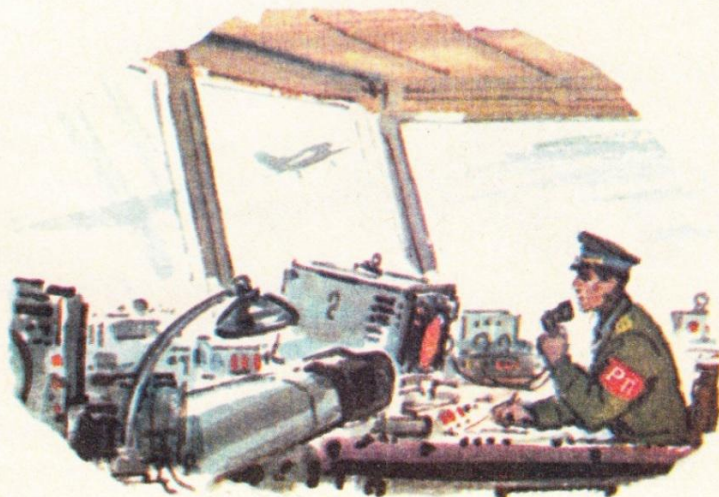
— И поисково-спасательную группу, — сказал я.

— И поваров, что готовят обеды для лётчиков, — сказал Агеев.

— И строгого доктора, — сказал я.

Майор Агеев посмотрел на меня и засмеялся:

— Вот и судите теперь сами, разве можно сказать про лётчика, что он остаётся один в небе? Я лично так скажу: нет, никогда не чувствует лётчик себя одиноко в небе. Один-то один, да вроде бы и не один. Разве не верно?

И ГРЯНУЛ БОЙ

А теперь я хочу рассказать о больших войсковых учениях.

Большие учения для солдат — вроде самого главного экзамена. Как умеют солдаты владеть своим оружием, как умеют управлять боевыми машинами, насколько сильны и выносливы — всё это проверяется на учениях.

И для командиров учения — тоже экзамен. Хорошо ли обучили они солдат, хорошо ли умеют вести наступление и держать оборону, управлять ротами, батальонами и полками — всё покажут учения.

Чтобы всегда была готова наша армия к защите Родины, чтобы была сильной и непобедимой, чтобы никакой враг не мог застать наших солдат врасплох — для того и устраиваются большие войсковые учения, или, как говорят военные, манёвры.

КАК НАЧИНАЮТСЯ УЧЕНИЯ

Тишина. Ночь.

Спят танкисты в своих казармах, спят мотострелки и артиллеристы. Крепок солдатский сон.

Только дневальные бодрствуют в казарме. Да время от времени прозвучат за окнами, в темноте мерные шаги — это разводящий со сменой караульных идёт менять часовых на постах.

И снова тишина.

И вдруг — разом зазвонили телефоны в казармах. Завыла сирена — сигнал тревоги.

— Рота, подъём! Тревога! — кричат дневальные.

Тревога! Тревога! Тревога!

И уже гремят по казарме солдатские сапоги, уже распахнуты дверцы пирамид с автоматами.

Есть в армии такая шутливая поговорка: «Солдат спит — служба идёт» — мол, пока солдат сны видит, срок службы всё равно ему засчитывается. Но если вдуматься, окажется у этой поговорки и второй — настоящий, глубокий — смысл: хоть и спит солдат, а всё равно он — на службе. Как бы ни был крепок солдатский сон, а зазвучит сигнал тревоги — и уже на ногах солдат, уже в полном солдатском снаряжении, всегда готов выполнить приказ Родины!

Тревога! И бегут танкисты к своим танкам.

Тревога! И мотострелки занимают свои места в боевых машинах пехоты.

Тревога! И выползают из укрытий грозные ракеты.

Грохочут моторы. Звучат приказания командиров.

Начинаются большие учения.

КТО КАК ДВИЖЕТСЯ

Со всех концов движутся в район учений войска. С одной стороны — «северные» к наступлению готовятся. С другой стороны — «южные» оборону занимают.

Не просто перебросить за сотни километров танки, орудия, машины. Как сделать это незаметнее, лучше, быстрее — об этом думают командиры.

Однажды, уже после учений, собрались танкисты на привале, разговорились.

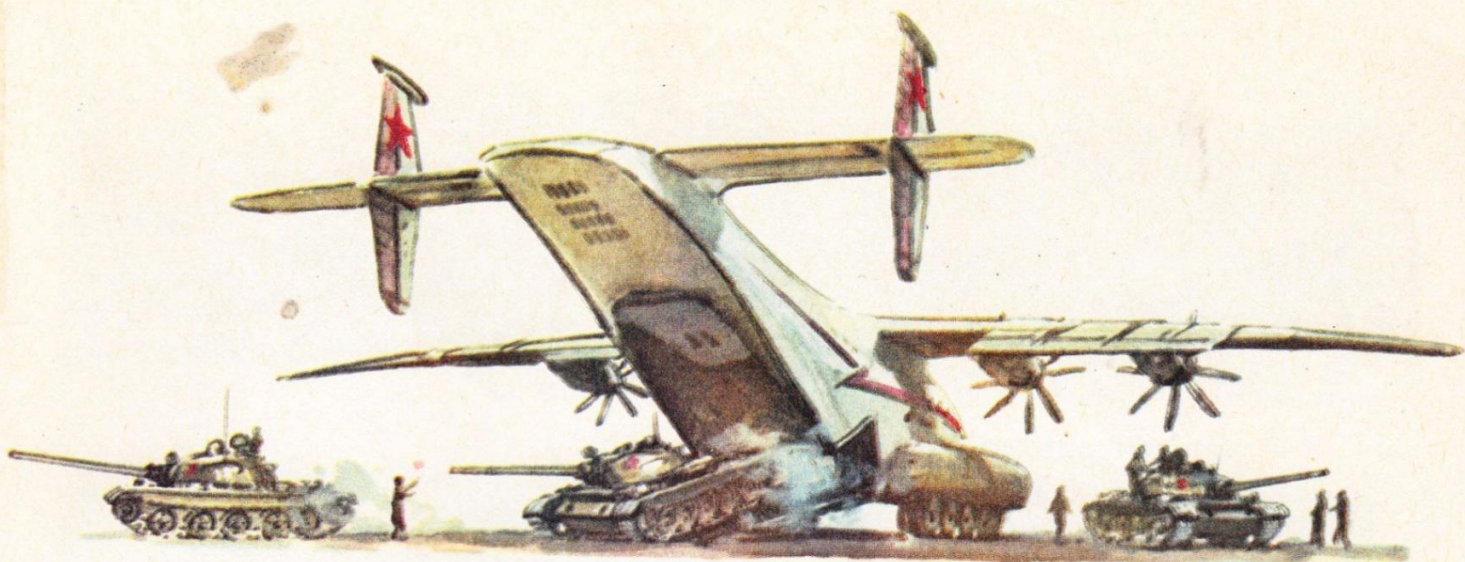
— Мы, — говорит один танкист, — сюда своим ходом прибыли. На танках. Всю ночь двигались. Ни одна машина не застряла, не сломалась.

— А мы, — говорит другой танкист, — в эшелоне ехали. Танки на платформах, а мы — в вагонах.

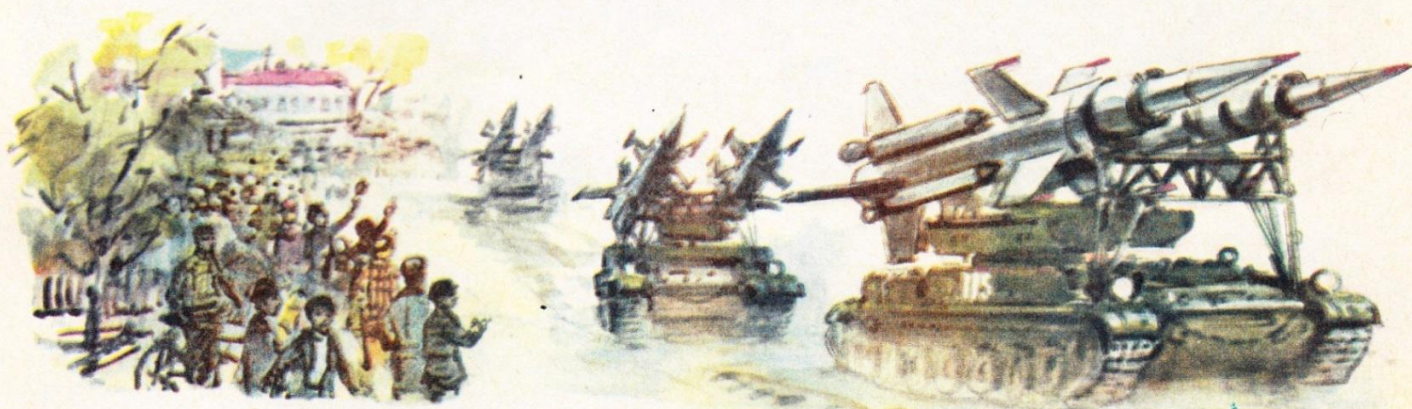
— А мы, — говорит третий танкист, — прилетели.

— Прилетели? На танках? — смеются солдаты. — Ну, ты даёшь!

— Почему на танках? На «Аннее»! Вместе с танками! — отвечает танкист. — Не успели по тревоге подняться, трёх часов не прошло, а уже, глядишь, здесь!

— Ну, если на «Аннее» — тогда другое дело. «Антей» кого хочешь поднимет! — с уважением говорят солдаты.

...Ночью с потушенными фарами движутся по дорогам боевые машины пехоты.

Грохочут колонны танков.

Ревут вездеходы с ракетными установками.

Проходят войска мимо посёлков, проходят через деревни, большие и малые. Смотрят на них люди и думают с гордостью: «Какая сильная, какая могучая наша Советская Армия!»

КТО КАК МАСКИРУЕТСЯ

Прибыли войска в район сосредоточения. А теперь другая задача — укрыться, спрятаться до поры, до времени, замаскироваться. Сделать так, будто и нет здесь никаких войск — ни танков, ни ракет, ни пушек. Чтобы ни с земли, ни с воздуха не мог бы «противник» заметить ничего подозрительного.

Тут уж приходится солдатам поработать!
И укрытия для машин копать, и дёрн резать, и маскировочные сети натягивать, и прочими хитростями маскировки заниматься.

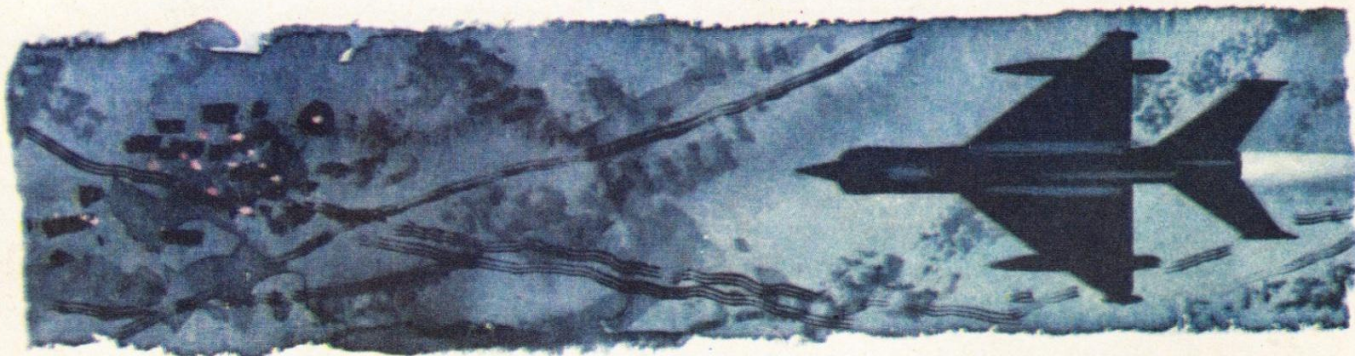

Зато попробуй отыщи теперь в чаще леса машины и танки!

КАКИЕ БЫВАЮТ РАЗВЕДЧИКИ

Войска ещё стягиваются на исходный рубеж, ещё маскируются, ещё готовятся к наступлению, а разведчики уже действуют. От них, от разведчиков, во многом зависит успех боя. Сумеют ли разведчики разгадать оборону «противника», сумеют определить его замыслы и планы — тогда и бой вести будет легче.

По-разному действуют разведчики.

Одни таятся за облаками, высоко в небе — вот как этот самолёт-разведчик. Отсюда, с высоты, всё видит, всё замечает зоркий глаз специальных фотоаппаратов.

Другие разведчики, надев маскхалаты, ловко и скрытно пробираются в тыл «противника».

В глубоком тылу действуют разведчики-десантники. Ночью, в темноте, бесшумно опускаются они на парашютах. Всё, что увидят, что узнают десантники, они сообщают по радиции в штаб.

Есть у разведчиков и специальные машины, быстрые и юркие. Они одеты в броню и вооружены пулемётами.

А эти солдаты тоже ведут разведку. Хотя и не крадутся они в тыл «противника», а спокойно сидят возле своих радиостанций, — они тоже разведчики. И разведку они ведут в радиоэфире. Ни радиопереговоры, ни радиogramмы «противника» — ничто не должно ускользнуть от их слуха.

Конечно, «противник» не станет передавать свои сообщения открытым текстом, он постарается их зашифровать, и зашифровать похитрее. Нелегко разгадать шифр, для этого нужно время. Но и так разведчики знают: если одновременно работают много радиостанций «противника», если они активно ведут переговоры, — значит, можно сказать точно: «противник» что-то замышляет.

Все донесения разведчиков поступают в штаб. Где оборона «противника» слабее, а где сильнее, где сколько танков и орудий — всё должны знать командиры. Всё наносят они на свои карты. Всё учитывают, прежде чем отдать приказ о наступлении.

КТО ИЗ ЧЕГО СТРЕЛЯЕТ

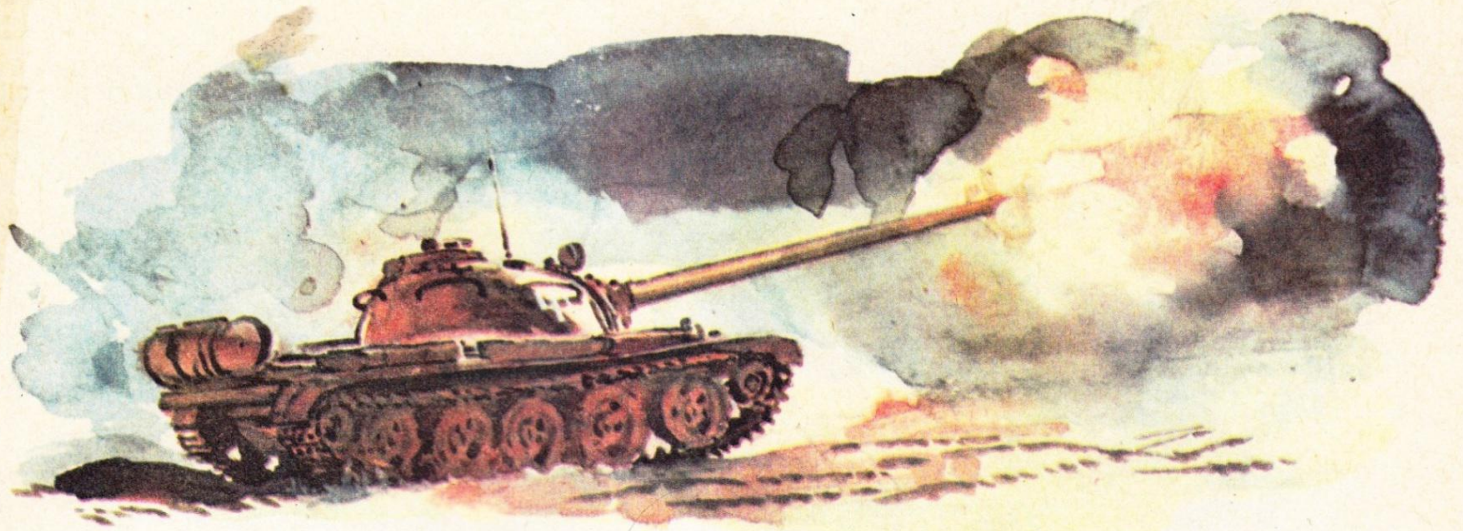
Автоматчик — из автомата. Надёжное оружие — автомат. Можно вести из него огонь одиночными выстрелами, можно — короткими очередями, можно — длинными. Можно стрелять лёжа, тщательно прицеливаясь, можно — на бегу, в атаке. Хорошего солдата автомат в бою никогда не подведёт.

Пулемётчик — из пулемёта. Давно уже ушёл в прошлое знаменитый «максим» — станковый пулемёт. Немало поработал «максим» и в годы гражданской, и в годы Великой Отечественной. А теперь его сменили другие пулемёты — они и весят меньше, и стреляют быстрее и надёжнее.

А это гранатомёт. Немалой выносливостью должен обладать солдат-гранатомётчик, чтобы с тяжёлым гранатомётом не отстать от других бойцов, вовремя поддержать огнём своё отделение. Зато ни один самый сильный, самый ловкий человек не может послать гранату так далеко и так точно, как это сделает гранатомёт.

Всего считанные минуты нужны миномётчику, чтобы подготовиться к бою.

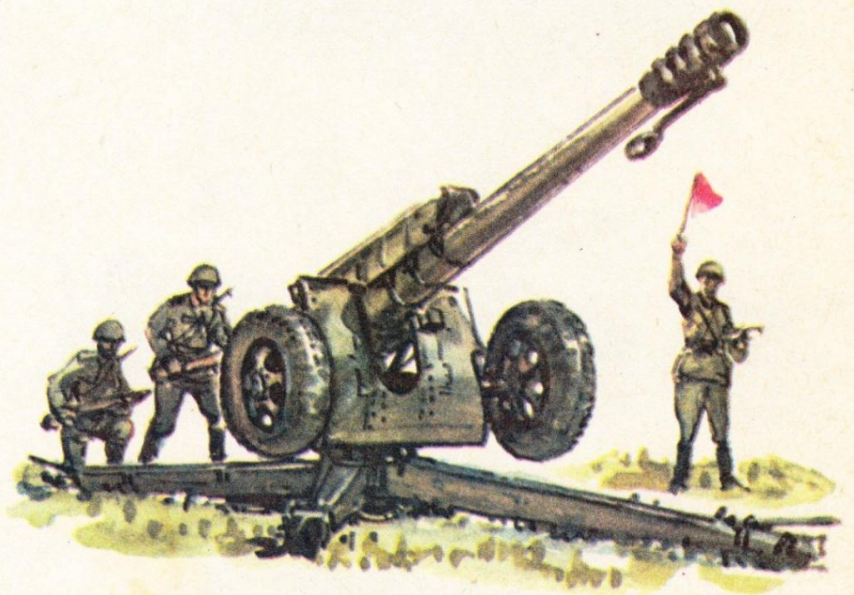

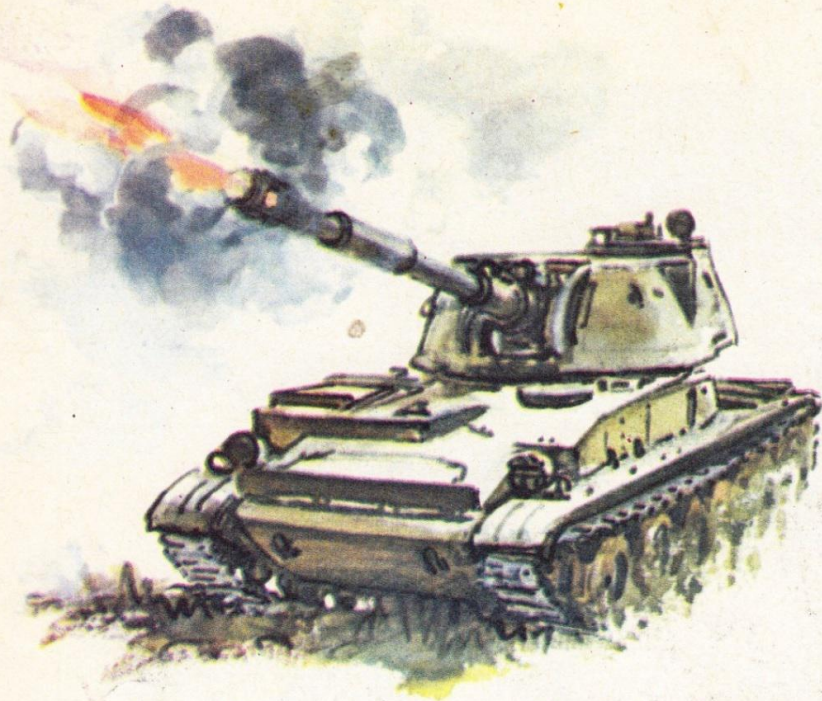

И из пушки, и из пулемёта ведут огонь танкисты. И на ходу, стремительно двигаясь вперёд, и даже ночью, в темноте, умеют танкисты стрелять точно в цель. В этом им помогают специальные хитрые приборы.

Ни одно сражение не обходится без артиллеристов.

Вот воздух прочертили огненные полосы. Это вступили в бой реактивные установки. Во время Великой Отечественной войны смертельный ужас наводили на фашистов прославленные «катюши». Теперь наши солдаты управляют ещё более грозными реактивными установками.

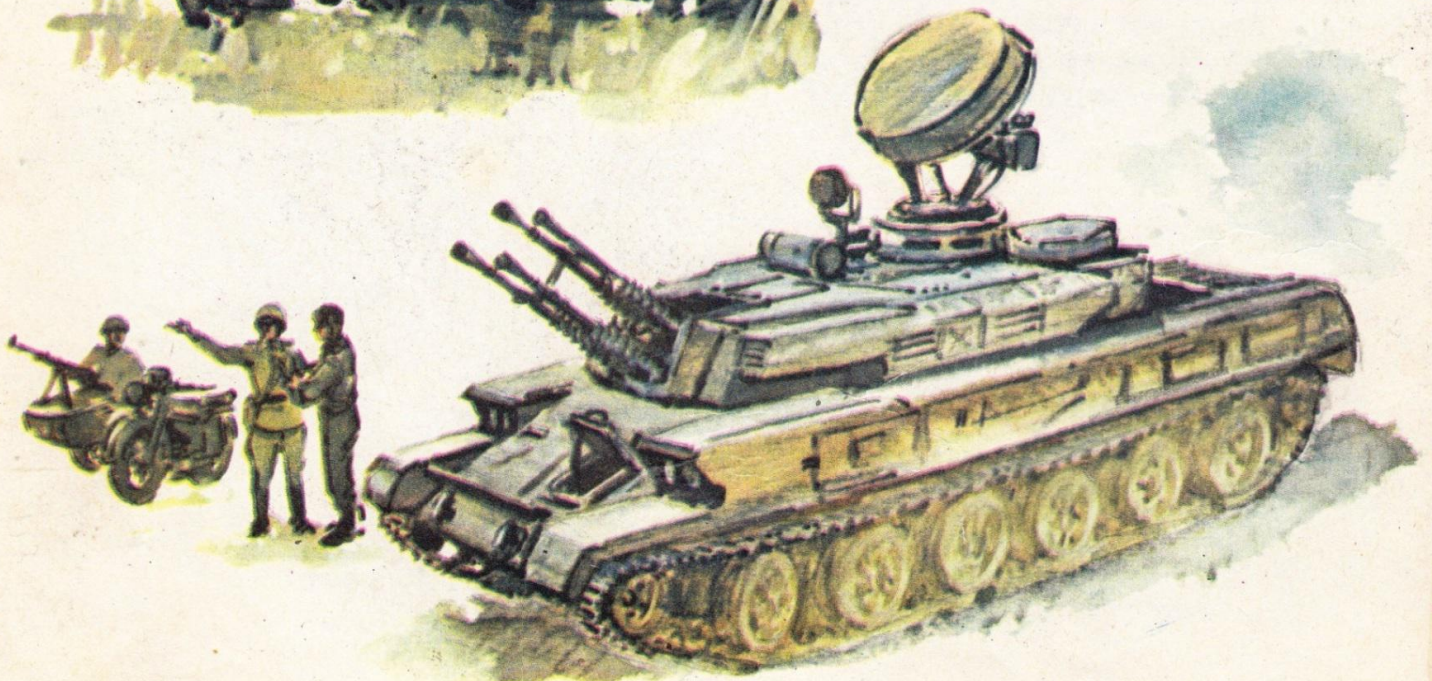
А это самоходная гаубица. Самоходная гаубица смело вступает в поединок с танками «противника».

Может ли артиллерист изменить, исправить полёт снаряда после выстрела? Смешно даже задавать такие вопросы. Конечно, нет.

А вот этот солдат-оператор может. Едва заметное движение рычага — и летящий снаряд послушно отклоняется вправо или влево, уходит вверх или вниз — к цели. Потому и называются такие снаряды — ПТУРСами — противотанковыми управляемыми реактивными снарядами. Точным глазом и твёрдой рукой должен обладать солдат, управляющий ПТУРСами. И отважным характером — ведь ему приходится вести бой с танками.

Зенитчики пристально следят за небом. Самолёты «противника» могут в любую минуту появиться и в заоблачной вышине, и над самой землёй. Не отрывают глаз от

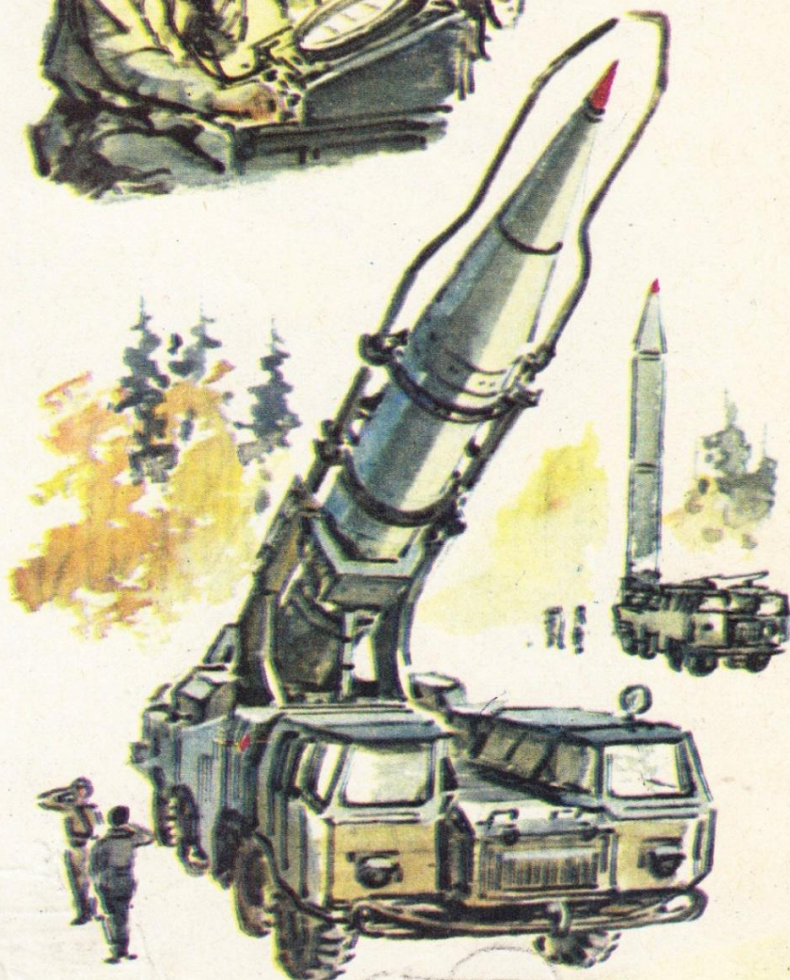

экранов радиолокаторов операторы радиолокационных станций — они должны обнаружить самолёты «противника» первыми. И тогда уже вступят в бой и скорострельные зенитные пулемёты, и пушки, и неотразимые ракеты.

Грозные ракеты выдвигаются на свои огневые позиции. Никакие, даже самые огромные, самые дальнбойные пушки не могут тягаться с ракетами.

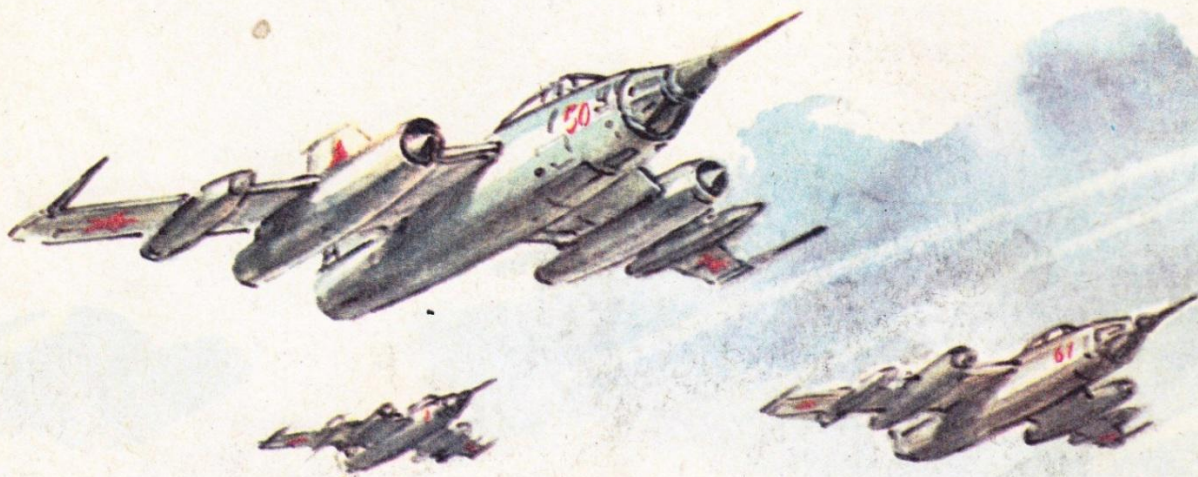
А это тоже ракета. И управляет ею стрелок-зенитчик. Такой ракете достаточно только приблизиться к самолёту, и она уже сама отыщет и поразит цель.

Разное оружие у наших солдат. Есть проще, есть сложнее. Но любое оружие — и самое сложное и самое простое — служит верно лишь умелому и старательному солдату — тому, кто знает его на отлично, до самого последнего винтика.

КТО КАК АТАКУЕТ

Настал главный час — час атаки. «Северные» двинулись в наступление. Сверкнули в воздухе и исчезли истребители-бомбардировщики.

Стремительно мчатся вперёд, разворачиваются в грозные боевые порядки танки.

Словно подвижные бронированные крепости, несутся неудержимо вперёд боевые машины пехоты. Прямо из машин сквозь бойницы ведут огонь автоматчики. Без устали работают скорострельные пулемёты.

Но вот приостановились машины, и автоматчики выскакивают из них. А чуть поодаль спрыгивают отважные мотострелки с брони танков — это танковый десант.

Грозные боевые вертолёты поддерживают наступающих огнём с воздуха. Вперёд! Вперёд!

А вот с фланга, из-за леса, вырываются ещё несколько вертолётов. Прижимаясь к земле, они заходят в тыл «противника». Вертолёты ещё висят

8

над землёй, а автоматчики уже быстро и ловко спускаются по верёвочным лестницам, спрыгивают вниз. И сразу — в бой!

Упорно обороняются «южные».

Беспрерывно гремят выстрелы, грохочут взрывы. Дым и пыль стоят над полем боя.

Конечно, в этом бою нет ни убитых, ни раненых. И стреляют в таком бою холостыми патронами. Вместо снарядов и мин под гусеницами танков рвутся специальные взрыв-пакеты. А кто победил в бою — это определяют офицеры-посредники. И смелые, уверенные действия солдат, и удачный манёвр, и любая ошибка, оплошность — ничто не ускользнёт от глаз посредников.

Но бывают и другие учения — с настоящей боевой стрельбой. Только тогда место «противника» занимают мишени. Метко стреляют наши танкисты и ракетчики, артиллеристы и миномётчики — лишь успевай готовить мишени!.. ||

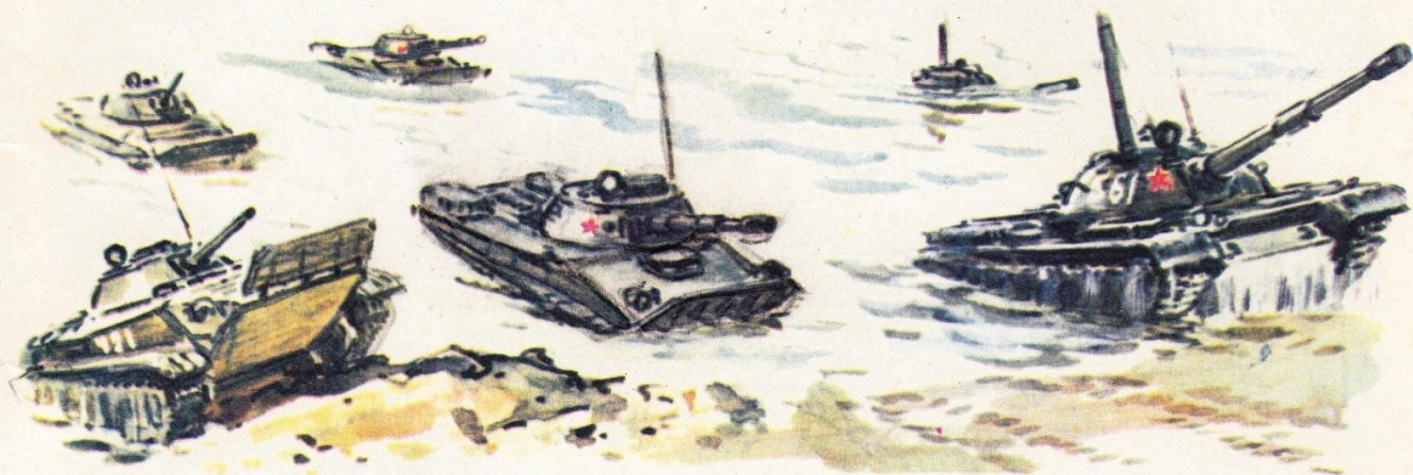
КТО КАК ПЛАВАЕТ

Под натиском «северных» «южные» решают отойти на новую линию обороны. Им нужна передышка, чтобы перегруппировать свои войска. Может быть, река задержит «северных»?

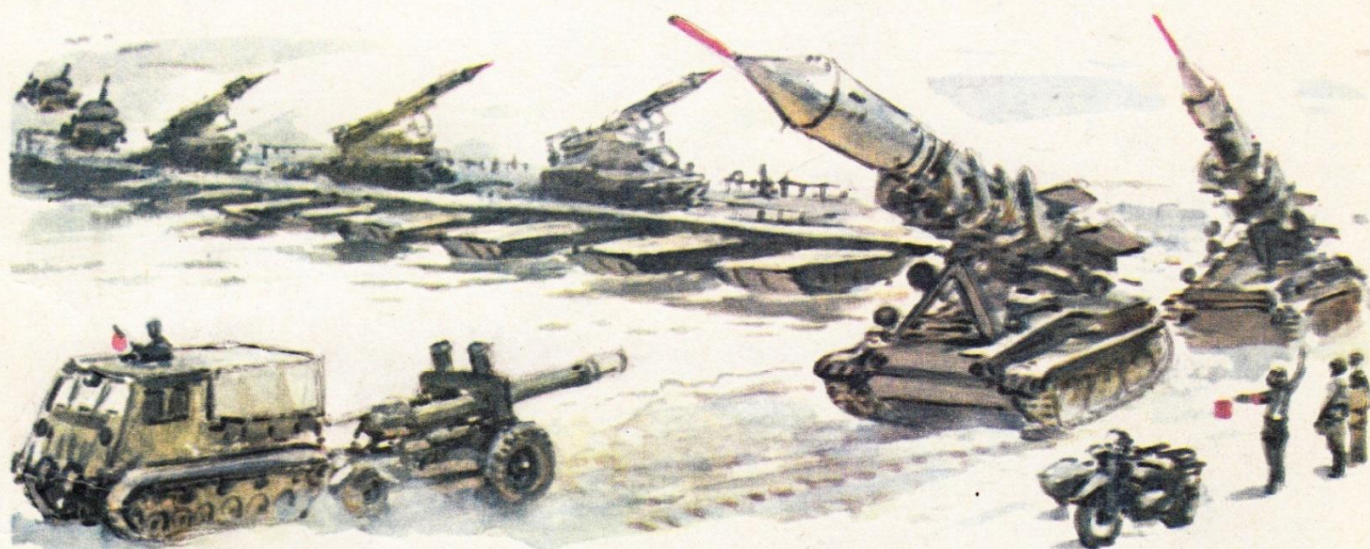
Но нет, и река не преграда для наступающих.

Боевые машины пехоты и в воде себя чувствуют так же уверенно, как на суше.

С ходу устремляются к другому берегу плавающие танки.

А тяжёлые танки один за другим скрываются под водой. Только специальные воздухопитающие трубы видны над поверхностью реки. Минута, другая — и танки выползают на противоположный берег.

Пока передовые части ведут бой с «противником», сапёры уже быстро и уверенно делают своё дело — наводят переправу. Когда-то прежде главными помощниками сапёров были топор, пила да лопата. Теперь же десятки умных, мощных машин помогают им.

Переправа растёт прямо на глазах. Ещё немного — и войска «северных» хлынули по новому мосту на другой берег.

КТО КАК АТАКУЕТ

(продолжение)

Разведка «северных» донесла, что «южные» спешно подтягивают из тыла новые подкрепления. Если «южные» успеют собраться с силами, «северным» придётся нелегко. Необходимо срочно перерезать дороги в тылу «южных».

Кто может это сделать?

Десантники.

Десятки самолётов поднимаются в воздух. И маленькие Ан-2, и большие Ан-12, и даже самолёты-гиганты «Антей».

Отважные люди — десантники. Ни ночь, ни мороз, ни жара — ничто не может остановить их. Из ночной темени, из-за облаков внезапно обрушиваются они на головы «противника».

Вместе с десантниками на специальных парашютах опускаются на землю бронетранспортёры, пушки, самоходные орудия.

Не десяток, не сотня — тысячи парашютистов — вот что такое современный десант!

«Противник» ещё не успел опомниться, а уже целая дивизия действует у него в тылу.

Захвачен аэродром. Теперь уже самолёты «северных» с боевой техникой могут приземляться сюда.

Идёт стремительный бой за населённый пункт. Храбро и умело сражаются десантники. А на соединение с ними уже идут основные войска «северных».

Наступление продолжается.

КТО ПОБЕДИЛ?

Выполнили «северные» свой замысел: не дали «южным» подтянуть резервы. Вот и не удалось «южным» остановить наступление, не хватило сил. Как ни упорно оборонялись «южные», как ни пытались контратаковать, а исход сражения был теперь предreshён — победу одержали «северные».

Уже после боя встретились два солдата — один из них во время учений сражался за «северных», другой — за «южных». Встретились и, конечно, сразу заспорили.

«Северный» говорит:

— Ловко мы вас одолели?

А «южному» обидно.

— Мы же специально действия в обороне отработывали. Да если бы нам приказ дали наступать, мы бы...

— «Мы бы! Мы бы!» — смеётся «северный».

А «южный» ещё больше сердится.

И тут их спор услышал офицер-посредник.

— Сейчас, — говорит, — я вас рассужу по справедливости. Вот вы, — обращается он к «северному», — научились чему-нибудь на манёврах?

— Ещё бы! — говорит «северный». — Я в разведку ходил, через реку на бронетранспортёре переправлялся, в наступлении участвовал...

— Хорошо. А вы? — спрашивает офицер «южного».

— Конечно! — говорит «южный». — Таких интересных манёвров я никогда в жизни не видел! Мы танковую атаку отражали — как в настоящем бою! А ещё...

— Ну вот видите, — говорит офицер-посредник. — Значит, прибавилось у вас солдатского опыта и умения. У всех, кто участвовал в манёврах, прибавилось. И у «северных», и у «южных». А раз так — выходит, кто победил? Победила Советская Армия. Разве неверно?

Засмеялись солдаты. А что — ведь и действительно верно!

КАК ВСТРЕЧАЮТ СОЛДАТ

Вот и окончены учения.

Хорошо потрудились солдаты. Не щадили своих сил. Заслужили похвалу командиров. И теперь возвращаются домой — в свои казармы.

Двигутся колонны через деревни и посёлки. И всюду высыпает навстречу солдатам народ — посмотреть на могучие танки, на грозные ракеты, на быстрые пушки.

Наша страна — мирная страна. Никто в нашей стране не хочет войны. Но мир нужно беречь, нужно защищать. Чтобы враги мира не могли застать нас врасплох, нашей стране нужна сильная армия.

Цветами встречают солдат.

Смотрят на них седые мужчины и вспоминают свою молодость, вспоминают, как сражались с врагом в годы Великой Отечественной.

Смотрят на них мальчишки, руками машут, залезают на броню танков, чуть только приостановятся машины. Мечтают мальчишки о том времени, когда наступит и их время служить в армии.

Смотрят на солдат женщины, улыбаются ласково, думают о своих сыновьях.

Слава, слава солдатам!

ВСЕХ РОДОВ ОР

Такие петлицы носят солдаты на парадно-выходных мундирах.

НАРУКАВН

Звезда и эмблема
к фуражке.

Мотострелковые
войска.

Артиллерия.

Бронетанковые
войска.

Звезда
к шапке-ушанке.

Войска связи и
радиотехнические
войска.

Железнодорожные
войска.

Автомобильные
войска.

Звезда
к пилотке.

УЖИЯ СОЛДАТЫ

А это петлицы к закрытому кителю.

МЕ ЗНАКИ

Авиация.

Воздушно-десантные войска.

Инженерные войска.

Химические войска.

Трубопроводные части.

Военные строители.

Медицинская и ветеринарная службы.

Военные дирижёры и музыканты.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЛДАТСКИЕ ЧАСЫ	5
БЕЗ ЧЕГО СОЛДАТ НЕ СОЛДАТ	25
ВЫХОЖУ НА СВЯЗЬ	41
ЧТО УМЕЮТ ТАНКИСТЫ	59
КАК Я ПРЫГАЛ С ПАРАШЮТОМ	83
КТО ОХРАНЯЕТ НЕБО	99
РУКИ САПЕРА	117
КАК ЖИВЁТ АЭРОДРОМ	131
И ГРЯНУЛ БОЙ	147

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

*Напишите, понравилась ли Вам книга.
Какие военные профессии кажутся Вам самыми интересными? Почему?
Напишите свой точный адрес и возраст.*

Пишите по адресу:

*Ленинград, 191187, наб. Кутузова, 6.
Дом детской книги издательства
«Детская литература».*

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Никольский Борис Николаевич
АРМЕЙСКАЯ
АЗБУКА

Ответственный редактор Н. Л. Страшкова.

Художественный редактор А. В. Карпов.

Технический редактор Т. С. Тихомирова.

Корректоры Л. А. Бочкарёва и Л. А. Ни.

ИБ 6926

Сдано в набор 09.06.82. Подписано к печати 15.12.82. Формат 60×90^{1/8}.
Бумага офсетная № 1. Шрифт школьный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21.
Уч.-изд. л. 16,58. Усл. кр.-отг. 130,5. Тираж 100 000 экз. Заказ № 375. Цена
в пер. № 5—1 р. 90 к.; в пер. № 7 с суперобложкой—2 р. 10 к. Ленинградское
отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская лите-
ратура». Ленинград, 191187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2
Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Никольский Б. Н.

Н 64 **Армейская азбука: Рассказы. — Переизд./Рис.**
В. Шевченко. — Л.: Дет. лит., 1983. — 166 с., ил.

В пер. № 5: 1 р. 90 к.

В пер. № 7 с суперобложкой: 2 р. 10 к.

Сборник ранее издававшихся рассказов о Советской Армии, о различ-
ных воинских профессиях.

4805010102—118
Н-----202—83
М101(03)—83

Р